

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Кафедра общего языкознания и славянских языков

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников I Республиканской
научно-практической интернет-конференции
студентов и молодых учёных*

Горловка
2018

УДК 811.16
ББК Ш81.41
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 5 от 31.01.2018)*

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «ГИИЯ»; **Н. В. Волкова** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ОО ВПО «ГИИЯ»; **Н. А. Белоконь-Пожарицкая** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «ГИИЯ»; **И. А. Герасименко** (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **Н. В. Лешкова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **О. В. Блюмина** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **И. С. Святобаченко** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **О. В. Сырова** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ»; **Ю. Л. Дмитриева** – преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «ГИИЯ».

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам I Респ. науч.-практ. интернет-конф. студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – 132 с.

В сборнике собраны научные статьи участников I Республиканской научно-практической интернет-конференции студентов и молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», посвящённые исследованиям актуальных вопросов лингвистики и литературоведения, новейших технологий языкового обучения и стилистики.

Для студентов-филологов, магистрантов, аспирантов, преподавателей в школе и вузе.

**УДК 811.16
ББК Ш81.41**

Аносова Е.
Науч. рук. – преп. Брыкова Н. А.
г. Макеевка, ДНР

ПРИРОДА РІДНОГО КРАЮ У ПЕЙЗАЖНІЙ ЛІРИЦІ ПИСЬМЕННИКІВ ДОНБАСУ. ТВОРЧІСТЬ ВОЛОДИМИРА БАЛЮКА

В своїй статті ми пропонуємо збагнути поетичний світ Володимира Балюка, особливості його поетичної творчості, джерела ліричного таланту митця; розвивати читачький досвід і естетичні смаки, вміння відрізнати справжню поезію від ерзацу, формувати власний естетичний світ; виховувати почуття гордості, що ми належимо до одного з найталановитіших народів світу.

Ключові слова: ліричний твір, художній образ, література рідного краю, художні засоби, художні смаки.

Земля батьків, моя ти рідна земле,
Невичерпне нагхненне джерело,
Через роки спокійні і буремні
Вбираю твою силу і тепло [1, 38].

Ознайомлення й літературознавче дослідження творчості письменників донецького краю – питання на сьогоднішній день цікаве й актуальне. Ми все частіше звертаємося до історії рідних місць, намагаємося глибше й усебічніше її пізнати.

Сучасний учитель, вихователь повинен бути добре обізнаним в художньо-літературних скарбах рідного краю, щоб уміло донести їх красу і неповторність своїм учням та вихованцям. Твори письменників-земляків відновлюють у читача історичну пам'ять, розкривають культурні цінності народу, залишають у серці глибокий слід, повертають до стежини дитинства, протоптаної у тому рідному куточку на великій планеті, де людина вперше спинається на ноги і починає усвідомлювати найважливіші істини Буття. Літературне краєзнавство – це специфічна галузь науки про літературу, предметом якої є вивчення фольклорної спадщини та літературних творів, художніх образів, нав'язаних природою, історичними подіями, традиціями, звичаями, побутом і людьми рідного краю. Сьогодні, як ніколи, саме ця частина курсу літератури може стати тим містком, який поєднає читачьке життя зі світовою літературою і культурою, утвердить естетичні функції мистецтва слова та розкутість художнього мислення, сприятиме розвитку естетичних смаків та формуванню читачької культури, зміцнить патріотичні почуття та національну свідомість людини.

Донецький край славиться споконвіку людьми працьовитими, талановитими. Відомими для знавців і дослідників української літератури є твори письменників XIX ст. Михайла Петренка, Миколи Чернявського, Микити Шаповала (Сріблянского) та ін., твори митців XX ст. Володимира Сосюри, Павла Байдебури, Грицька Бойка, Анатолія Косматенка, Спиридона Черкасенка, Леоніда Талалая, Івана Дзюби, Олекси Різника, Галини Гордасевич, Івана Білого, Віталія Павловського, Станіслава Жуковського, Івана Білого, Юрія Доценка та ін.

Значне місце на літературній карті Донеччини займають постаті українських письменників діаспори Володимира Біляєва, Василя Гайворонського, Леоніда Лимана, Емми Андіївської та ін. Це вони прославили й звеличили рідну землю своєю творчістю.

Дослідники літератури Донеччини – І. Дзюба, В. Романько, В. Оліфіренко, В. Просалова, Ф. Пустова, Т. Бублик, О. Задюченко.

В своїй статті ми пропонуємо збагнути поетичний світ Володимира Балюка, особливості його поетичної творчості, джерела ліричного таланту митця.

Мета статті полягає у здійсненні аналітичного дослідження поетичного доробку Володимира Балюка, комплексного дослідження його творів як оригінального вияву образного мислення.

Предметом дослідження виступають видання Володимира Балюка, поетичний доробок поета.

Об'єктом дослідження є питання становлення поетичної творчості Володимира Балюка в літературі Донеччини.

Куди спішу,
Ніхто не знає...
Навіщо падаю в траву?
Душа приємності бажає...
Бо на Землі
Я ще живу [1, 59].

Балюк Володимир Іванович народився 17 червня 1941 року в селі Городковка Крижопольського району Вінницької області. Закінчив Київський державний університет. В. Балюк – журналіст. Перша поетична книга «Жернова» була видана російською мовою. Друга – «Джерело» – українською і третя «... А душа поет» – російською. В. Балюк працює в російськомовній газеті «Макеевский рабочий». «Але любов до рідної мови виплескує в віршах українською мовою. «Джерело» – це філософські роздуми про життя, природу, взаємини між людьми», – записав у розділі «Від автора» В. Балюк.

Вірші почав писати зі шкільної лави. Близькою була і російська, і українська мова. 20 років В. Балюк був заступником головного редактора газети «Макеевский рабочий». Як справжній журналіст, як людина з великої літери В. Балюк дуже добре розуміє: справжнє

мистецтво неможливе без правди, без постійного прагнення пізнати і виразити істину:

Звідки сили черпаю
І натхнення святе?..
Там, у рідному краї,
Де калина цвіте [1, 65].

Це своєрідна сповідь великого життєлюбця, ніжного й трепетного лірика Володимира Балюка. Питання віри і надії порушено в поезії «Доле, моя доленько...». Кожний мріє прожити повноцінне життя. І найбільша надія – на долю. Вірш звучить, як душевна народна пісня. У поезії «Доле, моя доленько...» передається радісний, світлий настрій ліричного героя, його захоплення красою життя. «Ой, як щастя хочеться Через край» – саме цим почуттям охоплене серце ліричного героя. Риторичне звертання «Доле, моя доленько...» допомагає відчувати й зрозуміти безмежне прагнення людини бути щасливою. А наявність дієслів *не крути, не руйнуй, не кидай, відведи, дай зігріти, зачекай, хочеться* – це велика віра в силу людського духу. Та чи кожна людина таким духом наділена?...

В. Балюк стверджує: вірші народжуються з одного слова, з одного рядка. На все треба дивитися своїми очима. Поезія – це окрема країна. Туди входять тільки незвичайні люди.

Для В. Балюка життя – як даність, як реальність, як вічність. Перед нами поезії-роздуми про обов'язок живих. Важко передбачити, куди поведуть життєві путі-дороги, але кожен із нас мусить залишатися людиною. Гуманістичний пафос, ідейний наголос вірша «Белой зависти не бывает» – у словах:

Мы от зависти все страдаем,
Продолжая свой в жизни бег.
Белой зависти не бывает.
Белым падает только снег [2, 66].

Чиста й відверта порада поета бути мужнім, розважливим і терплячим звучить у вірші «Заздрости», адже :

У заздрости нема тепла живого.
Вони холодні й гострі, мов стріла.

Хіба ж можна собі дозволити нічого в житті не робити, а тільки роздмухувати ненависть, постійно чекати якихось негараздів. Найближчою має бути надія.

У віршах Володимира Балюка відчувається вражаюча здатність єдності з природою. Він любить природу й розуміє її. Перші два рядки – про перші часті осінні дощі. А потім – портрет осені:

Несе річка води чисті.
В вирій квапляться пташки.
У фруктовому намисті
Зажурилися садки [2, 84].

Завдяки поетові ми проймаємося тонким осіннім мінором. Для ліричного героя В. Балюка спілкування з природою є способом відновлення фізичних та духовних сил. Це вражаюче засвідчено в поезії «Вночі на землю випав сніг». Щоб зберегти душевну рівновагу, поет захоплюється радістю від білого снігу, але не дозволяє собі забувати порадити:

Побільше снігу набирай,
Бо він, як совість, чистий.

Цікаво, що в цій поезії ставлення героя до природи набуває інтимно-довірливих інтонацій. Тут сильний підтекст: ніколи не можна забувати про велич і красу людської душі.

У поезії російською мовою «Розы» виявляється характерне для поета буквально обожнювальне ставлення до природи. У трактуванні В. Балюка природа розумна, добра, незрадлива. Таке відчуття, що поет зіставляє людину й природу. Він віддає перевагу останній, примушуючи людину багато думати.

Поезія «Зеленим полум'ям навкруг...» є витонченим філософським шедевром:

Творити хочеться, любить,
Світ загадковий пізнавати,
Ловити мрійно кожну мить
І щастям душу зігрівати [2, 10].

Реальна дійсність і казка зливаються в поетовій душі в чарівну симфонію краси життя. Пейзаж служить у В. Балюка-художника одним із засобів виразного розкриття внутрішнього світу ліричного героя. Він ніби пропускає крізь призму своїх почуттів усе бачене, тонко відчуває звуки і барви природи. Ліричний герой надзвичайно спостережливий, він по-своєму сприймає природу: «почуття бурлять зухвало». Так, перед читачем відкривається принадна краса весни, але й безмежна віра в людину, в її сили і прагнення до нового, прекрасного в житті.

Вражає нас своєю любов'ю до рідного краю і поезія російською мовою «Донецкий край»:

Донецкий край
Плывут неспешно облака.
Куда, никто не знает.
Живу и здравствую пока
В донеском чудо-крае [2, 48].

Отже, відбулася наша зустріч із поезією Володимира Балюка. Тільки частково вдалося відповісти на питання: звідки творча й життєва наснага поета. Звідки оті його безмежні духовні щедроти... Тема залишається новою і актуальною для подальшої роботи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Балюк В. І. Джерело. / В. І. Балюк. – Донецьк : ТОВ «Либідь», 2005. – 120 с.
2. Балюк В. І. Жернова : Стихи. / В. І. Балюк. – Донецьк : ООО «Лебедь», 2001. – 150 с.

SUMMARY

Anosova E. The nature of home region in the Donbass'writers landscape lyrics. Volodimir Balyuk's oeuvre

The article contains the analysis of lyrical works of the poet from Makeevka. The role of the tropes, the originality of lexicon in these works is analyzed. The role of the literary local study in studying of literary process in general is investigated.

Keywords: lyrical work, poetical image, tropes, the native land literature.

Белоконь Е.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
г. Горловка, ДНР*

РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В результате изучения феномена языковой личности в целом разными учеными отмечено, что обозначенный вопрос, несмотря на достаточно длительную историю его изучения, и сегодня остается открытым и представляет широкое поле для междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: языковая личность, имидж, статусный образ, речевой имидж.

Интерес к человеческой личности в её языковых и речевых проявлениях – один из основных двигателей современной лингвистической парадигмы. Личность, которая порождает и воспринимает речевые сообщения – homo loquens – хоть и имеет способности к речи, все же является, в основном, субъектом социальным, который обладает сознанием, что, в свою очередь, является предметом изучения в рамках разных наук гуманитарного цикла.

Рассмотрим, как определяется понятие «личность» в разных сферах гуманитарной науки. Личность в философии – это человек как субъект общеисторического процесса, развития материальной и духовной культуры, носитель сознания и самосознания, внутреннего субъективного мира, ориентиров и установок [1, 302].

В педагогике личность истолковывают с точки зрения её психо-социальной сущности, для неё является характерным развитие психики, способность к активному мышлению, а также способность усваивать социальный опыт.

В социологии и политологии личность – это конкретный человек как система устойчивых качеств и свойств, которые реализуются в социальной жизни. Личность – это одно из основных понятий, которое обозначает социально и духовно развитого человека.

Личность в психологии – это выражение человеческого в индивидууме, комплекс устойчивых психологических, мировоззренческих и поведенческих признаков, которые сформировались на основе врождённых или приобретённых биологических свойств. Личность в общем смысле – это субъект социальных отношений и осознанной творческой деятельности; носитель совокупности качеств, присущих определённому человеку, составляющих его индивидуальность; отдельное человеческое «я».

Говоря о *homo loquens*, что вмещает в себя и языковую личность, и речевую личность нельзя не упомянуть о языковом паспорте, который предоставляет информацию и о языковом идиостиле человека. *Речевой паспорт* – это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой), данные о личности говорящего, отражающие особенности использования им слов и фразеологизмов с коннотативным макрокомпонентом значения, которые имплицитно содержатся в его высказываниях и могут быть потенциально извлеченные из них слушателем. Идиостиль человека (если терминологически противопоставить его речевому паспорту) можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор. Речевой паспорт – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции. Компетенция также включает языковое чутьё, т. е. «систему бессознательных оценок, отображающих системность языка и общественные языковые идеалы» [3, 22].

Н. А. Вострякова выделяет четыре компонента в языковом паспорте – биологический (пол и возраст), психический (эмоциональное состояние в момент речи), социальный (национальность, социальный статус, место рождения, профессия) и индивидуальный.

С позиции социально-статусного моделирования можно противопоставить стабильные и вариативные характеристики языковой личности (статусные и ситуативно-ролевые). К первым относятся биологические и социальные индексы, ко вторым – позиционные, эмоциональные, ситуативные индексы. Очевидно,

что вариативные индексы – это уточнение постоянных статусных индексов (человек определенного пола и возраста, определенного образовательного и имущественного уровня, принадлежит к определенной этнокультурной и социальной группе, с которой он себя ассоциирует, будет вести себя в различных коммуникативных ситуациях в соответствии со стереотипами поведения, присущих ему как носителю постоянных статусных индексов). Именно поэтому нередко человеку достаточно лишь нескольких мгновений общения с незнакомцем, чтобы отнести его к тому или иному существенному для него классу [2, 14]. В подобной ситуации индивид опирается, в частности, на доминантные в лингвокультуре авто- и гетеростереотипные представления. Результатом анализа языковой личности исследователи называют речевой портрет, и эта иерархически организованная структура вмещает: социопсихолингвистический портрет, особенности лексикона (на всех системноязыковых уровнях) и особенности языковой субкультуры.

Исследуя *homo loquens*, В. П. Нерознак различает два основных типа языковой личности: 1) стандартную, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка; 2) нестандартную, которая объединяет в себе «верхи» и «низы» культуры языка. К верхам культуры исследователь относит писателей, мастеров художественной речи. Низы культуры объединяют носителей маргинальной языковой культуры (антикультуры). Показателем принадлежности говорящего к языковым маргиналам автор считает ненормированную лексику.

Понятие речевого имиджа представляет собой «надстроечное» социо-психолингвистическое понятие, коррелирующее как с базовыми понятиями прагматики (теории речевых актов), так и с основными постулатами теории интеракции (речевого взаимодействия). Рабочим определением понятия «речевой имидж» может служить следующее: речевой имидж это система типичных для конкретного индивидуума речевых реакций и способов (моделей) порождения связного текста, способствующих либо препятствующих достижению позитивных целей общения. Таковыми целями общения могут быть: 1) сообщение адресату о некотором событии, явлении, предмете, лице, идее; 2) воздействие на адресата для коррекции его точки зрения либо поведения; 3) проявление эмоции в качестве дейксиса (заместителя) сообщения. Различные формы дискурса, его фрагментов, модели построения дискурсов оказывают также влияние на содержание, структуру и тип речевого имиджа, но оказываются тем не менее внешними по отношению к нему.

Что касается речевого имиджа, то этим понятием можно называть особое речевое языковой личности, сформированное под

воздействием социальной среды либо сознательно отвечающее основным законам речевого общения (интеракции) и соотносимое со структурой и характером языковой личности. Поэтому структура речевого имиджа включает в себя: а) элементы структуры языковой личности; б) аутентичные элементы. Наблюдения над речевым поведением языковой личности показывают, что в структуру речевого имиджа включаются:

- 1) возрастной имидж;
- 2) социальный имидж;
- 3) культурный имидж.

Человек участвует в процессе создания имиджа всей своей телесной, психологической и духовной сущностью. Речь – центральный элемент личного имиджа, поскольку воспринимается в совокупности с внешностью, манерой одеваться, двигаться.

Таким образом, в оценке индивидуальной манеры общения «не иметь своего голоса», значит почти тоже, что не иметь своего лица. Эти два понятия тесно связаны с личностью человека [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Домышева С. А. Политический дискурс как порождающая причина дискурса реагирования / С. А. Домышева // Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – С. 148–156.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: [монография] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 407 с.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи / Костомаров В. Г. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 246 с.
4. Осетрова Е. В. Речевой имидж / Е. В. Осетрова. – М., 2004. – 219 с.
5. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века: под ред. Складчиковой Г. Н. – М., 2005. – 864 с.

SUMMARY

Belokon K. Speech image in modern linguistics

As a result of studying of the phenomenon of linguistic personality in general by different scholars note that the indicated issue, despite a rather long history, and today remains open and presents a wide field for interdisciplinary research.

Keywords: linguistic personality, image, status image, speech image.

ИСКОННО РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ В НАШЕЙ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию ряда русских фразеологизмов, их связи с историей и культурными реалиями того или иного времени. В центре внимания находятся собственно русские по происхождению фразеологизмы, составляющие ядро русской фразеологической системы и обладающие ярко выраженной национально-культурной спецификой.

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеологическая единица, устойчивые сочетания, фразеология.*

Общение – важная составляющая человеческой жизни. Иногда простых слов бывает недостаточно, чтобы ярко и образно выразить свою мысль, добиться понимания собеседника. В таком случае мы используем в речи множество художественных приемов, но прежде всего это метафоры, крылатые выражения, пословицы и поговорки, фразеологизмы.

Насмешку и разочарование, отчаяние и горечь, любовь и уважение, вместе с этим и свое собственное отношение к происходящему – все это можно выразить содержательнее, точнее, эмоциональнее, благодаря использованию фразеологических единиц. Они сопровождают нас в повседневной жизни, являясь неотъемлемой частью разговорной речи.

Их считают национальным достоянием русского языка. Эти устойчивые речевые единицы не имеют аналога в других языках. Они неделимы по смыслу, созданы народом и являются единым целым.

Все фразеологизмы возникли для выражения определенного события или явления. Позднее по различным причинам их стали применять в переносном смысле, но сходном с первоначальным значением. Однако исходное значение некоторых из них утратилось навсегда. Поэтому о происхождении многих исконно русских фразеологизмов мы можем лишь догадываться.

Актуальность работы заключается в том, что в настоящее время возникла проблема нехватки знаний о фразеологизмах. Студенты колледжей и выпускники школ не понимают их значение, не употребляют в речи либо имеют неправильное представление о смысле и значении таких идиом. А ведь фразеологические единицы – особый пласт русского языка, часть культуры, истории нашего народа.

Цель статьи – исследовать некоторые наиболее употребляемые в нашей речи исконно русские фразеологизмы, подбирая примеры, объясняя их значение и происхождение.

Существование фразеологизмов в истории русского языка подтверждено многими выдающимися учеными-лингвистами. С конца XVIII века они встречаются в толковых словарях под следующими названиями: крылатые выражения, афоризмы, идиомы, пословицы и поговорки. Еще М. В. Ломоносов в словаре русского литературного языка указывал на эти обороты, выражения. До 40-х годов XX века в работах отечественных языковедов А. А. Потебни, И. И. Срезневского, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и других можно было найти только отдельные мысли и наблюдения, касающиеся фразеологии.

Большая заслуга в этой области принадлежит академику В. В. Виноградову. Именно им впервые была дана классификация фразеологических оборотов русского языка [2, 120]. Обратимся к общеизвестным фактам.

По своему происхождению фразеологические обороты современного русского языка делятся на:

- 1) исконно русские фразеологические обороты;
- 2) заимствованные из других языков.

Исследуя проблему происхождения идиом, ученые пришли к выводу, что в современном мире человек употребляет в речи большое количество устойчивых сочетаний, все они представляют группу фразеологизмов исконно русского происхождения.

Подобные обороты возникли в русском языке на базе первоначально свободных сочетаний слов, которые по той или иной причине в определенный момент из свободных сочетаний, каждый раз создаваемых из соответствующих слов по законам русского грамматического строя, стали фразеологическими, т.е. воспроизводимыми целиком, как единое целое.

Фразеологические обороты исконно русского характера можно разделить на выражения, употребляющиеся в разговорной речи, в профессиональных жаргонах, в книжной речи.

Мы проанализировали и выбрали из фразеологического словаря исконно русские фразеологические обороты, которые довольно часто используются, постарались восстановить и объяснить их первоначальное значение.

Аршин проглотить – турецкое слово «аршин» означало русскую меру длины. Такими линейками из дерева и металла пользовались до 1917 года русские купцы для замера ткани в лавках. Длина аршина – семьдесят один сантиметр. Фразеологизм означает: во-первых, быть в напряженном состоянии, опешить, потерять дар речи. Во-вторых, так могут отзываться о людях, держащих себя в отношении

окружающих надменно, высокомерно, неприступно, важно без какой-либо причины [5].

Бить баклуши – «бездельничать». Баклуши – деревянные чурки, из которых в старину делали посуду. Наколоть «баклуши» мог и подсобный рабочий или даже ребенок. Это было легкое дело. А остальное поручалось лишь мастеру [1].

Вверх тормашками – «вверх ногами». Во многих русских губерниях слово «тормошить» означало «ходить».

Всыпать по первое число – фраза обозначает очень сильное наказание за провинность. В дореволюционных школах к ученикам применялись телесные наказания за непослушание или невыученный урок. Иногда одной порки хватало до первого числа следующего месяца, чтобы нерадивый ученик запомнил ее надолго.

Душа нараспашку – так говорят об открытом, общительном, дружелюбном человеке. По представлениям предков *душа* располагалась в области сердца, груди. И когда человек распахивал ворот одежды, он тем самым демонстрировал открытость своих намерений. От распахнутой рубахи и пошло выражение *душа нараспашку*.

Дым коромыслом – шум, гам, беспорядок, суматоха. Обратимся к истории. На Руси бедняки жили в так называемых курных избах, которые не имели труб. Дым уходил через окно, дверь или специальное отверстие в крыше. Именно по «дыму коромыслом» над избой наши предки определяли погоду.

Зарубить на носу – в Древней Руси неграмотные люди носили с собой дощечки, на которых, делали зарубки, чтобы не забыть важные факты. А *зарубить* – значит «написать»; *нос* – это не орган обоняния, а именно те дощечки, на которых и делались записи.

Зубы заговаривать – это выражение означает отвлекать внимание, забалтывать, переводить суть разговора на второстепенные темы, много говорить не по существу. Происходит от слова *заговор*. В старину при болезни человека пытались заговорить, отвлечь от боли. Такие приемы уводили человека от проблемы, успокаивали, немного помогали.

Казанская сирота – так говорят о человеке, который прикидывается несчастным, обиженным, беспомощным, чтобы кого-нибудь разжалобить. Оказывается, фразеологизм этот возник после завоевания Казани Иваном Грозным. Бывшие правители Казани вели себя подобно сиротам, выпрашивая у царя для себя привилегии.

Очертя голову – безрассудно. Выражение связано с древним поверьем: чтобы оградить себя от нечистой силы и опасностей, с ней связанных, достаточно было очертить вокруг себя круг. Эта черта, заговоренная особой молитвой, приобретала магическое свойство: нечистая сила не имела власти над человеком, очерченным таким

кругом. Древнерусские воины, вступая в бой, очерчивали концом меча магический круг над своей головой, охраняя себя от гибели. От этого воинского обряда и произошло выражение.

Попасть в переплёт – значит попасть в затруднительное, опасное или неприятное положение. В диалектах *переплет* – сплетенная из веток ловушка для рыб.

Тёртый калач – так называют опытного человека, которого трудно провести. На самом деле был такой сорт хлеба – «тертый калач». Тесто для него очень долго мяли, месили, «терли», отчего калач получался необыкновенно пышным [4].

Всё тын-трава – это просторечное выражение первоначально звучало как «тын-трава». Тын – это забор. Значит: трава, растущая под забором, сорная и никому не нужная.

Во всю Ивановскую – старинная площадь в Московском Кремле, у колокольни Ивана Великого. Здесь постоянно толпился народ, обмениваясь слухами и новостями, вступая в торговые сделки. Тут же глашатаи громким голосом, на всю Ивановскую, оглашали царские приказы и указы. Так и закрепилось в языке это выражение для обозначения особенно громкого крика.

Таким образом, мы убедились в том, что фразеологизмы часто носят яркий национальный характер. Существует целый ряд фразеологических оборотов, происхождение которых можно объяснить, лишь обратившись к истории, быту, фольклору и культуре славян.

На занятии по русскому языку и культуре речи студентам 34 группы мы предложили проанализировать приведенные выше фразеологизмы. Необходимо было не только объяснить значение устойчивого выражения, но и вспомнить историю происхождения идиомы. Из 30 человек с первым заданием справилось большинство обучающихся. Лишь 6 человек затруднились с ответами и обратились за помощью к фразеологическому словарю. Со второй частью задания не справился никто. Поэтому подобранная нами информация стала успешным дополнением к занятию, после которого было проведено тестирование на знание этимологии устойчивых единиц. Такая работа показала, что овладение фразеологией является необходимым условием глубокого освоения языка, его тайн и богатств. Фразеология представляет большой интерес для обучающихся, повышает мотивацию к изучению родного языка, к постижению национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бить баклуши – Фразеологический словарь [Электронный ресурс] (Режим доступа : [otrezal.ru http://www.otrezal.ru/phraseological_dictionary/564.html](http://www.otrezal.ru/phraseological_dictionary/564.html)).

2. Болотнова Н. С. Современный русский язык : Лексикология. Фразеология. Лексикография. Контрольно-тренировочные задания : учеб. пособие / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.
3. Происхождение фразеологических оборотов [Электронный ресурс] (Режим доступа : http://polyidioms.narod.ru/index/proiskhozhdenie_fraz..).
4. Русские фразеологизмы [Электронный ресурс] (Режим доступа : <http://frazbook.ru/category/russkie-frazeologizmy>).

SUMMARY

Belousova Z. The premordially Russian phraseological units in our speech

This article is devoted to the study of a number of Russian phraseology units and their relation to the history and cultural realities of a particular time, as well as the social and national environment in which they were formed. The author focuses on the actual Russian phraseology by their origin, which makes up the core of Russian phraseology system and display distinct national and cultural identity.

Keywords: phraseology, imagery, culture, customs, etymology.

Герасименко А.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Царегородцева С. С.
г. Ялта, Крым, РФ*

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НАРОДА

Данная работа посвящена рассмотрению семиотики цвета в русской фразеологии. Предметом исследования выступили цветообозначения белый, чёрный, красный. Цель работы – раскрыть и описать закодированную в цветообозначениях как компонентах фразеологизмов этнокультурную информацию.

Ключевые слова: цветообозначение, фразеологизм, значение, русский язык, картина мира.

Цветообозначения являются важным элементом описания и различения объектов окружающего мира. Выступая носителями обширной информации, они образуют в русском языке многочисленную группу лексических единиц. Изучением их состава, семантики и функционирования занимаются учёные разных школ и направлений (см. работы Н. Б. Бахилиной, В. И. Шерцля, Р. М. Фрумкиной, И. А. Герасименко и др.). Цветообозначения в

составе фразеологизмов также являются предметом лингвистического внимания (С. Георгиева, С. В. Кулинская, О. А. Мещерякова и др.).

Вследствие того, что единицы фразеологии отображают сведения об историко-культурной языковой традиции русского народа, представляется интересным исследование роли включённых в их состав цветообозначений. Поэтому цель данной работы – рассмотреть цветообозначения в составе русских фразеологизмов с целью описания заложенной в них этнокультурной информации.

Во фразеологизмах с “цветовым” компонентом языковое видение чаще всего вербализуется с помощью слов *белый*, *чёрный*, *красный*. Из обозначенной триады *белый* наделён особым смыслом. *Белый* – значит божественный, святой и, как следствие, непостижимый, неизведанный (эта семантика реализована в идиоме *белое пятно*). Отсюда *белый* ассоциируется в русской культуре с невинностью, добродетелью и святостью, символизируя чистоту и непорочность. Эта коннотация зафиксирована во фразеологизме *белый [божий] свет*, где *белый* – значит ‘святой’.

Слово *белый*, наделенное во фразеологизмах позитивной сакральной силой, диаметрально противоположно лексеме *черный*. *Черный* обозначает негативное начало, он у русского народа символизирует горе, несчастье и траур. В христианской традиции *черный* олицетворяет оплакивание и скорбь. Существительное *черный* вербализовалось во фразеологизмах *черная неблагодарность*, *держать в черном теле*, *черная кошка пробежала*. Данное цветообозначение ассоциируется с тьмой и, как следствие, с чем-то негативным (ср. эту коннотацию во фразеологизме *в черном цвете*, где слово *черный* передаёт значения ‘мрачный’, ‘неприглядный’).

Пара *белый – черный* в контексте русских народных верований семантически близка словам *хороший – плохой*, *свет – тьма*, *день – ночь*. Эта бинарная оппозиция представляет дуализм *света* и *тьмы* и воплощает два принципа – добра и зла. *Белое* и *черное* исторически конституирует собой космос и хаос, нетварное (божественное) и тварное (сотворенное, земное) бытие. Контраст *белое – черное* имеет универсальный характер, воплощаясь в парах *жизнь – смерть*, *хорошо – плохо*, *добро – зло* и др. Данная коннотация прилагательных *белый – черный* закрепилась еще в мифологическом сознании. В этой связи уместно вспомнить одно из важнейших для древнерусской мифологии противопоставлений Белобога и Чернобога, Свентовита и Триглава. Названные герои, являясь представителями света и тьмы, добра и зла, сыграли заметную роль в формировании культурной модели мира.

Полярная оценочность *белого – черного* вербализовалась не только в мифологии, но и в идиомах *черным по белому*, *черный день*, где слово *черный* понимается как ‘темный (тьма)’, а *белый* –

как ‘светлый (свет, день)’. В результате, лексема *белый* передаёт позитивное начало, *черный* – негативное. Этот смысл закрепился и в таких фразеологизмах, как *белая кость* / *черная кость*. В них цветообозначение наделено конкретным оценочным смыслом: *белый* в оппозиции к *черному* выступает символом привилегированности и знатности.

В диаду *белый* – *черный* включено слово *красный*. Прототипичными эталонами красного цвета в русской народной культуре были *кровь* и *огонь*. Данный факт объясняется механизмом названия цвета в доисторические времена. Традиционно считается, что изначально “примитивные” народы отождествляли цвета с жизненно важными стихиями и наиболее ценными веществами. Такими прототипами для красного цвета явились *кровь* и *огонь*.

Однако, если *белый* во фразеологизмах передаёт позитивный смысл, *черный* – негативный, то *красный* является отчетливо амбивалентным, который одновременно обладает двойственной коннотацией. *Красный* – это слово, выступающее для обозначения как позитивного, так и негативного начала.

Полярная коннотация прилагательного *красный* объясняется собственно восприятием мира архаичными культурами: окружающее в представлении людей понималось двояко (было и “полезно”, и “разрушительно” одновременно). Поэтому одни и те же предметы и их свойства наделялись противоположными значениями. Отсюда архетипы *красного* символизировали как положительное, так и отрицательное начало (так, например, *огонь* в представлении древних народов – это одновременно и “хорошо”, и “опасно”). Негативная, разрушительная коннотация огня закрепилась в русском фразеологизме *пускать красного петуха*.

Слово *красный* этимологически родственно с *красивый*. Ассоциативная связь *красного* со значением ‘красивый’ зафиксирована во фразеологизмах *красная девица*, *красное словцо*, *проходить красной нитью*.

Как видим, лексема *красный* в русской фразеологии передаёт как позитивный, так и негативный смыслы, она вербализует символические представления о жизни и смерти, прекрасном и опасном, о превращении одного в другое.

Из проанализированного материала можно сделать вывод о том, что во фразеологизмах цветообозначения *белый*, *черный*, *красный* реализовали не столько цветовые, сколько оценочные смыслы. При этом важнейшим архетипом *белого* является свет, *черного* – тьма, *красного* – огонь и кровь.

Обозначенные коннотации сложились исторически, они сформировались в русской лингвокультуре благодаря предметному представлению о мире. Слова, обозначающие цвет, появились

за счет их отождествления с объектами, наделенными этими цветами. Вследствие придания словам с “цветовым” компонентом символического значения, они являлись неотъемлемой частью сакрального действия. Фразеологические единицы с данными цветообозначениями лишь сохранили информацию о культуре, мировидении и истории носителей языка.

Итак, фразеологизмы, включающие цветообозначения, являются своеобразным источником знаний о культуре этноса. В них закодирована информация об истории и характере нации. Их расшифровка помогает понять менталитет русского народа. Дальнейшее исследование этой проблемы может стать предметом последующего изучения интересующего нас вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. / Н. Б. Бахилина – М. : Наука, 1975.
2. Георгиева С. Познание культуры через фразеологию / С. Георгиева // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко / Редкол.: В. М. Мокиенко (гл. ред.), Х. Вальтер (Германия), К. Иван (Польша) и др. – М. : Азбуковник, 2002 – С.108 – 115.
3. Топоров В. Н. Идея святости в Древней Руси / В. Н. Топоров // В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. – М., 1995.
4. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986.
5. Шерцль В. И. Названия цветов. Символизм цветов / В. И. Шеруль // Филологические записки. – Вып. II-III. – Воронеж, 1884. – С.1 – 70.

SUMMARY

Gerasimenko A. Colour designations in the Russian language picture of the world

This present paper is limited to the examination of semiotics in the idiomatic phraseology. The objective of the paper is revelation of the ethnocultural information which is coded in it.

Keywords: colour designation, phraseological unit, natural culture component.

Головань Е.
Науч. рук. – к. филол. н., доц. Кораблёва Н. В.
г. Горловка, ДНР

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА Ю. АНДРУХОВИЧА «ТАЙНА»

В работе рассматривается известный роман Юрия Андруховича «Тайна» с точки зрения его жанровой принадлежности: как автобиографический роман, мемуарный роман, метароман, метафизический роман, роман-интервью. Делается вывод о синтетической природе произведения, которое объединяет разнородные фрагменты: беллетристическую литературу и публицистическое интервью.

Ключевые слова: Юрий Андрухович, жанровое своеобразие, роман, метароман, интервью.

Юрий Андрухович – современный писатель, один из представителей постмодернистского направления в украинской литературе. Стал известен в 90-х годах, когда вместе с Ю. Издриком начинает издавать первый в Украине постмодернистский журнал «Четверг». С 90-х годов издаются известные романы Ю. Андруховича: «Рекреации» (1992 г.), «Московиада» (1993 г.), «Перверзия» (1996 г.) и «Девандцать обручей» (2003 г.).

В 2007 г. вышла книга под названием «Тайна: вместо романа», ставшая объектом тщательных научных наблюдений теоретиков как отечественной, так и европейской, в частности, немецкой литературы. И практически всегда реакция отечественной и зарубежной критики была исключительно благожелательной или даже восторженной.

«Тайна» – мемуарный роман, который представляет собой автобиографию Андруховича, оформленную в виде интервью. Историю возникновения этого произведения и его форму писатель раскрывает в развёрнутом авторском предисловии. В 2005 – 2006 годах, находясь в Берлине, Андрухович начал писать роман, который так и остался незавершённым. В это время к нему приезжает немецкий журналист Эгон Альт, который попросил его об интервью. Диалог с писателем продолжался семь дней, который был записан Эгоном Альтом на диктофон. Через некоторое время Андрухович узнал о загадочной смерти журналиста и вместе с тем получает по почте все записи их беседы. Андрухович стал расшифровывать эти разговоры, которые и составили книгу.

Вот почему писатель задаётся вопросом: «Кто же всё-таки является автором романа, он сам или журналист?».

Дискуссионным оказался вопрос о жанровой принадлежности произведения Андруховича. По мнению литературоведа Д. И. Дроздовского, «Тайна» Андруховича – авантюрный роман-интервью, что является новым жанром для украинской литературы. «В рассказе писателя соединяются анекдот, притча, повествование о событии, лиричность, ирония, ностальгия, минимизация интерьера и психологизм экстерьера, стремление к автобиографизму – все это составляет структурно-художественную палитру нового романа» [3].

Некоторые исследователи, например, литературовед В. Н. Галич, считают, что роман «Тайна» Андруховича нельзя назвать просто романом. Во-первых, предисловие автора не соответствует традиционным канонам этого публицистического жанра тем, что, хотя в нем и излагается история написания произведения, все же «героем» предисловия рядом с автором «вместо романа» выступает еще и Эгон Альт. Во-вторых, в предисловии мы найдем дневниковые записи автора романа, его воспоминания о кратковременной поездке Эгона Альта из Берлина на Украину, что приближает текст к эссе. Это свидетельствует о том, что роман занимает пограничное положение между художественной литературой и публицистикой. Таким образом, В. Н. Галич приходит к выводу: «Это произведение – умышленная жанровая провокация, рассчитанная на игру с читателем» [4].

Ряд исследователей делает акцент на том, что «Тайна» – это художественное произведение, построенное на соединении литературы и документалистики. Так и исследователь В. Н. Галич даёт этому подтверждение: «Интервью, основанное на документальности, после технической обработки писателя становится произведением «вместо романа» [4]. Здесь слово «роман» указывает на беллетристическую природу произведения, а интервью – на журналистский, документальный жанр.

Н. Ю. Сахарчук считает, что роман Андруховича – это диалог с самим собой. Личность автора в романе занимает всё пространство, в котором изображаются не только автобиографические моменты, но и делается попытка постичь тайну творчества самого героя. Весь роман пронизан авторской индивидуальностью Ю. Андруховича, ведь речь идёт о его жизни и творчестве, описанных с его же точки зрения. Интервью представляется вымышленным, и тогда возникает вопрос о реальности фигуры журналиста. По мнению многих исследователей (и мы с этим согласны), Эгон Альт – это альтер эго писателя, его двойник. Образ журналиста можно даже рассматривать как реализацию «тёмной» стороны «Я», поскольку речь идёт о его демонической природе. Неспроста в конце произведения писатель

и Эгон Альт сливаются в единое целое, когда автор спускается в подземелье и слышит потусторонние звуки. На этом роман «Тайна» заканчивается, но тайна творчества и тайна человеческой судьбы остаётся, во всяком случае каждый читатель эту тайну должен разгадывать самостоятельно, вот почему жанр романа «Тайна» можно обозначить и как метафизический детектив.

По нашему мнению, «Тайну» Андруховича можно квалифицировать и как метароман: «Такой роман включает в себя сюжеты и образы предыдущих произведений автора» [2]. Книга знакомит нас с основными событиями жизни писателя, этапами становления его мастерства, историями создания его произведений, самооценками собственных текстов. Соответственно, в романе присутствуют фрагменты практически из всех предыдущих его произведений: «Московиада», «Перверзия», «Двенадцать обручей». Можно сказать, что роман «Тайна» вбирает в себя все остальные произведения писателя и, по словам Андруховича, является главной его книгой.

Таким образом, текст романа основан на жанровой игре, написан в форме беседы (интервью) и представляет собой внутренний диалог автора. Перед нами – новая книга бытия одного человека. Роман «Тайна» Юрия Андруховича отчетливо проиллюстрировал такую отличительную черту постмодернистской поэтики, как синтез в едином художественном целом разнородных жанровых фрагментов: интервью, художественной автобиографии, эссе, беллетристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрухович Ю. І. Таємниця: замість роману. / Ю. І. Андрухович – Харків: Фоліо, 2007.
2. Галич В. Н. Эстетическая рефлексия романа-интервью «Тайна» [электронный ресурс] / В. Н. Галич. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskaya-refleksiya-romana-intervyu-tayna-yuriya-andruhovicha-zona-zhanrovoy-integratsii-s-zhurnalistikoy>
3. Дроздовский Д. И. [электронный ресурс] / Д. И. Дроздовский. – Режим доступа: https://zn.ua/CULTURE/ukrainskaya_proza2007_romany_sposobnye_izmenit.html
4. Ключко Г. С. Публицистика Эгона Алта вместо романа Юрия Андруховича [электронный ресурс] / Г. С. Ключко. – Режим доступа: <http://ua.z-pdf.ru/7istoriya/910758-19-literatura-konteksti-kulturi-zbirnik-naukovih-prac-vipusk-1-dnipropetrovsk-vidavnictvo-dnu-udk-82-088-082-bbk.php>
5. Сахарчук Н. Ю. Роман «Таємниця» Юрія Андруховича як діалог із собою [электронный ресурс] / Н. Ю. Сахарчук. – Режим доступа: <http://evnuir.univer.lutsk.ua/handle/123456789/3599>

6. Ячменёва М. Роман «Таємниця» Юрія Андруховича як діалог із собою [електронний ресурс] / М. Ячменёва. – Режим доступа: <http://ua.z-pdf.ru/7raznoe/831062-1-udk-8211612-308-saharchuk-aspirantka-shidno-vropeyskogo-nacionalnogo-universitetu-imeni-lesi-ukrainki-roman-ta-mnicya.php>

SUMMARY

Golovan K. The genre originality of the novel Yuri Andrukhovych “The Mystery”

The paper discusses the famous novel by Yuri Andrukhovych “The Mystery” from the point of view of its genre affiliation: as an autobiographical novel, autobiographical novel, metroman, metaphysical novel, romance-interview. The conclusion about the synthetic nature of the work that unites disparate fragments of fictional literature and journalistic interviews.

Key words: Yuri Andrukhovych, genre originality, novel, metroman, interview.

Гончарова Т.

*Науч. рук. – д. филол. н., доц. Герасименко И. А.
г. Горловка, ДНР*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ О БОГАТЫРЯХ

Данная работа посвящена исследованию пассивного и активного словарного состава русского языка, используемого в текстах о богатырях – в фольклорных былинах и современной российской мультипликации. В центре внимания данного исследования остаются устаревшие, разговорные, просторечные и ненормативные слова.

Ключевые слова: *язык мультипликации, язык былин, устаревшая лексика, жаргонизм, историзм, архаизм, просторечие.*

В конце XX – начале XXI века проблема динамических изменений лексики русского языка приобрела особую актуальность. Данная работа посвящена исследованию не только пассивного, но и активного словарного запаса русского языка, использованию устаревшей и ненормативной лексики в современной российской мультипликации. Таким образом, в центре внимания данного исследования остается слово.

«Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы», – писал А. Ф. Лосев.

Мы же, в свою очередь, хотели бы отметить, что именно слово позволяет автору найти свой собственный, уникальный стиль изложения, а устаревшее слово еще и максимально приблизить читателя к эпохе, о которой идет речь в повествовании, наиболее полно представить события, нравы и обычаи прошлого. Многие исследователи отмечают, что глубокое и всестороннее изучение устаревших слов представляет несомненный интерес, ибо это такой разряд слов, который влияет на развитие словарного состава языка в целом. Непрерывно пополняясь новыми словами, язык вместе с тем отказывается от слов, которые в силу тех или иных причин оказались невостребованными.

Актуальность темы определяется недостаточной изученностью как собственно устаревшей лексики, так и всего пассивного запаса русского языка, его использования в речи современных носителей русского языка и включения в тексты мультипликации.

Общеизвестно, что лексика любого языка является базой, на которой ведутся научные исследования по всем направлениям языкознания. Огромные изменения, происшедшие в социально-политической, экономической и культурной жизни русского народа, не могли не отразиться на языке, на его словарном составе, изучение которого приводит к определённым выводам, представляющим немалый научный и практический интерес. Исследование архаичной лексики показывает состояние развития языка прошлого, проливает свет на происхождение народа, служит иллюстративным материалом воспроизведения картины минувших эпох.

Материалом исследования выступили анимационные тексты о трёх богатырях: «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей Разбойник». Ввиду того, что сюжетные линии и герои были взяты из былинного фольклора, мы использовали и материал русских былин «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

Гипотеза исследования: лексика, используемая в речи героев, является полной характеристикой ее носителя.

Как известно, былины – это древнерусские эпические песни-сказания, воспеванием подвигов богатырей отражавшие исторические события XI – XVI веков. Русские былины представляют собой оригинальные тексты и с точки зрения содержания, и с точки зрения формы. В них отразился дух независимого, могучего, трудолюбивого, сурового и добродушного русского народа, а их основными приметами стали врожденный патриотизм и неиссякаемая жизнерадостность. Былины донесли до нас имена реально существовавших лиц: Владимира Святославовича, Владимира Мономаха, Добрыни, Алеши Поповича, Ильи Муромца, Садко, половецких и татарских

ханов Тугоркана и Батыя. Науке известно около ста сюжетов былин, которые объединены по месту действия (Киев, Великий Новгород) и по героям (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Василий Буслаев). В данной работе была проанализирована речь таких былинных героев, как Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец, Змей Горыныч, Соловей-разбойник.

Так как былины – это народное творчество, то им присущ разговорный стиль речи. Большая часть слов былин давно уже вышла из современного использования, став историзмами и архаизмами. Разговорные единицы употребляются преимущественно в устной речи, в непринужденном бытовом общении. Использование их в письменной речи ограничивается художественной литературой и публицистикой и имеет определенные художественно-выразительные цели – создание словесного портрета, реалистическое изображение быта той или иной социальной среды, достижение комического эффекта и т.д. В научной литературе, в официально-деловых документах они неуместны.

К разговорным близки просторечные языковые средства, частью стоящие на грани литературного употребления, частью представляющие собой нелитературные языковые единицы.

Просторечие – это слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, черты произношения, не входящие в норму литературной речи, характеризующиеся оттенком упрощения, сниженности, грубоватости, часто используемые в литературных произведениях и разговорной речи как экспрессивные элементы. Большинство исследователей рассматривает просторечия как слова и формы, находящиеся за пределами нормы. Их квалифицируют как отклонения от лексической, грамматической и произносительной нормы литературного языка. Просторечия используются и в современных мультипликационных фильмах, и в былинных текстах.

Язык былин отличается многообразием просторечной лексики. В текстах былин «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей-Горыныч» просторечия представлены следующими словами: *разом, кабы, завтра, светлы, еси гой, позамешкавши, пала, позволь-ко, расступись-ко, прижри-ко, теперича, дурак, вечер, поди-тко, слышать*. В языке мультипликации использованы просторечные слова *гляди, ишь, вона как, коли так, вызволять, своего, ежели, вишь, изловить, вертайся, чевой-то*.

Историзмы и архаизмы былинного эпоса – это слова типа *сыть, чара, око, вечер, шелепуга, гой еси, выслуга*. Проанализируем их семантику. По данным, взятым из «Современного толкового словаря русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой, мы находим следующие значения:

1. *Выслуга* ж. устар. 1) Награды, повышения, полученные кем-л. по службе. 2) То же, что: заслуга.

2. *Око* – ср. очи и очеса мн. глаз. в чердыни, сольвочегодске, поныне (1823) слышно двойств. ч. очима, рукама, ногама: это память древнейших новгородских переселенцев.

В текстах мультфильмов используются такие устаревшие лексемы, как *запамятовал, дозволю князь, норовить, вольная, гонец, супостат, лютый, доколе*.

В анализируемых текстах мультипликации разговорные единицы, историзмы, архаизмы и просторечия используют как главные герои (богатыри), так и второстепенные герои – люди из народа. Ср.: *сыра-земля, Русь-Матушка, держава, животина, княже, мешкать, стреноженная*. Соответственно, речь героев мультипликационных фильмов приближена к народной, разговорной речи.

В мультипликационных фильмах былинные герои, а именно, богатыри Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец используют жаргонизмы. Жаргонизмы (франц. *jargon*) – это разряд «пассивной» лексики, к которому относятся слова, используемые обособленной группой людей, объединённых по социальному признаку. Объединяющим признаком может служить возрастная категория, профессия, общественный класс. Слова этого разряда, обычно немногочисленные, составляют особый «язык» социальной группы, по использованию которого её члены опознают равных себе (напр., такую роль исполняет молодёжный сленг). Иногда эти слова могут сосуществовать в специфическом «языке» группы наряду с терминами (так, определённое соотношение жаргонизмов и терминов характерно для профессионализмов) или составлять «тайный язык», используемый для общения в условиях конспирации (таковы арготизмы, разновидностью которых является «феня» – язык воровского сообщества и деклассированных элементов). В литературе жаргонизмы ограниченно применяются при изображении речи представителей подобных социальных групп.

В языке анализируемых былин жаргонизмы не используются. Однако в современном языке и, соответственно, в современной мультипликации речь героев жаргонизирована. Например: *гиблое место, скользкий тип, жулье, братва, балда, порешили, торгаши*. Снижение общего уровня речевой культуры, превалирование ненормированных языковых единиц над нормативными – черта современного языкового общества. К сожалению, эта черта присуща и языку современной российской мультипликации.

Итак, если устаревшая лексика (архаизмы и историзмы) используется в современных текстах мультипликации для создания историко-культурного колорита, выступая стилизацией под древнюю

народную речь, то включённые в матрицу текста жаргоны – это примета современного состояния языка, его отличительная черта. Безусловно, данное явление отражает уровень владения языком его носителей. Однако не приближает к освоению и использованию эталонных и нормативных единиц. Данное явление требует более детального анализа на материале других текстов мультимедиа, что и будет предметом нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.
2. https://literary_criticism.academic.ru/48/былина
3. <http://lukoshko.net/story/pro-dobrynyu-nikiticha-i-zmeyya-gorynycha.htm>
4. <http://lukoshko.net/legends/leg5.shtml>
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2010.
6. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/245666>
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)

SUMMARY

Goncharova T. Out-of-date and non-normative vocabulary in the language of modern Russian animation

This work is devoted to research not only passive, but also active vocabulary of the Russian language, the use of obsolete and profanity in modern Russian animation. The focus of this study is the word.

Keywords: obsolete lexicon, non-normative, historicalisms, archaisms, vernaculars.

Губанова М.

*Наук. кер. – к. філол. н., доц. Лешкова Н. В.
м. Горлівка, ДНР*

ТЕОРЕТИЧНІ І ПРАКТИЧНІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ ГРАМАТИЧНОЇ ВАРІАНТНОСТІ

Проблеми вивчення граматичної варіантності у теоретичному й практичному плані на сьогоднішній день не до кінця досліджені. Це явище репрезентується як свідомство про нестабільність норм.

Ключові слова: *варіантність, грамати́ка, мо́ва, норми.*

Не цілком ліквідовані припущення (особливо поширені серед шкільних вчителів) про те, що мова, досягла своєї досконалості, з чого випливає, що варіантність псує мову та її треба викорінювати. Ще не так давно К. С. Горбачевич писав: «Багато хто вважає, що наявність таких дублетів є недосконалістю, хворобою мови, і звинувачують мовознавців у надмірній терпимості. Суспільство нерідко закликає вчених прийняти рішучі заходи для викорінювання варіативності» [1, 25]. Причини сучасного неоднозначного ставлення до варіантних форм мови в Росії та Україні, – справедливо зауважує Ю. В. Дорофєєв, – є наслідком соціальних відносин, що зазнали трансформації в умовах тоталітарної держави. Досі варіантність може розцінюватися як свідчення розхитаності норм. Так, Н. В. Юдіна вважає проявом кризи в українській мові «швидке зростання різного роду варіантів...». У даний час добре відомо, що будь-який відступ від норми з часом може стати нормативним. Слід пам'ятати і про те, що при такому прояві мовної кризи, як «вмирання мови», спостерігається стрімке зростання безладної, що утруднює комунікацію варіантності поряд із спрощенням структури мови і зникненням в ньому стилістичних відмінностей. В українській мові ознаки вмирання відсутні.

Розуміння статусу мовної варіантності як непотрібної випадковості мовного розвитку в основному стало надбанням минулого, однак не випадковість граматичної варіантності обґрунтовується не більше ніж загальними деклараціями про граматичне варіювання, як наслідок в необхідній умові мовного розвитку, наприклад: М. М. Семенюк: «Варіантність мовних засобів, що є надлишковою з точки зору структурної організації, складає разом з тим той резерв мови, який забезпечує гнучкість і різноманітність форм вираження певного змісту» [4, 586]; Р. В. Степанов: «Варіативність мови є проявом процесу еволюції та її результатів, з одного боку, і з іншого – той матеріально-ідеальний субстрат, який служить основою спрямованих змін мови в сучасному суспільстві» [5, 289]. Роль варіантів в історії мови полягає не тільки в тому, що вони отримують стилістичну або семантичну диференціацію, їхня велика роль полягає в тому, що вони є маленькими, але неминучими сходінками в постійній трансформації системи мовних засобів. На наше переконання, загальна думка «варіанти розвивають мову» вимагає конкретизації та пояснення.

Подання граматичних варіантів у практичних стилістиках й словниках характеризується традиційною орієнтацією на розділи граматики, частини мови та граматичні категорії. Цей традиційний підхід обертається відсутністю системної презентації таких варіантів, що орієнтовані на інтеграцію їхніх семантичних і стилістичних

характеристик, через що у носіїв мови, в тому числі лінгвістів, не складається відповідного системного подання. Наприклад, вони не мають можливості відразу переконатися в тому, що морфологічні варіанти числа типу *моторне масло* – *моторні мастила* позначають абстрактні і конкретні поняття так само, як синтаксичні варіанти відмінку іменної частини присудка типу *Він був майстром* – *Він був майстер* або варіанти управління типу *чекати поїзда* – *чекати на поїзд*.

Нерідко виявляється, що всередині одного – узагальненого за граматичною ознакою – «типу варіантів» містяться принципово різні варіантні відмінності. Наприклад, у «типі варіантів» форм наказового способу 2-ї особи однини міститься п'ять підтипів: 1) дієслова з наголошеним кінцем слова -іть типу *беріть*; 2) дієслова з наголосом на корені типу *пише*; 3) дієслова з наголошеним префіксом *ви-* типу *випередити*; 4) деякі дієслова з основою на губній і сонорний типу повідомити або тільки сонорний типу *поливати*; 5) дієслова, які у наказовому способі мають усічені форми на -сь типу *шикуйсь*. Деякі з цих підтипів – в силу специфіки спостережуваної в них диференціації – цілком можуть бути представлені як окремі стилістичні типи варіантів, а не як один тип, об'єднання в який здійснено лише за ознакою коливання у формі наказового способу. Варіанти типу *після закінчення* – *по закінченні* насправді являють собою одну подвійну опозицію.

Якщо граматичні розділи ортологічних посібників пишуться різними авторами, це може призводити до того, що одні й ті ж типи варіантів виявляються представленими в різних розділах одного посібника.

Власне граматична характеристика типу граматичних варіантів не є гарантією того, що такий тип буде коректно віднесений до своєї граматичної категорії. Це пояснюється взаємною залежністю суміжних мовних рівнів. У зв'язку з цим зрозуміло, чому одні й ті ж явища граматичної варіантності виявляються віднесеними до різних розділів в різних ортологічних посібниках, однак з цього розуміння не випливає, що категоріальна приналежність таких явищ насправді неоднозначна. Наприклад, варіанти типу *МОЗ заявив* – *МОЗ заявило* Д. Е. Розенталя і його послідовники І. Б. Голуб, Р. Я. Солганик та Ю. А. Бельчиков, називаючи варіантами узгодження аббревіатур, відносять до сфери синтаксису, а Л. К. Граудина, називаючи варіантами роду аббревіатур, – до сфері морфології. Очевидно, що в цьому випадку правильна точка зору Л. К. Граудиної, оскільки рід аббревіатур від контекстного оточення не залежить. Л. К. Граудина припускає існування варіантів типу *вивчати бацили* – *вивчати бацил*. У цьому випадку мова йде про розряди істот – неістот іменників деяких специфічних в цьому відношенні груп, яка

контекстом не детермінується і тому синтаксичним явищем вважатися не може. Також варіанти типу *вона чемпіонка — вона чемпіон* покваліфіковується як жіночі відповідники до чоловічих у найменуваннях осіб, варіанти типу *збірна Чехії — збірна команда Чехії*, як субстантивовані прикметники та дієприкметники, варіанти типу *досягти — досягнути*, як форми інфінітива деяких дієслів на *-нути*, варіанти типу *сох — сохнув*, як форми минулого часу дієслів на *-нути*, що без префіксів не вживаються, варіанти типу *промок — промокнути*, як форми минулого часу префіксальних дієслів на *-нути*, варіанти типу *промерзлий — промерзнувший*, як паралельні форми дієприкметників минулого часу від префіксальних дієслів на *-нути*», варіанти типу *виниклі — виникнувши*, як паралельні форми дієприслівників доконаного виду від дієслів на *-нути*, варіанти типу *приплив — припливши*, як паралельні форми дієприслівників від дієслів руху, варіанти типу *добре — добреє*, як короткі форми прикметників чоловічого роду — спостерігаються факти, що дають всі підстави вважати ці типи словотворчими. Також лінгвіст порівнює варіанти типу *директор прийшла — директор прийшов* — узгодження присудка, вираженого дієслівної формою минулого часу, і підмета, вираженого іменником чоловічого роду в застосуванні до осіб жіночої статі, варіанти типу *шановний лікар Лазар — шановна лікар Лазар* — узгоджене визначення при іменах іменників чоловічого роду, що позначають осіб жіночої статі і варіанти типу *англійська та французька мова — англійська і французька мови* — число іменників при однорідних визначеннях, що позначають видові ознаки предметів одного роду.

Насамперед, слід сказати про те, що не всі кодифіковані аргументи переконливі, оскільки не підтверджуються узусом, фіксувати який покликана кодифікація. Наприклад, пояснення В. О. Іцковича, що *по закінченню* властиво офіційно-діловому стилю, а *після закінчення* нейтральному, не дозволяє зрозуміти, чому в офіційному вживанні неможливо поєднання *через три дні по закінченню терміну відрядження* при допустимості *через три дні після закінчення терміну відрядження* (причина: не враховано семантичне розходження між *по* і *після*).

Кодифікатори не завжди об'єктивні, зокрема без достатніх підстав негативно ставляться до вживання, що суперечить їхнім рекомендаціям, та ігнорують інші припущення щодо цієї теми. Наприклад, Д. Н. Овсянико-Куликовський у 1907 році пише з приводу пропозиції *Я давно не бачив моїх брата і сестру* — це стилістично неправильний варіант». На переконання вченого, правильним узгодженням є *мого брата і сестру*. Д. Е. Розенталь, посилаючись на наведене нами вище емоційне висловлювання Д. Н. Овсянико-Куликовського, рекомендує форму однини ад'єктива в поєднанні

типу *мій батько з матір'ю прийшли*, і послідовники Д. Е. Розенталя цю рекомендацію репродукують [4].

Як наслідок теоретичного невизнання динамічності мовної норми – не завжди враховується її мінливість. Так, синтетичні форми спільної дії типу *їдьмо*, варіантно поширені аналітичною формою спільної дії типу *давайте поїдемо*, представлені як живі не тільки в академічних граматиках, але і в сучасних довідниках.

Всі зазначені вище теоретичні та практичні проблеми вивчення граматичної варіантності можуть бути вирішені в межах когнітивно-еволюційного підходу. Відповідно до принципів когнітивної науки та еволюційної епістемології з'являється питання про те, як і чому варіантність розвиває граматику, а саме яка в цьому процесі роль логіки як ладу мислення і який механізм сприйняття варіантних явищ. Відповіді на ці питання покликані зміцнити теоретичну базу граматичної варіантності і при цьому не тільки відповісти на питання про механізм і причини «розвитку варіантами граматики», але й удосконалити механізм диференціації граматичних варіантів і здійснити те, про що Л. К. Граудина написала ще в 1980 році: інтеграцію граматичних варіантів на підставі узагальнення їх семантичних і стилістичних характеристик, що полегшує їх системне сприйняття [2, 85].

ЛІТЕРАТУРА

1. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка / С. Г. Кирилл. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.
2. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. – М. : Наука, 1980. – 288 с.
3. Розенталь Д. Э. Культура речи / Д. Э. Розенталь. – М. : Изд-во МГУ, 1964. – 140 с.
4. Семенюк Н. Н. Норма / Н. Н. Семенюк // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М. : Наука, 1970. – С. 549–596.
5. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки / Г. В. Степанов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

SUMMARY

Gubanova M. Theoretical and practical aspects of the language grammatical variation specifics

Problems in the study of grammatical variability in theoretical and practical terms, so far not fully resolved. This phenomenon is regarded as evidence of instability of norms.

Keywords: variation, norm, language, grammar.

Дмитриева Е.
Науч. рук. – д. филол. н., проф. Измestьева И. А.
г. Тольятти, РФ

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ВЫСОЦКОГО

Исследование поэзии В. Высоцкого дает богатый материал, свидетельствующий о том, что поэт не только умело пользовался «готовым» словарным запасом, но и, овладев естественными законами словотворчества, применял их для создания новых лексических единиц – сложных образных определений. Кроме того, поэт прибегает к использованию символической номинации и углубляет смысл своих произведений. Это особо привлекает внимание читателей и исследователей.

Ключевые слова: семантика слова, контекст, цвето-обозначения.

В. Высоцкий вошел в историю русской поэзии как самобытный художник слова и продолжатель традиций лирического, драматического и сатирического жанров.

Глубины и яркости поэтических образов В. Высоцкий достигал благодаря безукоризненному владению этимологией, фразеологией и диалектными нюансами лексических значений. Слово у него – «двухголосое, сюжетное, предметное, гиперболичное, драматическое, игровое, веселое» [7, 97]. Хорошо зная русскую культуру, поэт тонко чувствовал русского человека – его душевность и духовность. Он, как опытный врач, поставил диагноз болезни общества и человеческой души. Именно это проникновение в глубины «русскости» наряду с виртуозным владением словом позволило Высоцкому достичь мировой известности, народного признания и войти в русскую литературу широко известным поэтом [6, 2].

«Можно без преувеличения сказать, что большинство произведений Высоцкого надо рассматривать на уровнях трех «этажей» – текста, контекста и подтекста. Смысл плюс смысл – такова формула его взгляда на вещи, таков ключ к каждому его произведению», – пишет В. Новиков [7, 97].

Поэт реализует свой текст и цветообозначающую лексику в нескольких плоскостях – это прямая номинация, образная и символическая.

Цвето-световая картина произведений поэта не может обойтись в первую очередь без цветоименований, употребленных в прямом значении. Высоцкий отражает в своих стихах окружающую действительность, не обходит стороной и бытовую

сторону жизни. Исследователи отмечают: «информативно [песни В. Высоцкого] богаче, более ценны, чем многие социологические (этические) сочинения» [15, 70]. Для точного и наиболее яркого описания и повествования поэт использует цвет. Обратимся к примеру из стихотворения «Передо мной любой факир – ну просто карлик...»:

Играть я буду и на красных и на черных,
И в Монте-Карло я облажу все углы, –
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы [1, 67].

Цвет в данном стихотворении отражает реальные элементы игорного заведения: зеленый игорный стол и цвета секторов игрового поля: красный и черный.

Ещё одним ярким примером может служить стихотворение «Москва – Одесса» [1, 451]:

А вот прошла вся в синем стюардесса как принцесса –
Надежная, как весь гражданский флот.

В данном случае, синий – это цвет формы стюардессы СССР. По мнению исследователей, форма производила приятное впечатление: синие костюмы, белые перчатки и модный аксессуар того времени – круглая шапочка-таблетка [11].

Таким образом, цвет в своей прямой номинации несет, в первую очередь, информационную функцию. «Серое платье с узорами блеклыми» [1, 129], «зеленые <Жигули>» [1, 46], «белый передник» [1, 231] и прочие небольшие, но значительные детали дополняют живую и эмоциональную картину лирического героя В. Высоцкого. Всего в проанализированном материале было обнаружено 67 примеров использования цвета в прямом значении, что составляет 39% от общего числа цветоименований.

Следующую многочисленную группу цветовых обозначений составляют образные определения. В данном случае возникает повторная, или в современной терминологии, вторичная номинация – это «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [12, 129].

В процессе познания и отражения действительности в сознании человек открывает новые отношения между элементами этой действительности, их новые свойства. Потребность их именования сталкивается не только с принципом «экономичности» языка, требующим избегать количественного приращения языковых единиц, но и со стремлением выразить новые смыслы, новое понимание привычных, уже познанных объектов окружающего мира, что возможно только на основе творческого освоения мира. При этом говорящий прилагает известный образ, выраженный во внутренней форме, содержании языковой единицы, к

познаваемому предмету, давая ему имя данной языковой единицы. В этом процессе можно констатировать факт рождения нового смысла [8, 2].

В стихотворении Высоцкого «II. Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов» [1, 441] возникает яркий поэтический образ:

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу –
Псам ещё не намылены холки!
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

Незадолго до написания стихотворения, в мае – августе 1968 года, в советской прессе появилась серия статей, злобно и бездоказательно критикующих творчество поэта [9, 546]. Стихотворения «I. Охота на волков» и «II. Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов» стали реакцией поэта на несправедливость. Автор создает сильный драматический образ раненого волка. Цвет в данном случае представлен в форме развернутой метафоры. Снег не просто красный от крови, он вытатуирован кровью, что может говорить о страданиях и боли, причиненной загнанным волкам. Неоднократно в поэзии Высоцкого встречается современное понятие «татуировка». В приведенном выше примере, можно предположить, что к образу кровавой татуировки поэт обращается с целью подчеркнуть неизменность, вневременность нанесенного ранения. Для него красное пятно на снегу не просто признак охоты и добычи, а «роспись» жертвы.

В стихотворении «Здесь вам не равнина» [1, 98] рождается еще один поэтический образ:

Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом, –
Которую ты так и не покорил.

Данная песня написана во время съемок фильма «Вертикаль». Вошла в фильм в авторском исполнении. Согласно воспоминаниям Л. Ф. Елисеева, песня появилась после того, как съемочной группе пришлось оказывать помощь альпинистам, пострадавшим при попытке восхождения на пик Вольная Испания [9, 546].

Тому, кто хоть раз сталкивался с творчеством В. Высоцкого, станет очевидна его страстная любовь к горам. Исходя из этого, не удивительно, что для описания в стихотворении «Здесь вам не равнина» используется эпитет, поэтичный образ «изумрудных вершин». Согласно классификации Ферсмана [14, 648] изумруд, наравне с алмазом, сапфиром и рубином, относится к самоцветным камням первого порядка.

Высоцкий часто прибегает к образности в своих песнях и стихотворениях. Цвет нередко способствует раскрытию авторского

замысла. Через образные цветообозначения поэт достигает необходимого взаимопонимания с читателями. Нельзя оставить без внимания такие яркие образы, как «седые гривы волн» [1, 416], «деревья стоят голубые» [1, 356], «И накладка времен культа личности Засинеет на левой груди» [1, 356] и другие. В проанализированном материале мною было выявлено 58 примеров образных цветообозначений и светообозначений, что составляет 34 процента от общего количества образцов цветописи.

Третьей значительной группой является цветопись в ее символическом значении. Символ, представляя собой особую форму знаний, является схематичной, мистико-загадочной моделью реальности, требующей расшифровки. «Символ – (от древнегреч. Symbolon – знак, примета) – многозначный иносказательный образ, основанный на подобии, сходстве или общности предметов, явлении жизни» [13, 378]. Символы в стихотворениях В. Высоцкого подтверждают тесную связь творчества поэта с русской и мировой литературно-культурной традицией, которую он «переделал <...> по-своему, переломал, но освободиться от нее не захотел» [2, 8].

В подтверждение этому, обратимся непосредственно к примерам из лирики В. Высоцкого. В стихотворении «Никакой ошибки» [1, 402] возникает символический желтый цвет:

В положении моем
Лишь дурак права качает:
Доктор, если осерчает,
Так упрячет в «желтый дом».

Так, по желтому цвету окраски фасадов первоначально называли отделение для умалишенных Обуховской больницы в Санкт-Петербурге. А. Ф. Воейков в стихотворной сатире «Дом сумасшедших» писал: «Снилось мне, что в Петрограде / Чрез Обухов мост пешком / Перешел, спешу к ограде / И вступаю в желтый дом». Затем «желтым домом» стали называть все дома сумасшедших [10, 74]. Следуя традиции, Высоцкий так же называет дом для умалишенных символично желтым.

Ещё одним ярким символом в поэзии В. Высоцкого выступает кот непременно черного окраса в стихотворении «Мореплаватель – одиночка»:

Ой, ребята, не к добру проволочка!
Сплюньте трижды все, кто на корабле:
Мореплаватель на море одиночка –
Вроде черного кота на земле [1, 418].

Черный кот в сознании суеверных людей ассоциируется с мраком и смертью [3, 268], поэтому символический «черный кот» в стихотворении Высоцкого одинок так же, как и мореплаватель.

В стихотворении «Баллада о двух погибших лебедях» [1, 390] в центре внимания два белых лебедя, убитых охотниками в час их «лебединой песни».

Ну и забава у людей –
Убить двух белых лебедей!

«Белые лебеди» у Высоцкого сравниваются с «белыми ангелами». Через белый цвет автор отражает любовь и нежность, искренность и, конечно, лебединую верность. В литературе образ лебедя часто встречается в значении «незапятнанной белизны» [3, 285]. Белый лебедь у Высоцкого символ чистой и преданной любви, но несчастной.

Одним из самых распространённых символов у Высоцкого является «белый свет». Метафора «белый свет» встречается у поэта 4 раза. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля дается следующее определение: белый свет – «это Вселенная, мир, земля наша, шар земной». Обратимся к примерам:

Что нам слава, что нам Клава –
Медсестра – и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, – ещё нет! [1, 58]

Или:

Приподнялся и я,
Белый свет стервения [1, 423].

Таким образом, «белый свет» общепринятый, сложившийся в национальном сознании, символ.

Поэзии В. Высоцкого свойствен особый язык символов. Заклучая в себе многосторонний, межкультурный опыт, он является условной моделью какой-либо идеи и представляет собой картину мира поэта, результат его творческого познания реальности [4, 179]. В проанализированном материале мною было выявлено 46 примеров образных цветообозначений и светообозначений, что составляет 27 процентов от общего количества образцов цветописи.

Исследование поэзии В. Высоцкого дает богатый материал, свидетельствующий о том, что поэт не только умело пользовался «готовым» словарным запасом, но и, овладев естественными законами словотворчества, применял их для создания новых лексических единиц – сложных образных определений. Кроме того, зная, что «знак шире того, что он обозначает, если он вступает в связь с другими, но строго определенными знаками» [5, 74], Высоцкий много работал над тем, чтобы «добыть» новые смыслы из уже устоявшихся и известных словосочетаний и идиом. Поэт прибегает к использованию символической номинации и углубляет смысл своих произведений. Это особо привлекает внимание читателей и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Высоцкий В. С. Песни. Стихотворения [Текст] / В. С. Высоцкий. – М. : Издательство «Э», 2015. – 640 с.
2. Долгополов Л. К. Стих – песня – судьба. [Текст] / Л. К. Долгополов. – Л., 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/dolgopolov-stih-pesnya-sudba.htm> (дата обращения: 3.12.2016).
3. Керлот Х. Э. Словарь символов [Текст] / Х. Э. Керлот; отв. ред. С. В. Пролеев. – М. : Изд-во «REFL-book», 1994. – 608 с.
4. Кипнес Л. В. О символе в творчестве В. С. Высоцкого [Текст] / Л. В. Кипнес, Н. А. Трофимова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1 (37). – С. 176 – 180.
5. Кривонос А. Т. Мышление без языка? Экономия языковой материи закон процесса мышления [Текст] / А. Т. Кривонос // Вопросы языкознания. – 1992. – № 12. – С. 69 – 83.
6. Намакшанская И. Е. Функциональные особенности лексики и фразеологии поэтических произведений Владимира Высоцкого [Текст] / И. Е. Намакшанская, Б. Нильссон, Е. В. Романова // Лингвистика. – 1997. – № 2. – С. 178 – 205.
7. Новиков В. И. В Союзе писателей не состоял [Текст] / В. И. Новиков. – М. : Интерпринт, 1991. – 221 с.
8. Панина Т. Г. Вторичная и косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы [Текст] / Т. Г. Панина // «MagisterDixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 2. – С. 2 – 10.
9. Раевская М. А. [Комментарии] [Текст] / М. А. Раевская // Высоцкий В. С. Песни, стихотворения, проза. – М., 2010. – С. 691 – 814.
10. Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца [Текст] / Н. А. Синдаловский. – СПб. : Норинт, 2003. – 321 с.
11. Скоробутов Д. А. История «Аэрофлота»: Часть 3. 1963-1973 [Текст] / Д. А. Скоробутов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skorobutov.wordpress.com/> Загл. с экрана (дата обращения: 3.12.2016).
12. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 129 – 221.
13. Тимофев Л. И. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
14. Ферсман А. Е. Избранные труды в 7 томах. Т. 1. [Текст] / А. Е. Ферсман. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. – 624 с.
15. Хмелинская М. Поэтический мир В. С. Высоцкого: реалии, образы, символы [Текст] / М. Хмелинская // Мир Высоцкого:

исследования и материалы. – М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. – Т. 1. – Вып. III. – С. 60-71.

SUMMARY

Dmitrieva E. The colours' semantics in the Vysotsky's verses

The article deals with the colours' semantics specifics in the verses written by Vysotsky. Besides, the symbolic nomination is investigated.

Keywords: word semantics, context? colour signification.

*Дмитриева Ю.
г. Горловка, ДНР*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ АНГЛИЦИЗМА *ART* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье поднимается вопрос о словообразовательном потенциале и словообразовательной активности англицизма art. Автор рассматривает уровни ассимиляции заимствованных единиц, анализирует слова с компонентом art, отмечая продуктивность его функционирования в современном русском языке.

Ключевые слова: заимствования, англицизм, словообразовательный потенциал, словообразовательная активность.

В последние десятилетия особенно активизировался процесс вхождения заимствованных слов (в частности, англицизмов) в русский язык. Английские заимствования подвергаются адаптации на всех уровнях языка, что свидетельствует о высокой степени их ассимилированности: «русскоязычный человек принимает их в качестве равноправных лексем, образуя от них русские дериваты и используя их в речи» [4, 252]. В современной русистике выделяют три уровня ассимиляции заимствованных языковых единиц (см. [Н. С. Валгина 2001, Д. Э. Розенталь 2002, А. В. Петров 2006, А. И. Дьяков 2012, К. А. Балышева 2009] и др.).

Для первого уровня характерно вхождение вербального знака в качестве наименования новой реалии. Он сохраняет свой фонетический облик и лексическое значение, присущее ему в языке-источнике, поскольку не имеет эквивалентов в языке-рецепторе. На втором уровне происходит дальнейшее освоение заимствованного слова на основе морфологического способа словообразования. Наконец, на третьем уровне к данному слову добавляются русские аффиксы субъективной оценки, что способствует появлению

коннотативного значения, несвойственного данной лексической единице в языке-источнике. Так, англицизм *арт*, сохранивший свой графический облик, утратил в русском языке своё понятийное значение и способность употребляться как самостоятельная лексическая единица. Ср.: «Art – the activity of painting, drawing, and making sculpture» [9]; «Арт – часть сложных слов. Обозначает отнесенность чего-либо к искусству, а также соответствует по значению слову “художественный”» [8, 32]. Таким образом, англицизм *арт* подвергся словообразовательной адаптации, функционируя как аффиксоид при образовании сложных слов. Это обуславливает необходимость изучения его словообразовательного потенциала, т.е. «способности создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям» [4, 252].

Образование композитов с анализируемым англицизмом возможно по двум моделям. Первая словообразовательная модель предполагает препозитивное присоединение *арт* к производящей базе, что зафиксировано в словарной дефиниции анализируемой языковой единицы: «Арт – первая составная часть сложных слов. Арт-галерея, арт-группа, арт-знаменитость, арт-история, арт-культура, арт-майка, арт-мир, арт-объект, арт-педагог, арт-площадка, арт-проект, арт-произведение, арт-рынок, арт-сезон, арт-ситуация, арт-событие, арт-студия, арт-торговля, арт-фото, арт-центр, арт-ярмарка» [8, 32]. Деривационное значение данной модели: указание на отнесенность к искусству объекта, названного производящей базой. Ср.: «Арт-дилер – постоянно действующий на рынке профессиональный *покупатель* и *продавец* (здесь и далее выделено намию – Ю. Д.) произведений *искусства*, работающий исключительно с целью извлечения материальной прибыли» [8, 32]; «Арт-директор – *лицо*, отвечающее за стилистику, *художественную* концепцию работы рекламного агентства, галереи, телекомпании, театральной труппы и т.п.» [8, 33]; «Арт-хаус – небольшой *кинотеатр*, в котором показывают некоммерческое кино» [8, 33].

Во второй модели образования композитов *арт* занимает постпозицию по отношению к производящей базе («Арт – вторая составная часть сложных слов» [8, 32]) и выражает деривационное значение «названного производящей базой направление искусства». По данной модели образованы композиты *веб-арт*, *видеоарт*, *интернет-арт*, *медиа-арт*, *мейл-арт*, *нет-арт*, *оп-арт*, *наблик-арт*, *саунд-арт*, *флеш-арт* и др. В приведённых лексических единицах суффиксоид *арт* указывает на выделение отдельного направления в различных сферах человеческой деятельности, что зафиксировано и в словарных дефинициях рассматриваемых слов. Ср.: «Боди-арт – возникшее в 1960-х гг. *авангардистское искусство*, где главным объектом является *тело* самого художника (или статиста),

а содержание раскрывается позой, жестами, покрывающими тело рисунками и т.п.» [8, 52]; «Дент-арт – украшение зубов стразами, драгоценными и искусственными камнями, миниатюрными изделиями из золота или другого, обычно блестящего, материала» [8, 98]; «Ленд-арт – течение в авангардистском искусстве, использующее для создания художественного образа естественный или специально трансформированный ландшафт» [8, 163]; «Фейс-арт – течение в современном искусстве – художественная роспись по лицу, а также рисунки, нанесённые на лицо специальными красками на водной основе – аквагрим» [8, 330].

Таким образом, в современном русском языке англицизм *art* функционирует как компонент сложных слов, указывающий на отнесенность к искусству или его направлениям. Количество сложных слов с анализируемым компонентом позволяет исследователям констатировать словообразовательную продуктивность рассматриваемого заимствования. «Можно выделить наиболее продуктивные производящие основы, служащие для образования целых рядов новых сложных слов, – пишет К. А. Балышева, – например: *арт, веб, бренд, интернет, креатив, массмедиа (медиа), он-лайн, пиар, VIP*» [1, 72]. Однако зафиксированные в лексикографических источниках сложные слова с компонентом *art* квалифицируются нами как заимствованные из языка-источника, в котором они продолжают функционировать. Ср.: арт-дилер – от *art diler* → арт- + *diler* “торговец” [8, 32]; боди-арт – от *body art* → *body* “тело” + -арт [8, 52]; арт-директор – от *art director* → арт- + *director* “руководитель” [8, 33]; медиа-арт – от *media art* → *media (mass media)* “средства массовой информации” + -арт [8, 176] и т.д.

Следовательно, функционирование англицизма *art* как компонента сложных слов обусловлено его ассимиляцией в русском языке, а большое количество композитов с данным компонентом свидетельствует об активных процессах заимствования новых слов для номинирования реалий онтологического мира. Многие такие слова, например, *веб-арт, интернет-арт, нет-арт*, являются абсолютными синонимами. Их заимствование обусловлено, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами (модой на западноевропейский и американский стили жизни, расширением международных контактов, развитием различных сфер деятельности человека, новым «языковым вкусом эпохи» [2]). Однако приведённые нами данные свидетельствуют о наличии у англицизма *art* словообразовательного потенциала, который обуславливает и степень словообразовательной активности анализируемого заимствования. Данный вопрос требует дальнейшего изучения с использованием контекстного анализа функционирования сложных слов с компонентом *art* в текстах массмедиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балышева К. А. Англицизмы в русском литературном языке рубежа XX – XXI веков / К. А. Балышева // Вестник Вятского государственного университета. – Т. 2. – 2009. – № 3. – С. 68 – 72.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – Режим доступа к учебному пособию : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>
3. Дьяков А. И. Англицизмы : заимствование или словообразование? / А. И. Дьяков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 5 (16). – С. 72 – 76.
4. Дьяков А. И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке / А. И. Дьяков // Вестник науки Сибири. Серия : Филология, Педагогика. – 2012. – № 4 (5). – С. 252 – 256.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа к словарю: <http://www.efremova.info>
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. – Режим доступа к ресурсу : http://lingvistics_dictionary.academic.ru
7. Петров А. В. Активизация заимствованных компонентов сложных слов в современном русском языке / А. В. Петров // Актуальные проблемы словообразования. – Томск, 2006. – С. 201 – 205.
8. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.
9. Cambridge Dictionary. – Режим доступа к словарю : <https://dictionary.cambridge.org/ru/>

SUMMARY

Dmitrieva J. The word-formation potential and word-forming activity of the borrowed word *art* in russian language

The article deals with the word-formation potential and word-forming activity of the borrowed word *art*. The author considers three levels of assimilation of foreign units. In the article the *art* refers to assimilated words that have lost their conceptual meaning and ability to be used as an independent lexical unit. Analyze the complex words with the component *art*, formed by two word-building models. Also in the article, the productivity of the analyzed word in modern Russian is noted.

Keywords: borrowed words, lexical unit, word-formation potential, word-forming activity.

Добреля В.
Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
г. Горловка, ДНР

ВИКОРИСТАННЯ ІНТЕРАКТИВНИХ ТЕХНОЛОГІЙ НА УРОКАХ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ЯК ЗАСІБ ДОСЯГНЕННЯ НОВИХ ОСВІТНІХ РЕЗУЛЬТАТІВ

Інтерактивні технології навчання широко застосовуються у сучасній школі. Інтерактивне навчання дозволяє розв'язати одразу кілька завдань: розвиває комунікативні вміння й навички, допомагає встановленню контактів між усіма учасниками педагогічного процесу, забезпечує виховне завдання. Використання інтерактиву на уроках української мови знімає нервові напруження, зменшує дистанцію між учителем та учнями, дає широке коло форм діяльності.

Ключові слова: *інтерактивні технології, «технологія», педагогічна технологія, «інтерактивність», «інтерактив», інтерактивна модель навчання.*

Сучасний світ перебуває у стані постійного розвитку, інноваційні технології з'являються у всіх сферах життєдіяльності, і в зв'язку з цим доцільно говорити і про нововведення в педагогічній діяльності. Такі інновації пов'язані сьогодні із застосуванням сучасних технологій, зокрема інтерактивних, в навчальній та виховній діяльності вчителя.

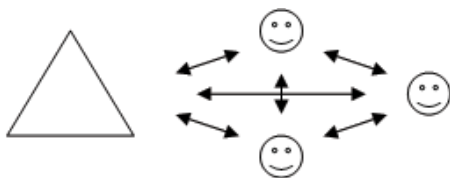
Історично поняття «технологія» виникло у зв'язку з технічним прогресом і, як подає словник (techné – мистецтво, ремесло, наука, logos – поняття, вчення), є сукупністю знань про способи і засоби обробки матеріалів [1, 106]. У буквальному перекладі технологія – це вчення про майстерність, а чи можна говорити про майстерність педагога – ми розглянемо у нашому дослідженні, що й буде актуальністю статті. Термін «педагогічна технологія» у буквальному перекладі – вчення про педагогічне мистецтво, майстерність. М. Д. Ярмаченко у педагогічному словнику дає таке визначення: «Педагогічна технологія – сукупність засобів і методів відтворення теоретично обґрунтованих процесів навчання і виховання, що дозволяють успішно реалізувати поставлені освітні цілі» [2, 255–256].

Сьогодні цікавими й актуальними є інтерактивні навчальні технології, під час яких відбувається співнавчання, взаємонавчання (колективне, групове, навчання в співпраці), де учень і вчитель є рівноправними суб'єктами навчання. «Інтерактивні навчальні технології – ігрові технології навчання і розвитку, що спрямовані

на цілеспрямовану спеціально організовану групову та міжгрупову діяльність, «зворотному зв'язку» між всіма учасниками для досягання взаєморозуміння й корекції навчального і розвивального процесу, індивідуального стилю спілкування на основі рефлексивного аналізу» [5, 70–71]. Термін «інтерактивна педагогіка» відносно новий: його ввів у 1975 р. німецький дослідник Ганс Фріц. Лінгвістичне тлумачення слова, представлене в іншомовних словниках, свідчить, що поняття «інтерактивність», «інтерактив» прийшли до нас з англійської мови.

Інтерактивністю в навчанні можна вважати взаємодію учнів, перебування їх у режимі бесіди, діалогу, спільної дії. Тому дослівно інтерактивним може бути той метод, у якому учень є учасником, який разом з іншими здійснює щось спільне: говорить, моделює, пише, складає тощо, тобто не тільки виступає пасивним слухачем, спостерігачем, а бере активну участь у роботі, робить свій внесок. «Сутність інтерактивного навчання полягає в тому, що навчальний процес відбувається тільки шляхом постійної, активної взаємодії всіх учнів» [4, 6].

Розробку елементів інтерактивного навчання ми можемо знайти в працях В. Сухомлинського, творчості вчителів-новаторів 70-80-х рр. (Ш. Амонашвілі, В. Шаталова, Є. Ільїна, С. Лисенкової та інших), теорії розвивального навчання. Якщо скористатися підходами, запропонованими О. Пометун та Л. Пироженко які виділяли пасивну, активну та інтерактивну моделі навчання (у нашій статті ми досліджуємо інтерактивну модель), то можемо побачити наступне:

Мал. 1. Інтерактивна модель навчання

Схема цієї моделі дає змогу побачити, що під час інтерактивного навчання відбувається постійне спілкування учителя з учнями, учнів із учнями, відбувається спілкування всіх членів колективу. За умов навчання за такою моделлю застосовують ділові та рольові ігри, дискусії, «мозковий штурм», фронтальне опитування, круглий стіл, дебати тощо.

Застосування інтерактивних технологій на уроці української мови висуває певні умови до змісту та структури уроку. Як правило, структура таких занять складається з п'яти елементів: а) мотивація (не більше 5% часу заняття); б) оголошення, представлення теми та очікуваних результатів (не більше 5% часу заняття); в) надання

необхідної інформації (10-15% часу); г) інтерактивна вправа – центральна частина уроку (45-60% часу на уроці); д) підбиття підсумків, оцінювання результатів уроку (до 20% часу) [3, 66 – 67].

Розглянемо ці елементи на конкретних прикладах, простежимо дидактичні складові відтворення інтерактивних технологій у межах уроку української мови.

Першим етапом уроку з використанням інтерактивних технологій є *мотивація навчальної діяльності*. Як на будь-якому іншому типі уроку, метою цієї частини загальної структури є те, що вчитель повинен за допомогою певних прийомів, у нашому випадку – інтерактивних, сфокусувати увагу учнів на проблемі, викликати їх зацікавленість до обговорюваної теми. Таким чином, на цьому етапі ми можемо використовувати наступні прийоми: проблемне питання, невеличке завдання, бесіда, демонстрація наочності, нескладні інтерактивні вправи («Мозковий штурм», «Мікрофон», «Криголам» тощо). Як правило, те, що озвучується учнями під час мотивації, наприкінці узагальнюється і стає «місточком» для представлення теми уроку.

Наступний структурний компонент уроку – *оголошення, представлення теми та очікуваних результатів*. На цьому етапі мета вчителя полягає у забезпеченні розуміння змісту їхньої діяльності, тобто чого вони мають досягти в результаті уроку і що від них очікує вчитель. Важливо залучити до визначення очікуваних результатів усіх учасників заняття. Визначення очікуваних результатів уроку – це принциповий момент інтерактивного навчання, бо, не усвідомивши цього, учень може сприйняти навчальний процес як ігрову форму діяльності, не пов'язану з навчальним предметом. Формулювання результатів має відповідати таким вимогам:

- висвітлювати результати діяльності на уроці учнів, а не вчителя («після цього уроку я зможу...»);
- чітко відображати рівень навчальних досягнень, який очікується після уроку;
- чітко вказувати на способи «вимірювання» результатів;
- учитель має говорити коротко, ясно й абсолютно зрозуміло для учнів.

Правильно сформульовані, а потім досягнуті результати – це гарантія успіху. Оптимальною є ситуація, коли учень розуміє не тільки, чого він досяг, а й чого він повинен досягти на наступному уроці, яких результатів він зможе досягти вивчаючи цей предмет. Тому в цій частині інтерактивного уроку вчитель має:

- назвати тему уроку або попросити когось із учнів назвати її;
- якщо назва теми містить нові слова або проблемні питання, слід звернути на це увагу учнів;

- попросити когось із учнів оголосити очікувані результати;
- нагадати, що в кінці уроку перевірятиметься, чи досягли вони цих результатів.

На третьому етапі – *актуалізація знань, надання необхідної інформації*, вчитель мусить дати учням достатньо інформації для того, щоб на її основі виконувати практичні завдання, але за мінімально короткий час. На цьому етапі доцільно використовувати такі прийоми, як міні-лекція, опанування інформації за допомогою ТЗН (демонстрація навчальних відеоматеріалів, презентації тощо) або наочності. Для економії часу на уроці і для досягнення максимального ефекту уроку можна давати інформацію для попереднього домашнього вивчення. На уроці вчитель повинен звернути на неї увагу, особливо на практичні поради, якщо необхідно, прокоментувати або організувати невелике опитування.

Центральною частиною уроку української мови з використанням інтерактивних технологій є *інтерактивна вправа*. На цьому етапі уроку відбувається практичне застосування матеріалу з метою досягнення поставлених цілей. Інтерактивна частина має свою послідовність проведення. Спочатку вчитель повинен проінструктувати учнів, тобто розповісти їм про мету вправи, правила, послідовність дій і кількість часу на виконання завдань, перевірити чи усе сказане ним зрозуміло учасникам. Далі потрібно об'єднати учнів у групи, розподілити ролі, якщо потрібно. При виконанні завдання вчитель виступає в ролі організатора, помічника, ведучого дискусії, намагається надати учасникам максимум можливостей для самостійної роботи і навчання у співпраці один з одним. Виконане завдання учні мають презентувати, активізуючи і розвиваючи свої творчі здібності. Рефлексія здійснюється в різних формах: як індивідуальна робота, робота в парах, групах, дискусія тощо.

Підбиття підсумків, оцінювання результатів – завершальний етап інтерактивного уроку української мови. Зрозуміло, що метою цієї частини є рефлексія, усвідомлення того, що зроблено на уроці, чи досягнуто поставленої мети, як можна застосувати в майбутньому отримані знання. Методика проведення рефлексії на уроці має три стадії. Перша стадія – це встановлення фактів, доцільно використовувати відкриті запитання: як?, чому?, що? (наприклад: Що нового дізналися?, Чого навчилися?). Вчитель має спонукати учнів до вираження своїх думок, почуттів, наполягати на описовому характері коментарів, наштовхувати учнів говорити лише про реально зроблене. Друга стадія – аналіз причин. Необхідно визначити, чого не змогли досягти на цьому уроці і що саме зашкодило цього досягти, знайти проблеми, що вимагають негайного рішення. Третя стадія – планування дій, де вчитель дає

змогу учням взяти на себе зобов'язання щодо подальших дій (Що нам робити далі?) [3; 6].

Отже, дослідивши питання про інтерактивні технології та їх відтворення в межах структурного компонента уроку української мови, можемо говорити про те, що сучасна школа не може обійтись без технологій інтерактивного навчання. Саме інтерактивне заняття являє собою форму навчання, засновану на інтенсивному міжособистісному спілкуванні та взаємодії всіх суб'єктів, включених до навчально-пізнавального процесу. За допомогою цієї технології вирішуються головні навчальні задачі. Урок стає спрямованим на всіх учасників педагогічного процесу в цілому та кожного окремо, на уроці учні самостійно здобувають знання і застосовують їх на практиці. Все це дає змогу глибше усвідомлювати предмет, що вивчається. Впровадження технології інтерактивного навчання в освітній процес необхідно не тільки у зв'язку з тим, що вона призводить до «більш високого рівня результативності і продуктивності навчального процесу; формування більш дружньої, доброзичливої обстановки в класі; підвищення самооцінки і комунікаційної компетентності школярів», а й у зв'язку із досягненням нових освітніх результатів та запитамі суспільства: для розвитку суспільства потрібні сучасно освічені, моральні, заповзятливі люди, які можуть самостійно приймати відповідальні рішення в ситуації вибору, прогнозувати їх можливі наслідки, здатні до співпраці.

ЛІТЕРАТУРА

1. Словник української мови : в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1970-1980. – Т. 10. – С. 106.
2. Педагогічний словник / за ред. М. Д. Ярмаченка. – К.: Педагогічна думка, 2001. – С. 255 – 256.
3. Інтерактивні технології : Теорія та методика : Посібник для викладачів ПТУ, коледжів та всіх тих, хто цікавиться застосуванням інтерактивних технологій у навчальному процесі задля його вдосконалення / О. І. Пометун, Н. С. Побірченко, Г. І. Коберник, О. А. Комар, Т. А. Торчинська – Умань-Київ : Посібник, 2008. – 94 с.
4. Застосування інтерактивних технологій у навчанні молодших школярів : Методичний посібник для вчителів початкової школи / О. І. Пометун, Л. В. Пироженко, О. А. Біда та ін. – Тернопіль : Навчальна книга – Богдан, 2011. – 304 с.
5. Панфилова А. П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала. – СПб : ИВЭСЭП, «Знание», 2003. – С. 70 – 71

6. Педагогические технологии : Учебник для студентов педагогических вузов / Н. М. Боротко, И. А. Соловцова, А. М. Байбаков; Под ред. Н. М. Боротко. – Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 59 с.
7. Сучасний урок. Інтерактивні технології навчання : Наук.-метод. посібн. / О. І. Пометун, Л. В. Пироженко; За ред. О. І. Пометун. – К. : Видавництво А.С.К., 2004. – 192 с.

SUMMARY

Dobrelyia V. The use of interactive technologies on ukrainian language studies as a means of attraction of new educational results

Interactive learning technologies are widely used in modern school. Interactive learning allows you to solve several problems at once: develops communicative skills, helps to establish contacts between all participants in the pedagogical process, provides an educational task. The use of interactive lessons in the Ukrainian language relieves nervous tension, reduces the distance between the teacher and the students, gives a wide range of forms of activity.

Key words: interactive technologies, «technology», pedagogical technology, «interactivity», «interactive», interactive model of training.

Емельянова К.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
г. Донецк, ДНР*

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ РАЗВЁРТЫВАНИЯ АББРОАФФИКСОИДОВ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена описанию окказиональных развёртываний абброаффиксоидов в эквивалентных текстах. Определена основная причина появления пары «абброаффиксоидная квазиабревиатура – словосочетание». Даны примеры, подтверждающие нерегулярность этого явления по отношению к псевдоунивербализационным комплексам «аброморфемная квазиабревиатура – псевдопроизводящее словосочетание».

Ключевые слова: квазиабревиатура, абброаффиксоидная квазиабревиатура, аброморфема, абброаффиксоид, корреляционный стереотип, «деривационная лакуна».

Часто утверждается, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания» [4, 8]. Но при анализе аббревиатур, осуществляемом Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА»),

было установлено, что не все сложносокращённые слова с формальной схожестью структуры образованы одним способом. Рассмотрение различных аббревиатурных групп позволило сделать вывод, что словосочетания не всегда выступают в роли производящих для слов, содержащих аббревиационные конструкции, то есть сокращённые компоненты, следовательно, не во всех случаях можно говорить о вторичности сложносокращённых слов по отношению к словосочетаниям. В. И. Теркулов обнаружил, что «в ряде случаев словосочетание возникает в результате развёртывания ССС, является не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему» [2, 275]. Такой процесс развёртывания на базе слова получил название псевдоунивербализации, а сокращённое слово, выступившее источником для словосочетания, – квазиаббревиатуры.

Но не все квазиаббревиатуры могут подвергаться процессу псевдоунивербализации и формировать вторичную эквивалентность со словосочетанием.

В. И. Теркуловым было предложено разделять абброконструкты на абброэквиваленты, то есть элементы, являющиеся в ССС представителями подвергшихся сокращению слов исходных словосочетаний (*авиа*– в *авиабезопасность*), и абброморфемы, то есть морфематизированные АК, используемые вне связи с какими-либо словосочетаниями, а только по аналогии, стереотипизованно (*авиа*– в *авиабилет*) [1]. В данном случае нас интересует абброморфема, поскольку абброэквивалент имеет другой деривационный статус и другие эквивалентностные отношения со сложносокращённым словом, не связанные с образованием абброаффиксоидов и поэтому не рассматриваемые в статье.

Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации разграничивает диахронные и синхронные аббревиатуры. Диахронные аббревиатуры противопоставляются квазиаббревиатурам. К синхронным относят как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры. На синхронном срезе языка вследствие псевдоунивербализации стираются различия между диахронной аббревиатурой и квазиаббревиатурой: и та и другая имеют актуальные текстовые эквиваленты и поэтому воспринимаются носителями языка именно как синхронные аббревиатуры (ср.: *авиадивизия* – *авиационная дивизия* (аббревиатура) и *авиадоставка* – *авиационная доставка* (квазиаббревиатура). И есть только относительно небольшая группа слов, в которых абброморфема практически не развёртывается в слово (например, *авиапутешественник*, *авиатурист*). В этой группе слов абброконструкт получает на синхронном срезе языка статус аффиксоида, который по происхождению является абброморфемами квазиаббревиатур.

Аффиксоид имеет значение модифицированное, обобщённое. В этом состоит еще одно существенное отличие абброаффиксоида от аброморфемы, в которой «все еще сохраняется в определённой мере предметное значение, что подтверждается возможностью развёртывания на базе квазиаббревиатур с этим АМ псевдоунивербализационных комплексов «квазиаббревиатура – псевдопроизводящее словосочетание» [1].

Но исследование аббревиатур показало, что и **аффиксоидные квазиаббревиатуры** в ряде случаев могут развёртываться в словосочетания (**окказиональные развёртывания абброаффиксоида**). Эти окказиональные словосочетания не являются регулярными текстовыми эквивалентами сложносокращённого слова и не образуют гнёзд эквивалентности. Они существуют лишь в пределах малочисленных, обычно просторечных, текстов. Их появление объясняется действием корреляционного стереотипа: «каждому сложносокращённому слову соответствует эквивалентное словосочетание», то есть происходит заполнение «деривационной лакуны». Можно сказать, что это заполнение влечёт за собой полное аннулирование статуса абброаффиксоида как такового, поскольку, если реализуется модель «сложносокращённое слово всегда равняется эквивалентному словосочетанию», отпадает потребность в самой формулировке такого «подвида» аброморфемы. Но заполнение «деривационной лакуны» – лишь попытка создать единицы, отсутствующие в лексической базе языка.

Например, следуя логике «всякое сокращение предполагает наличие несокращённой единицы», в аббревиатуре *аллергошкола* на основе имплицитных знаний расшифровки абброконтрукта *аллерго*– можно найти эквивалентные словосочетания (в качестве примера возьмём предполагаемые атрибутивные симультантные дешифровальные стимулы): *аллергическая школа* и *аллергологическая школа*. Словосочетание *аллергическая школа* можно исключить из списка возможных эквивалентов, основываясь лишь на семантической методике (см. трехкомпонентная методика [3]), а именно определив, соответствует ли семантическая структура словосочетания семантическим моделям русского языка. *Аллергошкола* – образовательная программа для пациентов, страдающих аллергическими заболеваниями, для родителей детей, страдающих аллергическими заболеваниями. Лексема *школа*, обозначающая не учреждение, а образовательную программу, семантически несочетаема с лексемой *аллергический*: данное слово (*аллергический*) не относится к документу/комплексу положений. Значение прилагательного *аллергологическая*, на первый взгляд, применимо к лексеме *школа* (по аналогии с другим учреждением

аллергоцентр, где словосочетание *аллергологический центр* является текстовым эквивалентом сложносокращённого слова), но, во-первых, оно имеет критически низкий индекс употребления (ср.: *аллергошкола* – 4780, *аллергологическая школа* – 53, в то время как *аллергоцентр* – 61300, *аллергологический центр* – 43000), во-вторых, в любом значении лексема *школа* (1. Учреждение; 2. Образовательная программа) не может сочетаться с лексемой *аллергологическая* (прилагательное относится к аллергологии, то есть к разделу медицины, который изучает аллергические реакции и заболевания): значение *центра* в словосочетании *аллергологический центр* соответствует денотату (медицинский центр).

Приведём другой пример. Сложносокращённое слово *астроархеология* является производным от слова *археология*, к которому присоединили сокращённый компонент *астро-*. По аналогии с другими сложносокращёнными словами аббревиатурной группы *астро* сложносокращённое слово в результате псевдоунивербализации должно соотноситься с синтаксическим коррелятом *астрономическая археология*. Но абброконструкт *астро-* в этом случае не связан со словом *астрономический* и является **абброаффиксоидом**, так как:

- 1) словарное значение прилагательного *астрономический* (относящийся к астрономии) не раскрывает значения слова *астроархеология*: перед нами не раскопки, проводимые с помощью астрономических наблюдений (что является совершенно бессмысленной фразой), а изучение прошлого на основе астрономических наблюдений, которые проводились в древности;
- 2) ономазиологическая структура словосочетания *астрономическая археология* не соответствует ономазиологической структуре определения сложносокращённого слова *астроархеология* (см. выше), в котором представлено адекватное заполнение терминалов: «объект» + «медиатив»;
- 3) словосочетание *астрономическая археология* имеет критически низкий индекс употребления: *астроархеология* – 5821, *астрономическая археология* – 297).

Таким образом, опираясь на данные исследования, можно сделать вывод, что **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры** «обладают» мнимыми дешифровальными стимулами, если их рассматривать в сравнении с другими сложносокращёнными словами той же аббревиатурной группы с одинаковым абброконструктом. Но при рассмотрении сложносокращённых слов оказывается, что они не имеют актуальных текстовых эквивалентов, а развёрнутые словосочетания являются окказиональными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127 – 134.
2. Теркулов В. И. Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в «толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка / В. И. Теркулов // Реквием филологический. – Донецк, 2015. – С. 273 – 283.
3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13 – 25.
4. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках : структурный, семантический и функциональный аспекты : дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Марина Аркадьевна Ярмашевич. – Саратов, 2004.

SUMMARY

Yemelyanova K. Occasional expansion of abbreviated equivalent in equivalent texts

This article is dedicated to the description of occasional expansion of abbrevioid in equivalent texts. The main reason of appearance of a pair called «abbrevioid quasiabbreviation – a word collocation». There are some examples which prove infrequency of this phenomenon towards pseudouniverbalization complex «abbrevioid quasiabbreviation – pseudouniverbalization word collocation».

Key words: quasiabbreviation, abbrevioid quasiabbreviation, abbrevioid, abbrevioid, correlation stereotype, «derivation lacuna».

Задарновская Я.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
г. Горловка, ДНР*

ПОНЯТИЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком, – не только в лингвистике, но и в психологии,

философии, лингводидактике. Одним из самых интересных понятий, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее интересных сегодня проблем общего и русского языкознания, является понятие «языковой личности».

Ключевые слова: личность, язык, речь, речевой портрет.

В последнее время в отечественном языкознании сформировалось особое направление, изучающее языковую личность с точки зрения описания ее речевого портрета. Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. При всем внимании к индивидуальности интерес ученых в первую очередь привлекают те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой.

Понятие «языковая личность», которое ввёл в лингвистику В. В. Виноградов, привлекло к себе особенное внимание после выхода в свет работы Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987). По определению Ю. Н. Караулова, «языковая личность» – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им языковых образований (текстов), а также – личность, выраженная в речи (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств.

«Языковая личность» предстает как многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, возможностей создавать (порождать) и воспринимать речевые сообщения [2, 38].

Структура «языковой личности», предложенная Ю. Н. Карауловым, фактически, приобрела хрестоматийный характер, и охватывает три уровня:

1) вербально-семантический, или структурно-системный, уровень, представленный лексиконом: стандартными словосочетаниями, клише и т.д., которые являются базой для языкового общения и основой понимания значения слов в тексте;

2) лингво-когнитивный, или тезаурусный, уровень, на котором возникает относительно систематизированная «картина мира», что отражает иерархию ценностей человека, представлен разнообразными единицами: обобщенные (теоретические или бытовые / жизненные) понятия и дефиниции, концепты, идеи, афоризмы, крылатые выражения, типичные представления, из всего богатства которых каждая «языковая личность» выбирает именно то, что соответствует устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе;

3) мотивационный, или прагматический, уровень, на котором реализуются коммуникативно-деятельностные потребности

личности: цели, мотивы, интересы, установки и интенции, которые определяются насущной необходимостью индивидов в обмене смысловой и оценочной информацией с целью взаимодействия в различных сферах своего существования и воздействия друг на друга в условиях коммуникации различного типа [2, 36 –38].

4) Языковую личность в условиях общения исследователи могут рассматривать как коммуникативную личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, т.е., личность, которую можно охарактеризовать по определённому коммуникативному поведению. Кажется, что понятие коммуникативной личности в такой трактовке следует дополнить толкованием языковой личности по определению В. В. Красных: «Личность, которая реализовала в себе коммуникации, выбирая и реализуя ту или иную стратегию и тактику общения, которая выбрала и использует тот или иной репертуар способов (лингвистических и экстралингвистических)».

5) Несмотря на глубокую заинтересованность языковедов в исследовании проявлений личности в языке, до сих пор продолжаются дискуссии по поводу отождествления или разграничения понятий языковой личности и коммуникативной личности (понятие «коммуникативная личность» не приобрело распространения в отличие от первых двух терминов). Анализируя их в диахронном аспекте, можно определить три основных подхода к толкованию этих понятий. Первый из них предусматривает, что понятие языковой личности шире, чем понятие коммуникативной личности (С. Г. Воркачев, В. В. Соколова, С. С. Галстян). Второй подход не разграничивает языковую личность и коммуникативную личность. В третьем подходе понятие коммуникативной личности шире понятия языковой личности.

6) Каждая личность, вступившая в коммуникацию по поводу определённого вида деятельности, так называемый профессиональный дискурс, предопределяется как профессиональная языковая личность – человек как специалист, у которого в процессе получения образования и деятельности в отдельной отрасли сформировались специфические компетенции вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационного уровней согласно требований его профессии. Важность этого выявления *homo loquens* определена тем, что в становлении и развитии такой компетенции язык играет главную роль [1, 205 – 206]. В частности, деятельность ведущего как профессиональной языковой личности проявляется в его таком взаимодействии с миром, при котором на основе воспринятых событий он порождает новые тексты, в которых реальность изображена под влиянием личного опыта.

В основе разграничения понятий «языковая личность», «речевая личность» и «речевой портрет» лежит, прежде всего, необходимость различения языка и речи [3].

Отношения между языком и речью складываются таким образом, что в систему языка включаются только наиболее устойчивые и неслучайные компоненты речи. Исходя из этого положения, мы можем утверждать, что для наиболее полного и точного описания языковой личности (индивидуальной или коллективной) требуется, в первую очередь, реконструкция и анализ ее речевого портрета.

Мы считаем, что понятия «языковая личность» и «речевой портрет» тесно взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Взаимообусловленность данных понятий прослеживается и при анализе трехуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова, которая включает: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень [2].

Ряд ученых полагают, что «функциональная модель языковой личности (т.е. ее речевой портрет)» должна включать следующие три уровня:

1) Лексику языковой личности – уровень, который отражает владение человеком лексико-грамматическим фондом языка. Создавая речевой портрет данного уровня языковой личности, необходимо проанализировать запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность.

2) Тезаурус языковой личности – это языковая картина мира, которая при описании речевого портрета этого уровня отражается в использовании излюбленных разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, по которым мы узнаем личность.

3) Прагматикой языковой личности – система коммуникативных ролей, мотивов, целей, интенций, которые руководят личностью в процессе коммуникации.

Таким образом, под целостным речевым портретом языковой личности понимается иерархически организованная структура, которая включает следующие компоненты: социопсихолингвистический портрет – социальные, психологические, биологические особенности; личные интересы и увлечения; особенности речевого портрета на уровне его лексикона: описание и анализ всех системно-языковых уровней; особенности речевой культуры – особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, своеобразие лексики.

Целостный речевой портрет языковой личности может дать только подробное описание ее речи и речевого поведения на значительном временном промежутке. Это практически неосуществимо, поэтому исследовательские поиски при изучении проблемы языковой личности и создания её речевого портрета направлены на такие

моменти речевого поведіння, які несуть в собі суттєві (типові) риси, здатні стати параметрами для створення типології мовних особистостей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворожбитова А. А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии / А. А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. – 2012. – № 17. – С. 205–210
2. Караулов Ю.С. Русский язык и языковая личность / Ю. С. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
3. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. / М. В. Панов – М.: Наука, 1990. – 452 с.

SUMMARY

Zadarnovskaya Y. The concept of the speech portrait of the modern linguistics

Interest in the personal aspect of language learning has increased significantly in recent years in all the disciplines connected with language, not only in linguistics but also in psychology, philosophy, language teaching. One of the most interesting concepts around which the discussion takes place today, the most interesting problems of General and Russian linguistics is the concept of “linguistic personality”.

Keywords: personality, language, speech, speech portrait.

Козтєва А.

*Наук. кер. – к. філол. н., ст. викл. Святобаченко І. С.
м. Горлівка, ДНР*

ОБРАЗ МІСТА В ОДНОЙМЕННОМУ РОМАНІ В. ПІДМОГИЛЬНОГО

У статті особливу увагу приділено образу Міста в однойменному романі В. Підмогильного; висвітлено художні засоби, за допомогою яких автору вдалося відтворити всю багатозначність та неоднозначність цього образу в художній літературі.

Ключові слова: образ, література, художні засоби.

Життя сучасної людини неможливо розглянути як суто індивідуальне явище – воно тісно пов'язане з середовищем, в якому вона мешкає, людьми, які її оточують. Висновки, яких свого

часу дійшли екзистенціалісти щодо безумовної свободи вибору за нашого часу все більше втрачають актуальність [2]. Місто завжди є замкненим простором, огороженим валом, ровами, мурами або іншими перепонами, які відмежовують територію міста від інших населених пунктів. Простір міста постає особливим типом просторово-часових рис.

Творчість В. Підмогильного такі дослідники, як О. В. Мельник, І. Я. Франко з повним правом зараховують до видатних представників української психологічної прози [4]. Вже з початку 20-х років ХХ ст. в прозі В. Підмогильного більш-менш чітко окреслюється діапазон провідних мотивів і тем, до яких він постійно звертається в своїй творчості. До цього діапазону належить, зокрема, тема міста і села, тема голоду, зайвих людей. Реальний стан речей і простежує у романі «Місто» письменник, у якого «стосунки» села і міста розглядаються як «помста» міста селу. Місто затягує до себе, поглинає село.

Звернення В. Підмогильного до такої проблематики не є випадковим і має свою історичну основу. У 20-х роках українська сільська молодь масово потягнулася до міста. У відповідності до офіційної політики вважалось, що це сприяє налагодженню міцних зв'язків між містом і селом, які традиційно, в силу різниці в інтересах, культурі та способі життя були розірвані й вороже ставилися один до одного.

Роман В. Підмогильного «Місто» є першим твором у якому виділяємо київський текст. Усі події твору відбуваються в Києві. У романі відтворено типову для 20-х років минулого століття ситуацію: молодий хлопець Степан Радченко приїздить із села до міста. Слід звернути увагу на символічність появи Радченка в Києві. Він приплив пароплавом по Дніпру. На нашу думку, такий спосіб появи несе в собі глибинну символіку й містить ключ до розкодування змісту твору. Давні вважали, що життя вийшло з води, а море є символом народження. Тому появу головного героя в Києві водним шляхом варто кваліфікувати як народження. Крім того вода у слов'янській, та й інших міфологіях, виступає завжди межею між світами. Отже, появу Степана Радченка в Києві водним шляхом варто вважати за появу його в новому світі. А Дніпро варто кваліфікувати як один із основних елементів київського тексту письменника.

У романі «Місто» чимало подій відбувається на Хрещатику й саме там відбуваються важливі для Степана зміни в самоусвідомленні. Залучені назви вулиць Львівська, Володимирівська, Свердлова, П'ятакова, а також Євбаз, Андріївський узвіз та ін. Остання квартира Радченка знаходиться на Липках.

Місто представлене в творі в різні пори року й час доби, але особливим є саме нічне місто. Уперше побачене, воно викликало в Степана подвійні почуття: захоплення й переляк.

Образ Міста в романі наскрізь синкретичний. Він тісно пов'язаний із головним героєм і діє як своєрідний персонаж художнього твору, наділений душею. Для визначення його основних рис, автор використовує метафору. Місто живе, дихає дощами та туманними ранками, виблискує світлом вогників, які за допомогою авторської уяви перетворюються на очі хижака, який чекає на свою жертву: молоду людину, яка вирішила підкорити Місто, але врешті-решт попала під його вплив.

Місто в романі має особливий колір: переважно сірий, бо саме він виникає в душі головного героя, роблячи його безбарвною частиною конструкції цього міста. Воно має безліч облич, це передусім подружки юнака – Надія, Зося, Мусінька, загадкова Рита, його друзі зі своїми смішними, а інколи, навпаки – трагічними історіями. Місто сповнене різних запахів (кінотеатрів, кав'ярень, нових книжок) та почуттів (зради та ніжності, прикрощів та руйнації надій).

А. А. Степанова розглядає образ Міста з точки зору ніцшеанської концепції аполлонічного та діонісійського. «Мысль об изначальной гармонии заложенных в человеке аполлонического и дионисийского начал звучит уже в эпиграфе к роману, предвосхищая в дальнейшем повествовании конфликт социального и инстинктивного как последствия разрушения гармонии» [3, 180]. Дослідниця вважає, що існує шість ознак у людини: три з яких – тваринні (людина розмножується, їсть та п'є), а три – подібні до янгола (має розум, ходить прямо та говорить священною мовою) [3], що яскраво виявляється саме в обіймах Міста й за його безпосередньої участі.

Аполлонічний початок в романі реалізується в двох іпостасях: образі Києва та в образі головного героя Степана Радченка. В образі Києва аполлонічне з'являється як ідеальне уявлення про діяння людського духу, як повне почуття міри, самообмеження, свобода від диких поривів, мудрий спокій. У романі підкреслюється велич і архітектурна гармонія міста, відтворена в топографічних образах, які народжують певну естетичну цілісність часу в єдності старого Києва і Києва 1920-х рр.

Важливо підкреслити, що в романі Підмогильного краса і велич міста засновані на гармонії порядку – розміреності й впорядкованості урбаністичного способу життя як вищого досягнення цивілізації. Місто з'являється як символ епохи перетворення світу, перетворення хаосу на порядок.

На нашу думку, Місто виступає в цьому романі у ролі переможця. Степан Радченко насторожено ставиться до Міста й намагається йому протистояти, але воно нав'язало головному героєві урбаністичні думки й затягнуло у вир міщанського життя. Місто почало диктувати Степану свою ідеологію і він, не помітивши цього,

опинився в його владі. Місто стало головним героєм роману поряд зі Степаном Радченком.

ЛІТЕРАТУРА

1. Підмогильний В. Місто / В. Підмогильний. – К. : Наукова думка, 1992. – 328 с.
2. Радугин А. А. Философия : курс лекций / А. А. Радугин. – М. : Фолио, 1990. – 320 с.
3. Степанова А. А. Метаморфозы аполлонического в романе Валериана Пидмогильного «Город» / А. А. Степанова // Литература XX века : итоги и перспективы изучения. Материалы Седьмых Андреевских чтений / Под ред. Н. Т. Пахсарьян. – М., 2009. – С. 177 – 187.
4. Франко І. Я. Збірка творів : у 50 т. / І. Я. Франко. – К., 1976. – Т. 5. – 384 с.

SUMMARY

Kohteva A. The Image of the City in the same-named novel by V. Pidmohilnyy

The article is devoted to the means of the image of the City metaphorical creating as the phenomenon accumulating social, psychological and historical features of the epoch. The place and the role of the image of the City in the novel “The City” is considered.

Keywords: image, fiction means, metaphorical image.

Кононенко С.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Кочетова С. А.
г. Горловка, ДНР*

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДЕИ ДВОЙНИЧЕСТВА: ДВОЙНИКИ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»

В статье предпринята попытка изучить содержание идеи двойничества в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо», которая играет значительную роль при раскрытии идейно-смыслового содержания произведения. В работе акцентируется внимание на таких парах двойников, как Сеня и Маша, Володя и Женева. Автор приходит к выводу о том, что в произведении присутствие двойничества и состояния людей являются психологическими деталями поведения

Ключевые слова: роман, повествование, двойничество, художественная деталь, функции детали.

Целью статьи является выявление смыслового содержания идеи двойничества и функций образов-двойников в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо».

Двойник рассматривается как «некая проделка дьявола, которая создает нечто похожее на субъекты, но таковым не являющееся» [2].

Исследователь Ю. Лотман утверждает: «Изменяя по законам зеркального отражения (энантиоморфизма) образ персонажа, двойник представляет собой сочетание черт, позволяющих увидеть их инвариантную основу, и сдвигов (замена симметрии правого – левого может получать исключительно широкую интерпретацию самого различного свойства: мертвец – двойник живого, несущий – сущего...), что создает поле широких возможностей для художественного моделирования» [6].

По мнению А. Крылова двойник – это символ смерти, совесть героя, бесконечная жизнь, болезнь, а именно психическое расстройство, и многое другое. Двойниками принято называть только тех героев и персонажей, которые имеют какое-то сходство: имя, происхождение, внешность – всё, что буквально указывает на их связь и «родство» [4].

Необходимо отметить, что двойник – это не близнец, двойник – это персонаж, который пытается занять место главного или второстепенного героя. Заметим, что, если двойник встречается с героем, то обычно все заканчивается гибелью первого. Как отмечает В. К. Кантор, «двойник – это тот персонаж, который паразитирует на главном герое: на его внешности, его благородстве, происхождении» [2]. Отношениям двойника и героя присуща своеобразная борьба, и, как закономерность, победа остается за первым. Различная литература, по мнению В. К. Кантора, следует данному правилу [2].

Все персонажи произведения, окружающие главную героиню, являются личностями творческой направленности, например: писатели, циркачи, музыканты, художники. Самыми близкими среди мужчин можно назвать Сенью и Володю – это два мужа, самые дорогие люди, которые не похожи друг на друга. Володя был не только молодым, красивым и обаятельным. Что касается Сени, то он был старше Анны. Володя говорит о том, что девушка была «... так привязана к старому, седому, вечно небритому неприкаянному лабуху, который ничего ей не может дать, кроме редких встреч, сентиментальных писем и какой-то призрачной, якобы вечной любви» [5, 276]. Он подчёркивает то, кем и каким является Сеня. Мужчин связывает важное – это их любимая женщина. Стоит отметить, что мужчины противоположны друг другу.

В произведении создаются пары двойников такие, как Сеня и Маша, Володя и Женеваева. Мотивы картин, музыки, зеркал,

сумасшествия, тоски, и сна тесно связывают Машу и Сеню. Два героя являются музыкальными. Маша – преподаватель музыки в музыкальной школе, а Сеня играет на фаготе. Маша и Сеня сходят с ума из-за главной героини, но каждый в разной степени и по-своему.

Маша перестала отличать реальные события от вымышленных. По правде говоря, женщина сначала, когда Аня начала заниматься зеркалами, не хотела замечать и слышать о таком странном занятии дочери: *«Она жутко нервничала, слушать ничего не хотела ни о каких зеркалах – это же уму непостижимо, что за дикие увлечения у девочки!»* [5, 146]. После того как Анна ушла из дома, Маша полностью сходит с ума. Мужу даже пришлось обратиться за помощью к психиатру. Через какое-то время Христина прислала Анне письмо, в котором рассказывала о состоянии своей приёмной матери: *«Так если с кучей таблеток она ещё смирна снула но буває накатить на ее она усе як повыплевают... Шо уси дзеркала вокруг разбыла, так то ладно дома мы уж усе попрятали но она ж норовит и ув окнах стеклы бить особо когда вечером они блуковать начинают тут вже бежи уперед себе крычи караул зашторивай усє шо можна...»* [5, 245].

Сеня после того, как Анна исчезла, бросил все на поиск девушки. Он отправлял ей письма, брал отпуск, чтобы поехать за границу на поиски своей любимой, но все попытки были тщетны.

Можно отметить, что Сене повезло гораздо больше с Анной, чем Марии с Анной, они по-разному сходят с ума, прикоснувшись не только к ней, но и к ее дару, и оба умирают в произведении [1].

Вторая пара двойников – это Женестьева и Володя, в образах которых отмечаем не только мотивы одиночества и ревности, но и мотив смерти. Так же, как и Женестьева, Владимир проходит с Анной испытание смертью в зеркалах. Смерти в зеркалах совпадают с кульминационными моментами в романе и всегда превозносят странные и негативные события в жизни главной героини. Владимир был огорчен, когда узнал, что Анна покидает его, поэтому жестоко избивал молодую девушку, о чём позже он будет очень жалеть: *«Потом я её бил... Тоже сильно... Лет десять спустя. И она не стонала, но после каждого удара сплевывала кровь и жалостливо так спрашивала: «Больно, Володечка?»»* [5, 166].

Женестьева длительный период времени не могла найти подходящую пару; когда она её обнаруживает, то Анна предостерегает Женестьеву, чтобы последняя не сильно привязывалась к девушке, так как Анюта увидела, что в ближайшее время Элена умрет.

Именно так два совершенно разных на первый взгляд человека связывает общая потеря, а именно – потеря любимого человека, затем одиночество, горе, бродяжничество. Для Владимира таким человеком является Анна, для Женестьевы – Элена.

Итак, данные образы, присутствие двойничества и состояния людей являются психологическими деталями поведения, которые выполняют две основные функции: психологическую и сюжетную, так как показывают поведение, состояния героев, являются связующим сюжетным элементом в произведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загороднева К. В. Художественные особенности романа Д. Рубиной «Почерк Леонардо» и его Пушкинская проекция [Электронный ресурс] / К. В. Загороднева (Режим доступа: <http://moyuniver.net/xudozhestvennyye-osobennosti-romana-d-rubinoj-pocherk-leonardo-i-ego-pushkinskaya-proekciya/>).
2. Кантор В. К. Любовь к двойнику. Миф и реальность. 1-я лекция [Электронный ресурс] / В. К. Кантор // Academia. 2013 (Режим доступа: <http://video.sibnet.ru/video1041963>).
3. Кочетова С. А. Художественное пространство и способы его визуализации в романах Дины Рубиной «Почерк Леонардо» и «Белая голубка Кордовы» / С. А. Кочетова // Лингвисториторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22-1. – С. 220 – 225.
4. Крылова А. Определение понятия «двойничества» в литературе и философско-эстетическая база его возникновения [Электронный ресурс] / А. Крылова (Режим доступа: <http://litbook.ru/article/6964/>).
5. Рубина Д. Почерк Леонардо / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2012. – 480 с.
6. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман (Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600937).

SUMMARY

Kononenko S. The sense content of the ideas of duality: tweedledums in the novel of Dina Rubina “The Handwriting of Leonardo”

The article attempts to study the content of the idea of duality in the novel of D. Rubina “The Handwriting of Leonardo”, which plays a significant role in revealing the ideological and semantic content of the work. In this work, attention is focused on pairs of twins such as Senya and Masha, Volodya and Genevieve. The author comes to the conclusion that in the work the presence of duality and the state of people are psychological details of behavior

Keywords: novel, narrative, duplicity, artistic detail, functions of the details.

Кочетова К.
Науч. рук. – д. филол. н., проф. Фёдоров В. В.
г. Горловка, ДНР

ОБРАЗ ДОМА КАК КОНСТАНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ МАРИАМ ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» – одно из самых неизученных произведений современной русской литературы. В данной работе мы рассматриваем особенности отображения художественного пространства, разные типы представленных в произведении реальностей, а также связь между чертами отображаемого пространства и характеристикой героев романа.

Ключевые слова: художественное пространство, художественное время, хронотоп, реальность.

На сегодняшний день вопросы отображения художественного времени и пространства в различных литературных произведениях представлены в целом ряде научных работ, что позволяет говорить о сложившихся традициях изучения организации хронотопа в отечественном литературоведении.

Пространственно-временные ориентиры мира художественного произведения традиционно рассматриваются исследователями как координаты, лишенные конкретизации «ввиду знаковой, духовной, символической природы слова» [3, 487].

Ю. Лотман в своих работах характеризует и объясняет данную художественную категорию следующим образом: «Сюжет повествовательных литературных произведений обычно развивается в пределах определенного локального континуума. Наивное читательское восприятие стремится отождествить его с локальной отнесенностью эпизодов к реальному пространству (например, географическому). Однако существование особого художественного пространства, совсем не сводимого к простому воспроизведению тех или иных локальных характеристик реального ландшафта, становится очевидным, лишь только мы сравним воплощение одного и того же сюжета средствами разных искусств» [4, 621]. При этом автор неоднократно отмечает, что представление о художественном пространстве как о конкретизированной модели существующего пространства заведомо ошибочно. По мнению Ю. Лотмана, художественное пространство произведения смоделировано непосредственно автором, его представлениями о данной модели и ее роли в произведении. В той же работе исследователь приводит следующие типы пространства: точечное, линейное, плоскостное,

объемное. Точечное художественное пространство ограничено и привязано к конкретной сюжетной или конфликтной ситуации. Линеарное пространство встречается в произведениях с заданной последовательностью эпизодов, хотя, вместе с тем, оно лишено конкретизированной направленности. Плоскостному и объемному пространству, соответственно, характерны вертикальная и горизонтальная направленность.

А. Б. Темирболат в работе «Поэтика литературы» рассматривает также абстрактное и конкретное пространство. «Абстрактным называют такое пространство, которое, даже будучи четко обозначенным, не имеет выраженной характеристики и в силу этого не оказывающее существенного влияния на развитие конфликта, характеров персонажей, не задающего эмоционального тона произведения и не подлежащее активному авторскому осмыслению. Такой тип пространства используют для глобального обобщения, выражения универсального содержания. Конкретное пространство, напротив, „связывает“ созданный художником мир с определенными топографическими реалиями, тем самым влияя на суть изображаемого. Между абстрактным и конкретным пространствами нет непроходимой границы. Нередко они сочетаются в пределах одного произведения» [6, 39].

Особый интерес для исследователей хронотопа представляет теория определяемости моральных характеристик персонажей пространственным окружением, предложенная Ю. Лотманом. Приводя в пример произведения Л. Толстого, исследователь выделяет типы персонажей, чьи образы тесно связаны с особенностями художественного пространства в произведении. Таковыми являются герои «замкнутого» пространства, герои неподвижности, привязанные к определенному локусу и, соответственно, не способные к изменениям, в чем они, впрочем, и не нуждаются. Их пространство – в них самих, они являются его носителями. Таким персонажам противопоставлены герои «открытого» пространства, персонажи, остающиеся в движении и не прерывающие развития. Согласно Ю. Лотману, среди таковых следует различать героев «пути» и героев «степи». Что немаловажно, анализируя персонажей Л. Толстого, автор приходит к выводу, что «путь» «открытых» героев характеризуется, прежде всего, их эволюционным восхождением или же деградацией, которые определены темпоральной (временной) константой направления. В отличие от них, герои «степи» не ограничены «признаком высоты движения»; в их образах может находить свое отражение хаотичность и непредсказуемость направления движения. Их основную функцию автор видит в том, что они способны переходить границы между мирами других (так как

в реальности такого персонажа никаких границ не существует вовсе). Они способны игнорировать чужую ограниченность и не подчиняться чужим «территориальным» рамкам. Таким образом, художественное пространство способно определять не только основные черты персонажей, но и линию их развития, эволюции и деградации.

Среди художественных образов, основанных на пространственных представлениях, особый интерес вызывает образ дома. По Г. Башляру, данный образ зачастую несет в себе сокровенные жизненные силы, представляясь сознанию автора и читателя порождением «сердца, души, всего существа человека» [1, 8], который может обнажить душу, стать отражением внутреннего мира человека. В своей работе «Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека» Т. В. Быковская отмечает природу дома как первозданного, архаичного явления, первореальности. Это – мир в человеке, явление не столько социальное, сколько внутреннее. Ценность данного образа предопределена нуждой человека в моральной опоре, в территории, на которой можно укрыться от невзгод окружающего мира. В процессе его рождения воспоминания (которые, казалось бы, и должны служить основой образа) переплетаются с порывами воображения, что дарит дому особую, мистическую и личностную близость с духовным миром человека. «Воображение „играет“ и создает „новую реальность“». Эта игра воображения двойственная: с одной стороны, дом обитает в нас, наша душа хранит воспоминания, с другой стороны, мы живем в доме – наши мечты, фантазии, грезы „возводят стены родного дома“ в нашей душе» [2]. Такой живущий внутри человека дом рожден его воображением, украсившим настоящие, живые воспоминания нереальностью теплоты, защищенности и блаженства. Иными словами, в поэтической наполненности образа находит свое воплощение мечта о доме. Образ дома получает свое собственное существование, развитие, динамику, превращаясь в своеобразное пристанище души, место духовного одиночества и блаженного затворничества. «Поэтика дома – это модель желаемого, созданного игрой воображения, с которой связывались самые различные душевные и духовные поиски. Поэтика дома связана с поиском национальной и духовной идентичности. Это поиски душевного комфорта, духовной оседлости – их психологические и художественные грани поражают многообразием. Единство их в том, что это поиски счастливого человеческого пространства, в котором воображение отрывает нас от реальности, открывает возможность интерпретировать прошлое и обещает будущее. Творческое воображение настолько поднимает человека над жизнью, что жизнь уже не может его объяснить» [2].

Художественный мир романа Мариам Петросян отличает его универсальность, безликость: время действия определяется лишь приблизительно (в рамках одного-двух десятилетий), реальные имена персонажей либо интернациональные, либо опущены вовсе и заменены на прозвища. Тот же прием обезличивания использован и при описании пространства, в котором развиваются события. Кроме того, его отличает исключительная замкнутость и ограниченность, усиливающаяся прежде всего оттого, что на протяжении территории полумистического Дома (места обитания героев произведения – детей-инвалидов) противопоставляется реальный мир, так называемая Наружность, пугающая и небезопасная для обитателей Дома. Законы и мироустройство, царящие внутри Дома, больше напоминают игру, чем реальные условия проживания (что отмечается в начале романа одним из самых «наружных» персонажей – Курильщиком). Жизнь заведения для детей-инвалидов диктуется его обитателями, их суеверностью и их фантазией. Каждая группа детей зовется стаей, каждый ее лидер – вожаком; они игнорируют уроки и сверху донизу расписывают стены коридоров надписями и картинами. Реальность, созданная воспитанниками Дома, населена фантастическими образами и сказками, она менее всего напоминает действительность внешнего, обособленного от них мира. Вместе с тем, столь ограниченное пространство обнаруживает в себе неожиданную глубину и, сколь бы странно это не звучало, *многопространственность*. Под внешней оболочкой неблагополучного коррекционного детского дома скрывается мистический ирреальный мир, схожий с фантастическими вселенными таких авторов, как К. С. Льюис и Л. Кэрролл. Так называемая «Изнанка» Дома – это своеобразная модель параллельного мира, само существование которой создает в романе еще один, новый уровень отношений «реальность – фантазия». Наружность противопоставлена Дому, но и Дом противопоставлен самому себе, вернее, противопоставлены две его ипостаси. Связь между ними тонка и сложна. Особую роль при этом играет то обстоятельство, что Дом осознается героями произведения как живой, целостный, обладающий самостоятельным сознанием организм: «Нельзя уйти и вернуться, когда пожелаешь. Дом мог не принять его. Такое бывало с другими, он видел это не один и не два раза и знал, что не ошибается. Его могло не принять НЕЧТО. Неопишемое словами, не поддающееся логике, НЕЧТО, бывшее самим Домом, или его духом, или сутью, он не искал слов и не думал об этом словами. Просто, возвращаясь, он знал, что окончательное решение будет зависеть не от него <...> Дом примет его или не примет» [5, 299]. Дом способен управлять действительностью, вводить в заблуждение, даже дарить подарки

с целью поощрить отдельных воспитанников, удержать их подле себя. Точно так же Он способен решать, кто же имеет право посетить *ту сторону*, а для кого она так и останется мифом.

При анализе восприятия воспитанниками Дома становится ясно: необычное социально-бытовое устройство их жизни обусловлено не только детскими фантазиями, но и осознанием соседства с этой иной таинственной реальностью. В отличие от таких «наружных» персонажей, как Курильщик или Ральф Первый, получившие разрешение посетить «изнанку», воспринимают ее существование как должное, как естественную часть мироустройства. Некоторые персонажи, даже оставаясь в действительной части Дома, продолжают жить и мыслить реалиями «той стороны». К таковым, например, относится Слепой – классический пример героя «замкнутого» пространства, несущий в себе многогранность, таинственность «изнанки» и существующий созвучно ней. В свою очередь, ему противопоставлен образ Курильщика. Их объединяет «замкнутость» пространства, с которым они существуют, оставаясь невосприимчивыми к изменениям; но Курильщик – это образ человека Наружности, не сумевшего найти себе место в Доме и, в конце концов, с облегчением вернувшегося к привычной реальности после выпуска.

Таким образом, анализируя особенности отображения художественного пространства в произведении, мы приходим к выводу, что Дом играет в романе роль «пространственного краеугольного камня», косвенно определяя направление движения отдельных персонажей и сюжета в целом. Нельзя не отметить и линейность, объемность, конкретность изображенного пространства, незримо играющего значительную роль в происходящих в произведении событиях.

Образ Дома является связующей точкой двух параллельных реальностей, «отраженных» друг в друге. И замкнутость, заикленность его обитателей на образе Дома как мистического убежища порождает страх перед окружающим миром. Дом воспринимается ими как защитник от пугающей и чуждой им действительности. Часть детей (как, к примеру, Слепой) и вовсе не мыслит себя вне связи с Домом (стоит отметить, что в этой патологической страсти объектом становится не действительная, реальная часть Дома, а его мистическое «подпространство»). Позитивизм образа родного дома вывернут наизнанку: смесь любви и страха перед Наружностью приводит к тому, что часть детей добровольно выбирает в качестве будущего существования в другой реальности. Поиск душевного комфорта и блаженства, ставший истоком создания образа дома, приводит к полному отказу, добровольному уходу от действительности.

Стоит также отметить, что в романе представлена и другая ось координат, также мистическая, но не пересекающаяся с мультиреальностью Дома. Лишь к концу романа читатель осознает, что время в художественном пространстве романа М. Петросян организовано в спиралевидной форме. Самым просвещенным персонажем произведения, шутом и трикстером Шакалом Табаки (под маской которого скрывается сам Повелитель времени) приведена метафорическая формула организации новой, на сей раз темпоральной, вселенной: «Понимаешь, – говорит он, – жизнь не течет по прямой. Она – как расходящиеся по воде круги. На каждом круге повторяются старые истории, чуть изменившись, но никто этого не замечает. Никто не узнает их. Принято думать, что время, в котором ты, – новенькое, с иголки, только что вытканное. А в природе всегда повторяется один и тот же узор. Их на самом деле совсем не много, этих узоров» [5, 772].

Таким образом, каждый цикл, каждый круг повторяет предыдущий, но, практически наверняка, с определенными изменениями. Подобно Лорду, Сфинксу и другим путешественникам между мирами Дома, Табаки здесь выступает как герой «открытого», «степного» пространства, который может себе позволить не подчиняться законам существования человека на «кругах» и цикличности возрождения человеческой души.

Иными словами, в романе представлены сразу два вида мультивселенных; но лишь одна из них автономна и не привязана к исходной точке. Другая же – «изнанка» Дома – сталкивается с реальностью, оставляя на ней свой след, свой отпечаток. Мистицизм детского дома, его пугающая таинственность, обособленность и загадочность – не что иное, как отголосок внереального происхождения этого места. Дом как таковой является основополагающим звеном в цепи связей между двумя вселенными, не только соседствующими, но и пересекающимися друг с другом в единой, постоянной точке – старом здании, где живут больные, а оттого и особенным образом чувствительные, дети, пишущие на стенах непонятные надписи и разрывающиеся между двумя реальностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства / Г. Башляр ; пер. с фр. – М. : РОССПЭН, 2004. – 376 с.
2. Быковская Т. В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека [Электронный ресурс] / Т. В. Быковская // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – Режим доступа : www.scienceeducation.ru/110-9819.

3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. – С.-Петербург : «Искусство-СПБ», 1997. – С. 621 – 658.
6. Петросян Мариам. Дом, в котором... / М. Петросян. – М. : Livebook / Гаятри, 2011. – 960 с.
7. Темирболат А. Б. Поэтика литературы : учеб. пособие по курсу «Поэтика литературы» / А. Б. Темирболат. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 168 с.

SUMMARY

Kochetova K. The image of the house as a constant of the art space on Mariam Petrosyan's novel "The Gray House"

Mariam Petrosyan's novel "The Gray House" is one of the most unexplored works in the modern Russian literature. This work presents the peculiarities of reflection of the novel's art space, different types of the realities presented in the piece, the connection between the presented reality's features and the traits of the characters.

Keywords: art space, art time, chronotope, reality.

Крестьянинова Е.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
г. Донецк, ДНР*

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ АББРЕВИАТУРЫ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АЛЬП»)

В статье рассматривается взаимоотношение аббревиатур и их текстовых эквивалентов в эквивалентных текстах на материале аббревиатурной группы с аббрoконструктом «альп». В работе даётся перечень моделей текстовой реализации эквивалентности, а затем определяется, каким образом эти модели реализуются в текстах.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, эквивалентный текст, текстовый эквивалент.

Настоящее исследование представляет собой часть программы по составлению «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка» (далее – «ТЭССЯ»), осуществляемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) при кафедре русского языка ДонНУ. В «ТЭССЯ» представлены только аббревиатурные слова, эквивалентные словосочетаниям. Поэтому **цель** нашей работы заключается в описании взаимоотношений аббревиатуры и ее текстовых эквивалентов в эквивалентных текстах. Исследование осуществляется на материале аббревиатурной группы с абброконструктом «альп».

Поставленная цель определяет такие **задачи**: 1) уточнить содержание понятия «эквивалентный текст»; 2) описать особенности использования аббревиатур и их эквивалентов в тексте.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью дальнейшего развития теории аббревиации. Впервые дается комплексный подход на уровне текста на синхронном срезе языка к выявлению особенностей употребления аббревиатурных групп русского языка и их эквивалентов в эквивалентных текстах, что обуславливает **научную новизну** данного исследования. Предполагается наличие некоторых закономерностей в употреблении аббревиатур и их эквивалентов в эквивалентных текстах.

Под эквивалентным текстом (далее – ЭТ) мы, вслед за В. И. Теркуловым, понимаем «текст, в котором подтверждается эквивалентность аббревиатурного слова деривационно или лексически связанным с ним единицам» [3, 22]. Существует два вида ЭТ. Абсолютный ЭТ – текст, в котором аббревиатурное слово и его эквивалент употребляются как синонимы. Например, *“Хорошая альпинистская веревка (3-4 тонны на разрыв) – КАЧЕСТВЕННАЯ альпверевка не рвется при таких нагрузках”* <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j>); синонимичный ЭТ – разные тексты, в которых аббревиатурное слово и его эквивалент используются для обозначения одного и того же референта. Например, *“В стандарте четко прописано, какие нагрузки должна выдерживать каска для альпиниста, требования к функциональности, и даже дизайну”* (<https://sport-marafon.ru/article/alpinizm/kak-vybrat-kasku-dlya-alpinizma-i-skalolazaniya/>) – *“Альпкаска на велосипеде является компромиссом (чтобы не тащить второй шлем)”* (<http://popgun.ru/viewtopic.php?f=110&t=79555&start=5280>).

Дешифровальным стимулом (далее – ДС) называют «стереотип расшифровки абброконструкта» [3, 18]. А. И. Бровец выделяет два типа дешифровальных стимулов (далее – ДС): презентативные и интерпретативные [1, 52]. Презентативные ДС выражают

обобщенное значение абброконструкта и выступают в текстах в виде относительного прилагательного. Например, “Продам почти новые альпинистские ботинки Scarpa Manta – Классические надёжные альпботинки 43 размера” (<https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&s>). Интерпретативные дешифровальные стимулы конкретизируют значение абброконструкта. Различают интерпретативные ДС 2 типов: 1) ономаσιологический базис, ономаσιологический признак² и подчиненный ему ономаσιологический признак¹ (возможность признака³). Например, альп¹магазин^{базис} – магазин^{базис} альпинистского¹ снаряжения². Такие ДС называют собственно интерпретативными; 2) ономаσιологический базис и грамматически подчиненный ему ономаσιологический признак,¹ выраженный синтаксическим актантом с падежно-числовой семантикой (иногда с предлогом). Например, альп¹снаряжение^{базис} – снаряжение^{базис} для альпинизма.¹ Такие ДС называют релятивными [2, 166].

Нами было выявлено 39 сложносокращённых слов (далее – ССС) с абброконструктом «альп», каждое из которых имеет один или несколько текстовых эквивалентов.

Так как наше предположение основывается на том, что текстовые эквиваленты реализуются в текстах по стереотипным моделям, то для удобства построения таких моделей мы будем использовать операторы, которые условно обозначим следующим образом:

1. Презентативные ДС – ПрезСС;
2. Собственно интерпретативные ДС – Инт¹СС;
3. Релятивные ДС – Инт²СС.

Для ССС с абброконструктом «альп» нами были обнаружены следующие модели текстовой реализации эквивалентности:

1. ССС + ПрезСС. Такая модель предполагает наличие в абсолютном ЭТ только аббревиатуры и презентативного текстового эквивалента. Презентатив в таком тексте выполняет функцию замещения аббревиатуры во избежание нежелательных повторов. Например, “В ноябре состоится отчетно-выборное собрание Альпклуба «Одесса» – Альпинистский клуб “Одесса” – выборы членов Совета клуба, Президента, отчет по членским взносам, планы на 2018 год и другое” (<http://alp.od.ua/>); “Альпбаза «Комы-Арт» расположена под северными склонами г. Кубус (2341 м) на высоте 1850 метров над уровнем моря — Отдых в КОМЫ-АРТ – альпинистская база” (<https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j>) и т.д.;

2. ССС + Инт¹СС. Предполагается наличие в абсолютном ЭТ аббревиатуры и собственно интерпретатива: “На вырученные деньги я пошел в магазин альпснаряжения и приобрел все необходимое, что вы и видите на картинках, и еще много денег осталось – Цены в альпмагазине приятно порадовали” (<http://forum.katera>).

ru/index.php?/topic/4962-kak-podnimajutsja-na-machtu/page-7). В такой модели текстовый эквивалент ССС выполняет функцию уточнения семантики аббревиатуры и включает дополнительный ономаσιологический признак.

3. ССС + Инт²СС. Такая модель предполагает наличие в абсолютном ЭТ только аббревиатуры и релятива. Например, “Харьковский областной клуб альпинистов – Альпклуб” (<https://www.google.com.ua/url>). При этом релятив совпадает с аббревиатурой по количеству ономаσιологических признаков, но способен указывать на грамматические значения числа и падежа, следовательно, включает дополнительную актантную семантику (семантику роли объекта в номинации). Ср., “Доступ на крышу, если монтаж не стандартный и требуется **работа альпиниста** (ед. ч.) – **Альпработы**, цена по договоренности” (<http://www.kond-service.ru/montazh>) и “Понимаю, что **работа альпинистов** (мн. ч.) тяжелая и опасная... **альпработы** отдаю альпинистам” (<http://alpinisty.net/viewtopic.php?f=20&t=3177>). Или: “**Альп-секция** IRBIS, Tashkent, Uzbekistan – **Секция Альпинистов** (род. п.) и Скалолазов в Узбекистане” (<https://mbasic.facebook.com/irbis.uz/>) и “**Секции по Альпинизму** (дат. п.) останутся – Тогда весь ЦСКА уедет в столицу, а **альпсекция** будет тренироваться на скалодроме и в Боровом” (<http://alpinist.kz/2010/02/11/sluxi-o-cska/>) и т.д.;

4. ССС + ПрезСС + Инт²СС. Такая модель предполагает наличие в абсолютном ЭТ аббревиатуры, презентатива и релятива, где, как и в предыдущих моделях, презентатив выполняет функцию замещения ССС, а релятив включает дополнительную семантику: “В Красноярске появился свой городской **альпинистский клуб** – Сколько сейчас человек занимается в Красноярском **клубе альпинистов**? – Просто ли это – создать **альпклуб**?” (<https://www.risk.ru/blog/6859>); “**Альпинистский лагерь** «Актру» (заголовок) – **Альплагерь** «Актру» – это старейший **лагерь альпинистов** на Алтае” (http://putevoditel-altai.ru/load/sdajutsja_domiki_nomera/alpinistskij_lager_quot_aktru_quot/4-1-0-801) и т.д.;

5. ССС + Инт²СС + Инт²СС. Такая модель предполагает наличие в тексте аббревиатуры и 2 различных релятивов, входящих в одно гнездо эквивалентности, но грамматически и семантически различных. Например, “Соревнования проводит центральный спортивный **клуб альпинистов** г. Москвы имени А.С. Демченко – Чемпионаты СССР (по данным **альпклуба** им. А. Демченко) – В память о нем в Москве создан Центральный спортивный **клуб альпинизма** им. А.С. Демченко” (<http://stepanich.ru/html/history.html>).

Модели с презентативными ДС встречаются чаще моделей с ДС интерпретативного типа в ЭТ, что обусловлено нулевой степенью интерпретации презентативов и сложной структурой

собственно интерпретативов, имеющих в своем составе дополнительный ономаσιологический признак, который отсутствует в структуре аббревиатуры. Анализ моделей текстовой реализации эквивалентности позволяет утверждать, что употребление текстовых эквивалентов аббревиатуры и ССС в абсолютных ЭТ конкретизирует значение каждого текстового эквивалента аббревиатуры. Это обусловлено тем, что релятивные ДС указывают на грамматические значения числа и падежа (*альпботинки – ботинки альпиниста – ботинки альпинистов – ботинки для альпиниста – ботинки для альпинистов – ботинки для альпинизма*); собственно интерпретативы, как было сказано выше, включает дополнительный ономаσιологический признак (*альпмагазин – магазин альпснаряжения*).

Таким образом, текстовая реализация эквивалентности ССС по определенным моделям свидетельствует о существовании некой системы стереотипов на синхронном срезе языка. Определенные нами модели текстовой реализации эквивалентности аббревиатурной группы «альп» могут быть использованы при составлении словарных статей для «Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка». Можно предположить, что текстовая реализация эквивалентности обусловлена ономаσιологической структурой аббревиатуры. В последующих работах мы предполагаем дать полное описание моделей текстовой реализации эквивалентности ССС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка). – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 51 – 57.
2. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 166 – 172.
3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29): Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13 – 25.

SUMMARY

Krestyaniniova K. The features of the use of text equivalents of abbreviations in equivalent texts (on the material of the abbreviation group “альп”)

The article deals with the relationship between abbreviations and their text equivalents in equivalent texts on the material of the abbreviation group with the abbroconstruction “альп”. The paper gives a list of models of textual implementation of equivalence, and then determines how these models are implemented in the texts.

Key words: abbreviation, deciphering stimulus, equivalent text, text equivalent.

Михайлова Е.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
г. Донецк, ДНР*

РЕЛЯТИВНЫЕ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИСТОЧНИК ТЕКСТОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Предлагаемая статья посвящена описанию процессов формирования текстовой эквивалентности сложносокращённого слова в результате действия релятивных дешифровальных стимулов. В работе устанавливаются формально-структурные особенности дешифровальных стимулов данного типа при помощи составления матрицы дешифровальных стимулов.

Ключевые слова: *сложносокращенное слово, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул, презентатив,¹ презентатив².*

Актуальность нашего исследования определяется не только необходимостью теоретического осмысления материала, появившегося в поле зрения в процессе работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденции аббревиации («ЭЛИТА») при кафедре русского языка Донецкого национального университета над созданием «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка», но и мотивированной этой работой разработкой новой терминологической базы, которая уточняет и структурирует взгляд на аббревиацию как на синхронное явление.

В лингвистике сложилась традиция трактовать сложносокращённое слово (далее – ССС) как лексему, возникшую в результате компрессии словосочетаний. Под термином

«аббревиация» имеется в виду процесс, «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [1, 107]. Нами обнаружена возможность двух трактовок ССС. С одной стороны, ряд ССС возникает в результате универбализации, т.е. процесса сворачивания словосочетания в ССС, например *бухгалтерский баланс* – *бухбаланс*. С другой – ряд ССС возникает в результате квазиаббревиации – прямого присоединения абброконструкта к производящему слову. При этом для квазиаббревиации характерен параллельный процесс псевдоунивербализации, при котором словосочетания разворачиваются на базе ССС, например *туалет* – *биотуалет* – *биологический туалет*. Такая ситуация возникает из-за сложившегося стереотипа: каждой аббревиатуре должно соответствовать словосочетание. Этот стереотип формирует имплицитные знания о возможности расшифровки абброконструктов и создаёт условия для появления стереотипных дешифровок ССС. Такую расшифровку абброконструкта (далее – АК) мы называем **дешифровальным стимулом**. Вопрос об этом явлении в лингвистике был поднят ранее сотрудниками лаборатории в рамках работы над словарём: данное понятие было введено в научный обиход В. И. Теркуловым, дальнейшие описания проводились в публикациях Бровца А. И., Рязановой В. А., Акулич. **Целью** же нашей работы, в которой **объектом** выступает релятивный дешифровальный стимул, является формально-структурное описание ДС на материале нескольких аббревиатурных групп.

Любое ССС характеризуется наличием сокращённого компонента, который в нашей терминологии определяется как абброконструкт (далее – АК). АК может выступать в роли либо **аббревиационного эквивалента** (далее – АЭ), либо **аббревиационной морфемы** (далее – АМ). Под АЭ мы понимаем такой АК, который является сокращённым вариантом компонента исходного словосочетания. В данном случае мы говорим о том, что ССС образовано на базе словосочетания и является **аббревиатурой**. Например, ССС *грузоподъёмник* (212698 употреблений) возникло на базе словосочетания *грузовой подъёмник* (238897), т.к. количество употребления словосочетания здесь выше, чем ССС. Вторая разновидность АК – АМ, возникает в результате «размывания» семантики и «стереотипизации» АЭ. АМ присоединяется непосредственно к производящему слову в процессе модификационного словообразования. В этом случае эквивалентное ССС словосочетание выступает как производное, развернутое на базе ССС. Такое ССС мы называем **квазиаббревиатурой**. Например, АК в слове *грузобагаж* мы определяем как АМ, поскольку эквивалентное словосочетание

грузовой багаж встречается реже, чем ССС. Искажённая семантика прилагательного «*грузовой*» подтверждает тот факт, что словосочетание возникло на базе ССС. Здесь не реализуется традиционная для данного прилагательного семантика *предназначенный для перевозки тяжести, грузов: ср. *грузотакси*.

Вокруг ССС образуется гнездо эквивалентности, т.е. совокупность словосочетаний, обладающих вступающих в текстовые эквивалентные отношения с аббревиатурой, например, в ГЭ слова *бухуслуги* входят словосочетания *бухгалтерские услуги*, *услуги бухгалтера*, *услуги бухгалтеров*. Появление большого количества компонентов ГЭ – эквивалентных словосочетаний обусловлено действием ДС. В большинстве своём они, вступая в отношения синонимии в направлении от словосочетания к аббревиатуре, создают возможность множественной текстовой интерпретации ССС. Мы выделяем **презентативный**, **интерпретативный** и **релятивный** дешифровальные стимулы. **Презентативный** ДС – носитель обобщённого значения, которое позволяет использовать его в любой ситуации именования как абсолютный эквивалент ССС (*газоамортизатор* – *газовый амортизатор*), а в **интерпретативном** ДС реализуются дополнительные семантические оттенки. Словосочетания, реализующие такие оттенки, вступают с аббревиатурой в привативные отношения, что делает такие эквиваленты маркированными компонентами оппозиции с ССС и презентативным словосочетанием. Например, слову *авиавыставка*, обозначающее выставку любого летательного аппарата, в ряде контекстов эквивалентно словосочетание *авиакосмическая выставка*, которое реализует значение выставки авиационных и космических аппаратов. Под релятивными понимаем такие ДС, которые, не изменяя объект номинации, уточняют его актантную роль в пределах ситуации, например, слово *автоаксессуары* может иметь в качестве эквивалентов словосочетания *аксессуары для автомобиля* (дестинатив), *аксессуары на автомобиль* (дестинатив+локатив) и *аксессуары автомобиля* (посессив). Между аббревиатурой и словосочетанием в текстах устанавливаются отношения текстово-derivационной эквивалентности, при которых значение производящего совпадает со значением производного. Например, *бухинформация* = *бухгалтерская информация*, *грузотерминал* = *грузовой терминал* и под.

Одним из важных источников такой текстовой эквивалентности являются релятивные дешифровальные стимулы (далее – РДС), которые формируют большую часть эквивалентных словосочетаний ССС в ГЭ. Благодаря структурному анализу, который проходит в два этапа, можно определить формальные характеристики компонентов ДС. На первом этапе мы определяем общую модель

ДС. Для классификации нами используются следующие символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть, собственно, ДС абброконструкта. Набор же ДС, представленных в одном гнезде эквивалентности, формирует дешифровальную матрицу гнезда.

1	3	4	2	1	Номер ГЭ
грузодоставка	грузоотсек	грузоотсек	грузоотсек	грузоотсек	Аббревиатура
Грузовая доставка	Отсек для перевозки грузов	Отсек для грузов	Отсек для груза	Грузовой отсек	Текстовый эквивалент
0,00033	8,0	10,87	5,2	0,14	Баланс индексов
у-х(ад)	у-(предл)х- z(суш)	у-(предл)х	у-(предл)х	у-х(ад)	Модель структуры ДС
презентатив	интерпретатив	релятив	релятив	презентатив	Семантический тип дешифровального стимула
квалификатив	дестинатив	дестинатив	дестинатив	квалификатив	Ономаσιологический статус

2	грузодоставка	Доставка грузов	0,00034	у-(предл)х	релятив	дестинатив
3	грузодоставка	Доставка груза	0,16	у-(предл)х	релятив	дестинатив

Рассматривая корреляцию ПДС – РДС, мы обнаруживаем в ряде случаев их нейтрализацию на семантическом уровне, которая, в конечном счёте, сводится к образованию гибридного ДС по схеме ПДС+2РДС. Это объяснимо употреблением ПДС и РДС в одном семантическом падеже с практически равным балансом индекса употребления. Например, в ГЭ *грузодоставка – грузовая доставка – доставка грузов – доставка груза* РДС нивелирует семантику ПДС благодаря реализации семантики дестинатива, и в текстах ПДС и РДС выступают в качестве абсолютных эквивалентов ССС: *Доставка грузов – сложный процесс, который требует технического оснащения, наличия опытного персонала, профессионального подхода к организации этапов – Необходима ли вам грузовая доставка или встреча товара из аэропортов Москвы, мы справимся с максимальной точностью.*

Второй момент, на который мы обратили внимание, это наличие маркированного и немаркированного компонентов у ПДС. В основном ПДС реализует семантику квалификатива: *автовышка – автомобильная вышка*. Однако в ГЭ *автоаксессуары – автомобильные аксессуары* (квалификатив) – *аксессуары автомобиля* (посессив) и *аксессуары для автомобиля* (дестинатив), ПДС связан с двумя интерпретациями своего значения. Из этого следует, что ПДС в данной ситуации выступает в роли немаркированного компонента оппозиции. Опираясь на вышесказанное, мы предлагаем выделять две разновидности презентативов: **презентатив¹** и **презентатив²**. Под презентативом¹ мы понимаем такой ДС, который выступает в роли немаркированного компонента и выполняет функцию базисного ДС, реализующего квалификативную семантику словосочетания. Под презентативом² мы понимаем такой ДС, который создаёт оппозицию немаркированного компонента и обладает стимулом к

возникновению новых интерпретаций своего значения, а значит и к появлению новых ДС (см. ГЭ *автоаксесуары*). Таким образом, всякий ДС является источником текстовой эквивалентности, но самым продуктивным из них мы считаем РДС, который, вступая в отношения абсолютной эквивалентности с ПДС, образует новые привативные отношения.

В заключение следует сказать, что, несмотря на то, что РДС является вторичным ДС, встречаются случаи, когда он выполняет роль первичного ДС. Возможно, с одной стороны, это связано с тем, что не всегда ССС выступает в роли исходной единицы для словопроизводства. С другой – со сложившимся концептом, который интерпретируется в зависимости от доступных адресанту лексических и синтаксических средств языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. / Д. И. Алексеев – Саратов: СГУ, 1979. – 328 с.
2. Ефремова Т. Ф. Русское словопроизводство и возможности его лингвистического описания в учебных целях / Т. Ф. Ефремова, Г. В. Клименко // Лингвистическое описание русского языка в учебных целях / отв. Н. М. Шанский, Т. Ф. Ефремова. – М. : АПН СССР, 1981. – 88 с.
3. Теркулов В. И. Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в «толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка / В. И. Теркулов // Реквием филологический. – Донецк, 2015. – С. 273–283.
4. Теркулов В. И. Текстовая эквивалентность сложносокращенного слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 69 – 77.

SUMMARY

Mikhaylova K. The relative deciphering incentives as a source of text equivalence

The proposed article is devoted to the description of the processes of formation of text equivalence of a compounded word as a result of the action of relational deciphering incentives. The paper establishes the formal structural features of the deciphering incentives of a given type. The article, establishes a formal and structural features decryption incentives of this type by means of drawing up the matrix of decryption incentives.

Key words: abbreviated words, nest of equivalence, deciphering incentives, prezenative¹, prezenative².

Никитюк Н.

*Науч. рук. – преп. Дмитриева Ю. Л.
г. Горловка, ДНР*

АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются типы англицизмов и основные этапы их внедрения в современный русский язык. Автор анализирует словоформы тематической группы «Компьютер», которые употребляются носителями русского языка и зафиксированы новейшими толковыми словарями, а также формулирует перспективы дальнейшего исследования особенностей функционирования англицизмов.

Ключевые слова: англицизм, калькирование, транслитерация, аббревиация, прямое заимствование.

Язык, как и человеческое общество, изменяется с течением времени. Возникновение слова и его жизнь в языке – изменения в его произношении, значении, форме, сохранение его в течение многих веков или исчезновение, замена другим словом – связаны с историей самого языка как частью жизни народа-носителя: с развитием материальной и духовной культуры, природными условиями обитания, социальным развитием этноса и его контактами с другими народами. Одним из естественных процессов изменения языка является заимствование новых слов. В современной лингвистике английские заимствования (или англицизмы) неоднократно становились предметом рассмотрения. Исследовались фонетические, лексические и грамматические особенности заимствований, их влияние на нормы русского языка и культуру речи [2].

В наши дни использование англицизмов и гибридных образований на их основе вышло за рамки профессиональных сфер общения или авторского слога современной литературы. Проникновение англицизмов в русский (особенно письменный) язык идет настолько стремительно и масштабно, что вызывает тревогу у некоторых лингвистов, так как его последствия могут быть необратимыми для русского языка [4, 5]. С другой стороны, существует мнение, что язык обладает способностью «самоочищения», и естественный процесс заимствования не может как-то кардинально его изменить, а современное массовое употребление англицизмов – это всего лишь тенденция времени [3, 6].

Говоря о классификации англицизмов, можно выделить следующие их типы:

1. Прямые заимствования. Под прямым заимствованием понимается заимствование слова, для которого характерно полное воспроизведение иноязычной морфемы, а также сохранение основного значения слова из заимствованного языка [7, 70]. Прямое заимствование осуществляется посредством транскрипции и транслитерации. Например, *кекс, стенд, торт, клуб, спорт* и др.

2. Гибриды – это ассимилированные русским языком иноязычные лексемы. Заимствованное слово редко усваивалось русским языком в том виде, в каком оно бытовало в языке-источнике [1]. Различия в звуковом строе между русским и иностранными языками вели к тому, что заимствованное слово изменялось, приспособлялось к русским фонетическим нормам, в нём исчезали несвойственные русскому языку звуки. Например, *спиннинг, пудинг, смокинг, шиллинг, хакер, банк*.

3. Калькирование можно рассматривать и как способ заимствования, и как способ словопроизводства. Лексические кальки возникают в результате буквенного перевода на русский язык иноязычного слова по частям. Например, *sky-scraпер* в русском языке имеет кальку *небоскреб* [1].

4. Экзотизмы. Кроме лексически освоенных заимствованных слов в современных художественных, газетных и других текстах (а также в разговорной речи) встречаются слова, имеющие в своем значении нечто не свойственное для русской жизни – это **экзотизмы** [1]. Они употребляются для придания речи местного колорита при описании чужеземных обычаев и нравов. Например, *сэр, мистер, лорд, ланч* и другие.

5. Иноязычные выражения. В последние годы увеличился приток иностранных слов в русский язык, особенно из английского языка. Иноязычные термины стали господствующими в самых передовых отраслях науки и техники, а также в финансово-коммерческой деятельности [1]. Например, *компьютер, дисплей, плеер, бартер, спонсор, холдинг*.

Таким образом, англицизмы употребляются в различных сферах деятельности человека: в политике, бизнесе, спорте, в сфере компьютерных технологий, средствах массовой информации и повседневном общении.

Заимствование слов в современный русский язык в наше время является вынужденной мерой, так как продолжается процесс интеграции России в международное сообщество, расширяются культурные и деловые контакты на самых разных уровнях. Всё большее количество людей используют английский язык в своей повседневной жизни, получая образование за границей, общаясь с деловыми партнёрами, слушая передачи, транслируемые международными телевизионными программами и радиоканалами.

Формируются молодёжные и профессиональные сообщества, в которых употребление английских слов не требует перевода или дополнительных пояснений. Все эти явления не могут не влиять на русский язык. Приток заимствований в некоторых сферах настолько интенсивен, что тексты и речь становятся трудными для восприятия.

Несколько изменилась тематическая принадлежность новой заимствуемой лексики. Развиваются компьютерные технологии и компьютерные сервисы (*айпэд, бот, букридер, вебинар, виджет, вики, википедия, джипизс, капча, макбук, подкаст, мессенджер, нетбук, таск-менеджер, торрент-трекер, файервол*), внедряются новые средства связи и телекоммуникации (*блютуз, вай-фай, хот-спот*) [5]. Всё большее внимание в настоящее время привлекает мобильная телефония, представляющая новые программы, устройства и сервисы (*андроид, рингбэктон, рингтон, смартфон, тапфон*) [5].

Изменения касаются и графического облика и употребления заимствованной ранее лексики. Многие слова переместились из периферии языка в центр, стали привычными для слуха, обрели устойчивый графический облик и стали употребляться образно, что свидетельствует об их укоренении в русском языке.

Как известно, заимствование иностранной лексики – основной способ обогащения языка, причина его развития и функционирования. В. М. Аристова предлагает 3 этапа внедрения английской лексики в русский язык [8]:

1. Проникновение. На этом этапе заимствованное слово только попадает в лексику и адаптируется к нормам русского языка.

2. Усвоение. Для этого этапа характерно действие народной этимологии: непонятное по содержанию слово наполняется близко звучащим или похожим по значению понятием.

3. Укоренение. На последнем этапе англицизм в русском языке полностью адаптируется и активно употребляется. Новое понятие приобретает разные сферы значения, появляется аббревиатура и однокоренные слова.

Так, в нашу речь прочно вошла лексема *букридер*, которая является калькой. Ср.: *букридер* – «англ. bookreader < book ‘книга’ + read ‘читать’» [7, 61]. Заимствование анализируемого слова обусловлено развитием компьютерных технологий и появлением новых гаджетов, одним из которых является «мобильное устройство в виде планшета для чтения электронных книг. От всех остальных электронных устройств, с которых можно читать, букридеры отличаются тем, что работают на “электронных чернилах”. Эти экраны не имеют собственной подсветки, текст хорошо виден при наличии внешних источников света и под любым углом. Это напоминает старый добрый лист бумаги с

напечатанными на нем буквами, а именно чтение с листа наиболее удобно глазу» [7, 61].

Другим примером выступает название «беспроводной сети на базе стандарта IEEE 802.11.» [7, 64] Wi-Fi, которое относим к прямым заимствованиям. Хотя анализируемый англицизм сохранил черты языка-источника, однако он образован одним из самых молодых способов русского словообразования – аббревиацией.

В настоящее время актуально дистанционное обучение, что обусловило заимствование в русский язык слова *вебинар*. Ср.: *вебинар* – «англ. webinar < веб– + seminar ‘семинар’» [7, 69]. Вебинар – это лекция, презентация, семинар, проводимая в режиме видеоконференции, во время которой участники слушают выступающего и могут задавать ему вопросы и получать ответы в режиме реального времени.

Очень модным в современном мире стало слово *виджет*. Это мини-программа – «графический модуль, который размещается в рабочем пространстве соответствующей родительской программы и служит для украшения рабочего пространства, развлечения, решения отдельных рабочих задач, или быстрого получения информации из интернета без помощи браузера» [7, 77]. В наше время в арсенале любого мобильного аппарата уже предусмотрены многочисленные виджеты на все случаи жизни: Facebook, Livejournal, Twitter, погода, акции и др. Словоформа *виджет* (от «англ. widget» [7, 77]) является прямым заимствованием, вошедшим в нашу речь в связи с развитием инновационных технологий для номинирования нового объекта реальности.

Развитие компьютерных технологий привело к заимствованию названий единиц измерений. Например, лексема *мегапиксель* выражает количественное значение (1 млн. пикселей), в котором измеряется качество современных цифровых фотографий. Данное слово мы также относим к прямым заимствованиям. Ср.: *мегапиксель* – «англ. megapixel» [7, 175].

Итак, с развитием компьютерных технологий английские слова всё больше пополняют словарный запас современных людей [6]. Но в нашей речи употребление заимствованных слов не всегда бывает уместным. Безусловно, в самих заимствованиях нет ничего плохого. Однако значение этих слов должно быть понятно как говорящему, так и слушающему, а их употребление – уместно и оправдано. В целом, если говорить о заимствованиях и конкретно об англицизмах, то эти слова представляют собой интереснейший лингвистический феномен, роль которого в русском языке весьма существенна.

Итак, заимствованные слова (англицизмы) образуются с помощью различных способов: калькирования, транслитерации,

аббревиации. Эти слова прочно вошли в нашу речь и активно используются носителями языка. С уверенностью можно сказать, что влияние англицизмов на современный русский язык носит как позитивный, так и негативный характер, поэтому особенности их функционирования требуют дальнейшего изучения. Перспективным представляется исследование лексического и словообразовательного потенциала заимствований из английского языка, а также их влияний на формирование молодёжного сленга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегларян С. Г. Заимствование англицизмов в русском языке / С. Г. Бегларян // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 674 – 675.
2. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М., 2003. – 1040 с.
3. Земская Е. А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века [Электронный ресурс] / Е. А. Земская. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.gramota.ru>.
4. Кабакчи В. В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) / В. В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика : ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2: Текст и перевод в когнитивном аспекте : сб. ст. – СПб., 2005. – С. 164 – 175.
5. Калинина Е. А. Англицизмы в современном русском языке / Е. А. Калинина, А. А. Каленов // Юный учёный. – 2016. – № 5. – С. 19 – 21.
6. Хорольцева В. С. Активные процессы заимствования англицизмов в русском и чешском языках / В. С. Хорольцева // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 116 – 119.
7. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.
8. Шлюкач В. Г. Англицизм в русском языке: история и перспективы, примеры. Влияние англицизмов на современный русский язык [Электронный ресурс] / В. Г. Шлюкач. – Режим доступа к ресурсу : <http://fb.ru/article/248171/anglitsizm-v-russkom-yazyike-istoriya-i-perspektivy-i-primeryi-vliyanie-anglitsizmov-na-sovremennyiy-russkiy-yazyik>

SUMMARY

Nikitiuk N. Anglicisms in the modern Russian language

The article discusses the types of Anglicisms and the main stages of their introduction into the modern Russian language. The author analyses word forms of the thematic group 'Computer' which are actively functioning in the Russian language. They are recorded by the latest explanatory dictionaries and also formulate the prospects for the further development research of the functioning peculiarities of Anglicisms.

Keywords: anglicism, tracing, transliteration, abbreviation, direct borrowing.

Осадчая В.

Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.

г. Горловка, ДНР

ДОСЛІДЖЕННЯ МОДАЛЬНОСТІ З ПОЗИЦІЇ ЛІНГВОКРЕАТИВНОСТІ

Дослідження присвячене розгляду феномена лінгвокреативності як вияву креативності в українськомовному комунікативному середовищі та засобам реалізації цього явища.

Ключові слова: креативність, модальність, форми, функції.

Модальність речення на синтаксичному рівні отримує експліцитне вираження за допомогою модальних дієслів, прикметників і прислівників, наявність яких в організації речення часто трактують як модальну модифікацію предиката, що отримує форму складеного присудка. У створенні модальної інтерпретації змісту речення важливу роль відіграють модальні слова й частки. Виражаючи значення достовірності / недостовірності повідомлюваного змісту речення, вони водночас тісно стикаються з модальними модифікаторами предиката у формі модальних дієслів, прикметників і прислівників.

В. Шинкарук зауважує, що модальність як категорія модусу охоплює всю гаму реально існуючих у мові різноманітних та різнохарактерних способів кваліфікації повідомлюваного. Вона реалізується: 1) спеціальним лексико-граматичним класом слів, а також функційно-близькими до них словосполученнями та реченнями; ці засоби, як правило, посідають у складі висловлення синтаксично автономну позицію і функціонують у ролі вставних одиниць; 2) введенням спеціальних модальних часток, наприклад, для висловлення непевненості (*ніби*), передбачуваності

(*хіба що*), здивування (*ну і*) тощо; 3) за допомогою вигуків (*ох! ой-ой-ой!*); 4) спеціальними інтонаційними засобами для акцентування подиву, сумніву, впевненості, недовіри, протесту, іронії та інших емоційно-експресивних відтінків суб'єктивного ставлення до повідомлюваного; 5) за допомогою порядку слів, наприклад, винесенням головного члена речення на початок для висловлення негативного ставлення, іронічного заперечення (*Буде він тебе слухати!*); 6) спеціальними конструкціями – спеціалізованою структурною схемою речення чи схемою побудови його компонентів, наприклад, структурами типу: *Ні, щоб почекати* (для вираження жалю з приводу чого-небудь нездійсненого); *Вона візьми та й скажи* тощо [5, 67-69]. Сам дослідник наголошує, що ці способи описані у мовознавчій літературі неповно.

Глобальність категорії модальності вимагає залучення до аналізу різних засобів комунікації, в тому числі паралінгвістичних. А. Загнітко стверджує, що залежно від характеру тексту, функційне значення окремих паралінгвістичних засобів може змінюватися, зростати: «В паралінгвістично активних текстах ці засоби беруть участь в організації як плану вираження, так і плану змісту. Як носії певної інформації (семантичної, експресивної) паралінгвістичні засоби набувають у тексті особливого значення, формують поряд із вербальними засобами його змістовий і прагматичний аспекти. Вони привертають увагу адресата і пропонують інтерпретацію з його боку» [4, 159].

Заслугує на увагу дослідників-мовознавців реалізація модальності у креолізованих текстах, витворюваних українськомовними авторами, адже досі цей аспект аналізу не отримав належного віддзеркалення у спеціальній літературі.

Поза увагою лінгвістів-україністів лишаються кінетичні засоби комунікації, що можуть впливати на формування модальності висловлення.

Також не існує досі ґрунтового всеохопного аналізу просодичної специфіки комунікем, що реалізують різні модальності, хоча існує чимало праць, присвячених інтонаційному оформленню окремих типів волюнтаривних конструкцій, просодиці волюнтаривів у певних діалектах або говірках.

Насамперед привертає увагу кореляція різних мовних модальностей зі способовими формами дієслова, варто говорити про модальність на різних мовних рівнях: морфологічному (способи дієслова, модальні слова, вигукі тощо), синтаксичному (інтонація, порядок слів, внутрішньореченнєві зв'язки тощо) і текстовому (модальність як одна з основних категорій тексту, тісно пов'язана із антропоцентричністю, аксіологічністю і т. ін.).

Ігнорування ієрархічності в межах категорії модальності, гетерогенності та різноплановості засобів реалізації категорії часто призводить до хибного розуміння цього явища. На необхідність різнопланового дослідження реалізаторів модальності звернув увагу В. Виноградов, наголошуючи, що «за панування морфологічного погляду не враховувалися синтаксичні особливості вживання способів. У цьому сенсі К. Аксаков і навіть М. Некрасов не помилялися, підкреслюючи різноманіття «синтаксичних способів» у російській мові – за нестачі (або навіть, як намагався довести М. Некрасов, за відсутності) особливих синтетичних форм дієслова для вираження модальної дії» – [2, 583]. Аналізуючи граматичні теорії О. Шахматова та О. Потебні, лінгвіст дійшов висновків, що доцільно було б говорити про модальність як про явище, що включає в себе систему способів дієслова, але не обмежується лише морфологічним рівнем [2, 584 – 606].

На наш погляд, модальність не варто обмежувати рамками речення. Її радше слід розглядати як гіперкатегорію, що охоплює всі ті рівні мови, на яких з'являється семантика. Такої думки дотримується О. Анісімова: «Модальністю називається текстова категорія, що виражає ставлення мовця до повідомлюваного, його оцінку змісту мовлення» [1, 30].

Підтвердженням є той факт, що навіть одна структура, одна форма в різних контекстах може передавати різне значення, реалізувати різні інтенції: *Було б цікаво подивитися... на малюнки* (Л. Дереш). Можлива інтерпретація репліки як висловлення бажання, прохання, натяку-волевияву, гіпотези, парцелята, утвореного від складного речення: *Якби був час, було б цікаво подивитися на малюнки*. Лише в контексті наявна прихована вказівка, що розглядувана репліка виступає як невдалий комплімент-гіпотеза, який врешті призводить до комунікативної поразки:

– *А ви фотографуєте?* – бовкнув, аби не мовчати.

Дівчина підозріло засміялася. Вона, мабуть, наскрізь мене бачила, от і втішалася, як могла.

(Гоца:) – Я фотографую для розваги. Частіше фотографують мене. А взагалі, я художниця.

– *О! Така молода, а вже художниця?* – теж спробував щось підкинути я, теж не без поваги. Ніби й комплімент, але знову попав, мов рукою в *Невезуха нині. – Було б цікаво подивитися... на малюнки* – я не мав певності, чи це у світі *Справжніх Художників* називається саме так, тому для певності повторив: – *На картини.*

Гоца притамувала посмішку (Л. Дереш).

Точне розпізнавання значення можливе лише в контексті. У розглядуваному прикладі з твору Л. Дереша «Намір!» читач видобуває необхідну для декодування інформацію: роздуми

автора вказують на інтенції головного героя (сподобатися дівчині-художниці); саме висловлення виявляється включеним у діалог між хлопцем і дівчиною, і хоча аналізоване речення є безособовим, думка, яку намагається передати адресант, призначена саме для певної особи – адресата. Можлива така інтерпретація: *Запросіть мене до себе в гості подивитися малюнки.*

Використання тих самих форм у різних контекстах дає абсолютно різні, інколи навіть протилежні, антонімічні значення. Так, скажімо, іронічна інтонація або ситуативний комізм здатні повністю змінити значення висловлення, виголошеного раніше в некомічній ситуації, в неіронічному діалозі. Наприклад, поза контекстом речення *Міг би сказати правду* сприймається як порада, як констатація можливості, як гіпотеза. Проте контекст актуалізує інше значення – іронічне, таке, що експлікує протиріччя: (Чоловік:) – *Я стояв на мості і бачив тебе // (Жінка:) – Тоді міст ще не збудували. Міг би сказати правду* (Г. Пагутяк).

Те, що могло сприйматися як констатація можливості, декодується в аналізованому контексті як констатація відсутності реалізації цієї можливості: *Міг би сказати правду, але ж не сказав, замість цього збрехав.*

На увагу заслуговує також спроба залучити до лінгвістичного аналізу деякі принципи літературознавчого аналізу. Як зазначає І. Гальперін, «серед лінгвістів досі зустрічається тенденція дотримуватися принципу – я лінгвіст, і тому все літературознавче мені не цікаве [...] розгляд такої текстової категорії, як текстова суб'єктивна модальність, має об'єднувати зусилля літературознавців та лінгвістів» [3, 123]. Аналіз мовної модальності на новому рівні передбачає коригування поняттєвого апарату. Показово, що науковці, іноді намагаються оминати термінологічні сполуки *об'єктивна модальність* і *суб'єктивна модальність*.

Ідея дихотомічності об'єктивного й суб'єктивного у висловленні була сформульована ще Ш. Баллі. Згодом, розмірковуючи про дійсний спосіб та його модальні різновиди, В. Виноградов зазначив: «У формах дійсного способу ніяк не виражено емоційно-вольове ставлення суб'єкта до дії. Форми дійсного способу «об'єктивні». Але ця об'єктивність буває оточена різноманітними відтінками суб'єктивного уявлення, що притаманне часовим формам. Модальні слова й частки можуть перетворити значення прямого ствердження чи заперечення факту, притаманне дійсному способу, на значення недостовірності, сумнівності, навіть ірреальності дії» [2, 587-589].

Тому можна зробити висновок, що варто говорити не про об'єктивну і суб'єктивну модальності, а про модальність первинну (лексико-граматичний рівень реалізації: способові форми, перформативи тощо) і вторинну (текстовий рівень реалізації –

витворюється на основі тексту як комунікативної одиниці). Недарма В. Виноградов подає термін *об'єктивність* у лапках: таке графічне оформлення, безсумнівно, свідчить про скептичне ставлення лінгвіста щодо правомірності застосування слова.

У подальшому дослідженні креативного потенціалу ірреально-модальних форм пропонуємо оперувати таким визначенням модальності: модальністю слід вважати граматичну категорію з гетерогенними реалізаторами, що передає ставлення мовця до повідомлюваного й має два рівні реалізації: первинний рівень (лексико-граматичний) та вторинний (текстовий). Важливо розглянути, які ірреально-модальні форми беруть участь у лінгвокреативних процесах і в який спосіб відбуваються ці процеси. Дослідження передбачає своєю базою окреслене вище бачення лінгвокреативності та модальності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов – М. : Гос. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1947. – 784 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
4. Загнітко А. П. Лінгвістика тексту : науково-навчальний посібник / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 289 с.
5. Шинкарук В. Д. Проблема модальності в сучасній українській мові / В. Д. Шинкарук // Мовознавство : доповіді та повідомлення IV Міжнародного конгресу українців / [відп. ред. В. Німчук]. – К. : Пульсари, 2002. – С. 63 – 69.

SUMMARY

Osadchya V. The modality research from the point of view of linguacreativity

The study is devoted to consideration of the phenomenon linguaposition as manifestations of creativity in the Ukrainian language communicative environment and means of implementation of this phenomenon.

Keywords: creativity, modality, form, function.

Проценко И.
Науч. рук. – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
г. Горловка, ДНР

ВИЯВИ СЕМАНТИКО-ГРАМАТИЧНОЇ АСИМЕТРІЇ НА РІВНІ КАТЕГОРІЇ РОДУ ЗМІНЮВАНИХ ІМЕННИКІВ – НАЗВ ІСТОТ

Явище семантико-граматичної асиметрії у сфері морфологічних категорій іменника ще не знайшло комплексного висвітлення методами, інструментарієм і на засадах, які відповідають сучасному етапу розвитку лінгвістичної науки, незважаючи на існування значних набутків у цьому питанні.

Ключові слова: асиметрія, морфологія, категорії іменника, методи.

Виявом семантико-граматичної асиметрії серед змінюваних іменників – назв істот уважаємо можливість позначати осіб жіночої статі іменниками – назвами осіб чоловічого роду (*викладач провела заняття, інженер Самойлова, лікар Капустянська*).

Автори «Граматики української мови. Морфологія» вважають за доцільне іменники з семантико-граматичним змістом роду розбивати на дві великих групи: іменники парного роду та іменники спільного роду. У межах останньої групи автори виділяють підгрупу іменників-маскулізмів та іменників-фемінативів.

Уживання терміна «парний рід» у такому контексті видається не досить удалим, оскільки в мовознавчій традиції він застосовувався і до роду множинних іменників (А. А. Залізняк, І. Г. Милославський, І. І. Ревзін), це створює небажану термінологічну плутанину. Особливістю іменників так званого парного (в інтерпретації українських дослідників) роду є те, що родову ознаку вони виражають суфіксально-флексійними засобами, тобто зовнішньою структурою окремого слова, наприклад: *патріот – патріотка, українець – українка, касир – касирка* [1, 54 – 55]. Слід додати, що в цьому разі актуалізується значення статі, саме воно й вимагає граматичного розрізнення.

На думку вчених, у групі іменників парного роду існують симетричні відношення між формою та змістом, оскільки кожен член родової парадигми в мовленнєвій ситуації передається формою окремого слова. Асиметрія ж пов'язана з багатозначністю, покладеною на іменник чоловічого роду, який в одному випадку має значення особи, безвідносно до статі, номінуючи професію, рід діяльності, національність тощо (*програміст, депутат, слюсар, харків'янин*), а в іншому – значення чоловічої статі (*Іван-*

програміст, депутат Кравцов). Перше значення і є причиною асиметрії, коли мова йде про жінку, бо форма чоловічого роду залишається спільною для обох статей, а семантика жіночої статі потребує маркування.

Подолання такої асиметрії відбивається, перш за все, у прагненні іменника творити корелятивну афіксальну форму жіночого роду.

Утворення корелятивних пар іменників чоловічого та жіночого роду, яке здійснюється за допомогою додавання до іменників-маскулізмів афіксів зі значенням жіночого роду, є одним із найпродуктивніших у сучасній українській мові. За спостереженням Н. Г. Озерової, цей вид досягнення семантико-граматичної рівноваги в мовній системі на рівні роду іменників є характерною рисою української мови [4, 30 – 31]. Дійсно, кількість афіксів, придатних для утворення іменників жіночого роду від іменників-маскулізмів у сучасній українській мові значно збільшилася порівняно з попередніми часами. Так, А. П. Загнітко фіксує, що кількість таких дериваційних засобів зросла з чотирьох «фемінізуючих» формантів за «Словарем української мови» Б. Грінченка (*-к-а, -ниці-я, -ин-я*) до п'ятнадцяти (*-к-а, -ниці-я, -иці-я, -чиці-я, -ициці-я, -ух-а, -их-а, -ин-я, -ен-я, -інн-а, -ес-а, -ис-а, -ш-а, -ал-я, -ев-а, -ад-я*) [2, 165].

Оцінюючи явище утворення корелятивних фемінативів афіксальним способом, дослідники змушені констатувати, що, попри його продуктивність, значний пласт іменників – назв осіб за професією, посадою, званням та ін. залишається не включеним у ці процеси. На заваді цьому стоять різні чинники як лінгвального, так і екстралінгвального характеру.

А. П. Загнітко, наприклад, указує на такі мовні фактори, як фонетичні й морфологічні особливості іменників-маскулізмів, від яких утворюються фемінативи, «зайнятість» суфікса «фемінативності», функціонування формального корелята з іншим значенням, поява емоційно-експресивних відтінків і утвореннях-фемінативах, маркованість словотвірних елементів, а також на деякі позамовні, з-поміж яких зокрема непоширеність певної професії серед жінок [2, 155 – 156].

Погоджуючись із висловленими позиціями, все ж варто зазначити, що в деяких випадках можливість утворення чи неутворення фемінативів значною мірою залежить і від суб'єктивної волі мовознавців, які інколи намагаються констатувати неможливість утворення форм жіночого роду від іменників чоловічого роду всупереч мовним закономірностям і позамовним тенденціям.

Так, досить часто констатується, що не можуть бути утворені кореляти зі значенням жіночої статі від іменників на зразок *капітан*,

лейбгвардієць, комбриг, ректор, вождь, радник, отаман, митрополит, підводник тощо з апеляцією до того, що в ролі референтів можуть виступати лише особи чоловічої статі. З таким підходом є всі підстави не погодитися передусім з огляду на те, що динаміка соціальних змін, характерна для сучасного українського суспільства, свідчить про поступове розмиття меж між поняттями «чоловіче» / «жіноче», зокрема у професійній, громадській та ін. сферах. Ці зміни цілком закономірно тягнуть за собою зміни в характері мовного відображення позамовних реалій. На тому, що зміни в соціальному устрої суспільства активно сприймаються мовною системою в галузі номінації осіб жіночої статі, наголошують багато дослідників (В. В. Виноградов, А. П. Загнітко, Й. П. Мучник, О. М. Пешковський, І. Ф. Протченко, Б. О. Серебренников та ін.), однак до цього часу зберігається певна упередженість щодо таких тенденцій.

Очевидно, лінгвістичний опис цього рівня мовної системи на сьогодні має бути позбавлений пересторог позамовного характеру. Відтак, комплекс питань, пов'язаних із утворенням / неутворенням фемінативів від іменників чоловічого роду, зводиться до констатації: фемінативи утворюються від будь-якого іменника чоловічого роду на позначення професії, посади, звання тощо, якщо на заваді цьому не стоїть неможливість утворення форми жіночого роду з власне мовних (стилістичних) причин. Доказом виправданості такого підходу можуть слугувати чимало прикладів утворення фемінативів від іменників чоловічого роду, наприклад, *вождиха, автореса, держслужбовка, ескулапиха, критикеса, метреса, нардепка, політикеса, правдописка, редактриса, спічрайтерка, ушуїстка, екстремалка* тощо. Усі приклади взято зі словника А. Нелюби, С. Нелюби «Лексико-словотвірні інновації» (2004 – 2006) [3]. Безумовно, більшість із них мають стилістичний розмовно-побутовий відтінок, однак у них відбивається тенденція до динамічного процесу подолання невідповідності між формою і змістом.

Виятком із цього правила є іменники-маскулізми на позначення реалій на зразок *драгун, улан, гусар, кавалергард* та ін., які становлять лексичний шар, що характеризується як історизми, й утворення від цих іменників залишається не актуалізованим і не актуальним на сучасному етапі.

Існування / відсутність, уживаність / неживаність багатьох утворень назв осіб за професією, соціальним статусом та ін. феміної семантики є більше проблемою соціології, статевої психології, гендерної лінгвістики, ніж власне лінгвістичного опису. Крім цього, такий аспект може стати вельми цікавим у дослідженні мови текстів різних стилів, оскільки слугує засобом характеристики особи-автора в питанні його орієнтації в суспільній стратифікації.

Існує думка: невідповідність чоловічого роду іменника-маскулізма семантиці жіночої статі, що ним номінується, можна подолати аналітичними засобами – координацією з дієсловом у минулому часі чи широким контекстом, де є антропонім на позначення жінки. Однак такий аналітизм слугує тільки для підкреслення статі особи, тобто для вираження номінативного значення статі. Граматичне ж значення слова залишається незмінним, про що свідчить приіменний атрибут – прикметникове слово і парадигма відмінювання іменника чоловічого роду, пор.: *Майже єдина радість останніх Сезонів – це дефіле Лілі Пустовіт. Відома екстремалка та ніжна хуліганка знову підтвердила свої медалі* (Політика і культура. – 12/03) і *До краю завантаженого післявиборними справами депутата Анну Герман рідко побачиш в офісі партії* («Інтер»: «Подробиці», 10.09.06). Із цього приводу А. П. Загнітко пише: «ГФ стримує розвиток змісту, повну його реалізацію у будь-якій синтагмі» [2, 161]. Слід погодитися із вченим, який вважає, що форма чоловічого роду вживається стосовно жіночої статі, «як тільки виникає потреба у загальному позначенні... і тут не слід сплутувати функціональний план з граматичною нормою» [2, 161].

ЛІТЕРАТУРА

1. Безпояско О. К. Граматика української мови. Морфологія : Підручник / О. К. Безпояско, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський. – К. : Либідь, 1993. – 336 с.
2. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови: Морфологія : Монографія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 1996. – 437 с.
3. Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації (2004–2006) : Словник / А. Нелюба, С. Нелюба. – Х. : Майдан, 2007. – 144 с.
4. Озерова Н. Г. Лексическая и грамматическая семантика существительного / Н. Г. Озерова. – К. : Наук. думка, 1990. – 192 с.

SUMMARY

Procenko I. Manifestations of semantic-grammatical asymmetry at the category level kind of modified nouns – names of creatures

The phenomenon of semantic-grammatical asymmetry in the sphere of morphological categories of the noun has not yet found a comprehensive lighting techniques, tools and principles that meet the modern stage of development of linguistic science, despite the existence of significant achievements in this matter.

Keywords: asymmetry, morphology, the noun categories, methods.

Ровная В.
Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
г. Горловка, ДНР

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГНЕЗДАХ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ, МОТИВИРОВАННЫХ СИМУЛЬТАННЫМИ АББРОКОНСТРУКТАМИ

Предлагаемая статья посвящена выявлению и описанию семантических отношений между употребляемыми сложносокращенными словами. В работе устанавливаются типы семантических отношений при помощи анализа гнезд эквивалентности «гео», «авто», «астро» и под.

Ключевые слова: *аббревиатура, симулянты, гнездо эквивалентности, абброконструкт, дешифровальные стимулы.*

Описание эквивалентности сложносокращенных слов (далее – ССС) с такими абброконструктами (далее – АК), как *гео-*, *электро-*, *авто-* и др. (напомним, что **АК** – это сокращенный компонент ССС безотносительно к статусу своей эквивалентности), позволило выделить особый тип сокращенных конструкторов (симультантов), однозначная трактовка которых невозможна (абсолютные симулянты) или затруднительна (включенные симулянты) ввиду сближения значений (семантическая аттракция) их эквивалентов *геологический* и *географический*, *электрический* и *электронный*, *автоматический* и *автоматизированный* и др.

Проблему симультанности ССС мы уже рассматривали в [4, 3]. Правда, в этих работах говорится только о причине возникновения явления симультанности и типологии таких АК. **Цель** данной работы заключается в выявлении и описании семантических различий между употребляемыми ССС.

Цель определила такие **задачи**:

1. Уточнить понятие симультанности.
2. Установить регулярные стереотипные модели образования ССС в ГЭ.
3. Выявить семантические отношения в гнездах эквивалентности (далее – ГЭ), мотивированных симультантными АК.

Понятие симультанности впервые появилось в работах А. И. Бровца [1, 2] и является новым для теории аббревиации. Таким образом, **актуальность** исследования состоит в том, что в ней осуществляется описание симультантных абброконструкторов сложносокращенных слов, представленных в «Толково-эквивалентностном словаре сложносокращенных слов русского

языка» под рук. проф. В. И. Теркулова; а также – в установлении причин появления семантических отношений в ГЭ, мотивированными симульгантами.

Симульгантные АК могут трактоваться двояко, например, ССС *автоустановка* имеет корреляты *автоматическая* и *автоматизированная*. Это связано с понятием дешифровальных стимулов. **Дешифровальные стимулы** – регулярные стереотипные модели дешифровки АК. Это значит, что ГЭ выступает совокупностью реализаций ДС одного ССС. Например, *геофак* может трактоваться как *географический / геологический факультет, факультет географии / геологии*.

Под ГЭ понимается совокупность формально взаимосвязанных единиц, находящихся со ССС в отношениях текстовой эквивалентности. Для отнесения единицы к определенному ГЭ необходимо, чтобы она имела возможность заменить ССС или другие элементы данного гнезда в текстах. В ходе исследования были проанализированы такие ГЭ: «гео», «авто», «астро», «электро», «академ» и под.

В ранее представленной статье нами были обнаружены три типа симульгантных АК: интерпретативные, паронимические и непаронимические. Трактовка симульгантов приводит к семантическим различиям между употреблением ССС, это позволяет предположить, что они формируют семантические отношения в гнездах эквивалентности, мотивированных симульгантными АК. Следует выделить четыре типа отношений:

1. Паронимические или включенные. В данной группе однозначная трактовка АК ограничена. Паронимические отношения существуют на уровне дешифровальных стимулов и связаны с одним словом, внутри которого и происходит смешение семантики. Например, ССС *электросигарета* имеет производящий эквивалент *электронная сигарета*, но формальное упрощение слов *электрический* и *электронный* до *электро-* привело к неправильной трактовке АК. Теперь наряду с *электронной сигаретой*, мы имеем *электрическую сигарету*, но, если уточнить значение ССС *электросигарета* – электронное устройство, создающее высокодисперсный аэрозоль (пар), предназначенный для ингаляции (вдыхания), то обнаружим, что это устройство работает не от электричества, а от аккумулятора.

2. Непаронимические или абсолютные. Симульганты, связанные с фактической двойственностью АК, отражающей реально существующие в языке корреляты гиперо-гипонимических отношений, то есть непаронимические или абсолютные отношения характеризуются существованием разных референтов. Например, *электрогитара*: с одной стороны, это 'гитара, звук которой

создаётся при помощи электронных схем, от начала и до конца (без звукоснимателей и микрофонов)’, а с другой, – ‘гитара, где звук преобразуется механически’. Таким образом, отношения в представленной группе связаны уже с двумя концептами, а не одним.

3. Полисемные. В данной группе слова по-разному гиперогипонимически уточняют значение АК. Например, ССС *авиавыставка* имеет эквиваленты: *авиационная выставка, авиатехническая выставка, авиакосмическая выставка, выставка авиации, выставка авиатехники, выставка авиакосмической техники* и др. Отношения в этой группе стремятся к дифференциации значений. ССС слово *авиавыставка* изначально произведено из словосочетания *авиационная выставка*, но в ходе своего дальнейшего развертывания АК авиа- приобретает эквиваленты *авиатехническая* и *авиакосмическая*. Адъективы не меняют основной семантики: выставка как была авиационной, такой она и осталась, но добавляют дополнительный оттенок, или дифференцируют значение концепта.

4. Семные. Отношения в представленной группе формируются реляционными дешифровальными стимулами (предлогами – для, от, на, к). Например, ССС *автомодель*, не считая деривационных ДС, имеет эквиваленты: *деталь для автомобиля, деталь на автомобиль, деталь от автомобиля, деталь к автомобилю*: Комплектующие *детали на автомобиль* уже можно приобрести у многих поставщиков <...>; Но выход есть – можно значительно сэкономить и приобрести *детали для автомобиля* <...>; <...> но и тот факт, что новые *детали к автомобилю* были доступны во всех уголках Соединенных Штатов <...>; У них обнаружили инструменты и другие *детали от автомобиля*. Отметим, что семные отношения, в отличие от полисемных, не предполагают дифференциации, а лишь уточняют значение ССС, а чаще всего просто взаимозаменяют друг друга без утраты контекстной семантики.

Итак, мы установили, что трактовка симультантов приводит к семантическим различиям между употреблением ССС. Это позволило выявить 4 типа семантических отношений в гнездах эквивалентности мотивированных симультантными АК: паронимические или включенные, непаронимические или абсолютные, полисемные и семные. В последующих разработках планируется описание всех симультантов по разработанным методикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. О симультантных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая

- конференция (8-11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 1. – С. 41–52.
2. Теркулов В. И. Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в «Толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка / В. И. Теркулов // Реквием филологический. – Донецк, 2015. – С. 273 – 283;
 3. Ровная В. Ю. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «гео») / эквивалентности сложносокращённого слова / В. Ю. Ровная // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка). – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 51 – 57.
 4. Ровная В. Ю. О типологии симультанных АК / В. Ю. Ровная / Донецкие чтения 2017 : Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. – Том 4 : Филологические науки. Ч. 2 / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : ДонНУ, 2017. – 298 с.

SUMMARY

Rovnaya V. Semantic relations in the equivalence numbers motivated by simultane abbroconstructs

The proposed article is devoted to the identification and description of the semantic relations between the use of complex words. In this paper, the types of semantic relations are established by analyzing the nests of equivalence “geo”, “auto”, “astro” and sub.

Keywords: abbreviation, simultants, nest of equivalence, abbro construct, deciphering stimuli.

Рожкова А.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Изметьева И. А.
г. Тольятти, РФ*

ГОЛУБЬ КАК САМЫЙ ДРЕВНИЙ СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается семантика древнего словесного образа голубя в литературе XV – XX в., говорится о современном понимании школьниками древнего словесного образа, фиксируется процесс сохранения культурного кода в сознании детей.

Ключевые слова: словесный образ, голубь, архетипический образ, сознание.

XXI век – век интернета и компьютерных технологий – характеризуется разрушением ценностей в сознании людей, особенно, молодежи. Навязывание нетрадиционных семейных отношений, утрата патриотизма, разрушение морально-нравственных устоев жизни приводит к разрыву с русской культурой, богатейшим наследием нашего народа. Обозначенные тенденции названы «ценностным вакуумом» [7, 75].

В сложившейся ситуации видится необходимым обратиться к истокам русской культуры – фольклору, как связующему звену между поколениями, хранителю народной памяти.

Известно, что образ голубя с древних времен занимал важное место в сознании людей как воплощение Святого Духа, третье лицо Святой Троицы. Голубь – одна из первых птиц, встречающихся в Священном Писании. При Ное голубь возвещает о прекращении потопа: *«И помиршил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли»* [Бытие гл. 8]. При крещении Иисуса сошел к нему Святой Дух в обличье голубя: *«И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него»* [Мф. 3:16].

Благодаря Священному Писанию, древнерусской литературе, колыбельным песням, духовным стихам образ голубя закрепляется в сознании народа, как старший собрат, друг, посредник между Богом и душой человека. Один из древнейших русских духовных стихов (XV – XVI вв.), считающийся народной библией, назван «Голубиной книгой» [4, 54]. Здесь словесный образ голубя выступает как хранитель глубин мироздания: *«Ой ты, гой еси, наш премудрый царь, / Премудрый царь Давыд Евсеевич! / Прочти, сударь, книгу Божию. / Объяви, сударь, дела Божие, / Про наше житие, про святорусское, / Про наше житие свету вольного...»* [4, 54].

В XVIII веке в литературе также активно используется словесный образ голубя. Например, И. И. Дмитриев в 1796 г. издает «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», где особенной популярностью пользовалась песня «Стонет сизый голубочек», которая вскоре стала популярным романсом. И. И. Дмитриев берет образы из народного творчества и осмысляет их в духе сентиментальных традиций. Страстному, верному голубку противопоставлена легкомысленная голубка, покинувшая своего «друга». Песня изобилует глаголами, раскрывающими всю гамму скорбных чувств влюбленного

голубка: «стонет», «тоскует», «ждет», «сохнет», «вздыхает», а также ласково-уменьшительными существительными, которые придают стихотворению оттенок некоторой сентиментальной слащавости: «голубочек», «дружочек», «пшеничка» [5, 130].

В русской романтической поэзии XIX в. проявляется метафорическое сближение души и голубя, характерное для поэтики древнерусской литературы. Например, в произведении Ф. И. Тютчева «Памяти В. А. Жуковского» (1852) внутренний мир героя определен как «чисто голубиный». Образ голубя здесь подчёркивает духовную чистоту, свет и целостность мирозерцания поэта, вводит этический евангельский идеал, который утверждает в жизни и творчестве русский романтик В. А. Жуковский: «Лишь сердцем чистые, те узрят бога!» [8, 298].

В XX веке модернизма, деформации сложившихся литературных, культурных и, в общем, мировоззренческих взглядов, словесный образ голубя из глубин славянских традиций транслируется в творчество поэтов. Так, в поэзии символиста А. Блока словесному образу голубя всегда сопутствует мотив полета, высоты. В самом образе актуализированы значения, восходящие к библейской традиции: воплощение божьего благословения, обновление жизни, как результат божьего прощения, абсолютная чистота души, воплощение кротости и смирения.

Голуби у А. Блока «послушные», «целующиеся», «воркующие»: *«...Протекали над книгой Глубинной / Синие ночи царицы. / А к Царевне с вышки голубиной / Прилетали белые птицы. / Рассыпала Царевна зерна, / И плескались белые перья. / Голуби ворковали покорно / В терему – под узорной дверью...»* [3, 84].

Образ голубя мы встречаем в творчестве С. Есенина («Чую радуницу Божью») [6, 103], М. Цветаевой («Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «В день Благовещенья») [10, 47], романе А. Белого «Серебряный голубь» [1].

Даже в творчестве футуристов мы встречаем использование совершенно традиционных словесных образов голубя. Так, в данном ключе лирика В. Хлебникова представлена стихотворениями «Харьковское Оно» (1918), «Над глухонемой отчизной: «Не убей!» (1919), «Кормление голубя» (1919 – 1920), «Новруз труда» (1921).

В стихотворении «Над глухонемой отчизной: «Не убей!» (1919) голубь как птица мира противопоставляется войне: *«И голубой станцией голубей / Пьяница пением посоха нуль, / Когда ворковало мычание гуль: / «Взвод, направо, разом пли! / Ошибиться не мож! Стой – пали! / Свобода и престол, Вперед!»* [9, 378].

Стихотворение «Кормление голубя» (1919 – 1920) имеет любовную тематику. Лирический герой отождествляет себя и свою

возлюбленную с голубем. Через воркование голубей, кормление голубя мы воспринимаем образ поцелуя: *«Вы пили теплое дыхание голубки, / И, вся смеясь, вы нагледом его назвали. / А он, сложив горбатый клюв в покрашенные губки, / И трепеща крылом, считал вас голубем? Едва ли! / И голубя малиновые лапки / В ее прическе утопали. / Он прилетел, осенне-зябкий. / Он у товарищей в опале»* [9, 297].

Образ голубя, имея фольклорное значение, во всех стихотворениях появляется на фоне праздников, гуляний, совершения обрядов. Посредством этого образа идет столкновение мифопоэтического, фольклорного и социального миров.

Голубь в художественном и народном осмыслении – это образ мировой птицы, связанной с духовностью, любовью, мирной жизнью. Словесный образ голубя проходит многовековое испытание и в сущности своей остается неизменным в сознании народа.

Мы провели исследование, в котором постарались выяснить, насколько древнерусский словесный образ голубя имеет место в сознании современных школьников. Для этого на уроке литературы мы попросили детей составить ассоциативный ряд со словом «голубь» и написать сочинение от лица голубя. Результаты исследования показали, что в сознании современных пятиклассников и шестиклассников отражается семантическое наполнение образа голубя, исторически закрепленное в народной памяти.

В большинстве детских сочинений голубь предстает хрупким, маленьким существом: *«Все началось с того момента, как из яичка вылупилось крошечное мохнатенькое существо», «Я встретила маленькую голубушку, её звали Малютка, она тоже осталась одна».*

Образ голубя отстранен от людей, порой вообще живет в другом мире, он свысока видит мирскую жизнь, но отзывается о ней и о людях не с высокомерием, а с мудрой печалью, даже скорбью: *«Вы всегда думали, что я живу в вашем мире, но это не так! Я прилетаю каждый день к вам, потому что я считаю, что люди очень добры и честны. Но иногда это кажется не так <...> я думаю, что люди иногда не уважают окружающий мир». «Я вылетаю из своего города и вижу... Мне на секунду показалось, что это не наша страна! Она превратилась, во что-то нечто! Везде грязно, мусор...», «Я подлетаю к школе и вижу много учеников. Много радостных лиц! Как же приятно видеть радостные лица! Я приземляюсь, и выбегает целый класс и начинает гонять меня. Они чуть не убили меня! Я успела улететь <...> мир людской слишком эгоистичный». Часто голубь страдает от человека: «Люди посыпают зёрна на асфальт, но бывают такие люди, которые бросают в нас камни». Данный эпизод рождает ассоциации с Новозаветной притчей и словами Иисуса: *«Кто из вас без греха, первый брось в грешника камень»**

[Ин. 8; 1 – 11]. Детское сознание ярко вырисовывает жестокость людских сердец в противовес чистому и хрупкому созданию.

Удивительно сочинение, в котором шестиклассница описала Рождество глазами голубя: *«Честно говоря, я в этом празднике особо не участвую. Так, на крышах домов сижу, слежу за весельем, когда крошки бросают – подлетаю, кушаю. В общем, я просто зритель. Но с хорошей памятью»*. Любопытно отметить, что школьница не знала о христианской символике голубя как Святого Духа. Однако многие детали выявляют смежность образов: голубь как некое отстраненное от людей существо, вездесущее, внимательно наблюдающее свысока за людьми.

Мы отметили уникальный пример того, как школьница, сама того не осознавая, описывает совершенно традиционное христианское восприятие образа голубя. Древнерусский словесный образ сохраняет в своем значении опыт русского народа, его нравственные ценности. В детском восприятии образ голубя актуализирует связь слова с народным самосознанием. Это говорит нам о том, что древнерусский словесный образ голубя становится архетипическим наряду с такими образами, как Древо мира, Род, Дом и др. Данный образ несет в себе ценностно-нравственные основы функционирования человека в природной и социокультурной среде. Поэтому обращение современных школьников к фольклору как к фактору духовно-нравственного и социально-культурного воспитания личности актуально и значимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Собрание сочинений. Серебряный голубь / А. Белый. – М. : Республика, 1995. – 350 с.
2. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Библейское общество, 1991. – 768 с.
3. Блок А. А. Лирика / А. Блок. Вступ. ст. К. И. Чуковского. – М. : Правда, 1988. – С. 84.
4. Голубиная книга : Русские народные духовные стихи XI – XIX вв. / Сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокшина. – М. : Моск. рабочий, 1991. – С. 54.
5. Дмитриев И. И. Полн. собр. стихов. / И. И. Дмитриев. – Л., 1967. – С. 130.
6. Есенин С. А. Собрание сочинений : в 2 т. Т1. Стихотворения. Поэмы / С. А. Есенин ; Слово о поэте Ю. В. Бондарева ; Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева. – М. : Сов. Россия : Современник, 1991. – 480с.
7. Зенин М. М. Архетипические образы словесного фольклора как феномена формирования ценностных ориентаций личности / М. М. Зенин // Народная музыкальная культура в современном

мире : взаимодействие науки, образования, практики. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2017. – С. 75 – 79.

8. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / Вступительная статья Н. Я. Берковского ; Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. – Л. : Советский писатель, 1987. – С. 298.
9. Хлебников В. Творения / В. Хлебников. – М. : «Сов. Писатель.», 1986. – 650 с.
10. Цветаева М. Избранное / М. Цветаева. – М. : Просвещение, 1989. – 368 с.

SUMMARY

Rozhkova A. Dove as the most ancient sweet image in the consciousness of modern schoolchildren

This article presents the semantics of ancient characterisation of pigeon in XV-XX centuries literature, deals with modern student's understanding of the ancient characterisation and records process of cultural pattern retention in children's minds.

Keywords: verbal image, dove, archetypal image, consciousness.

*Святобаченко И.
г. Горловка, ДНР*

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ФОКУСА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье анализируются подходы к изучению фокуса высказывания с опорой на ведущие аспекты, средства реализации и уровни актуализации изучаемого коммуникативного явления. Отдельное внимание уделено фокусу высказывания как категории функциональной перспективы предложения.

Ключевые слова: коммуникативная структура предложения, фокус, топик, коммент.

Коммуникативная структура высказывания в различных её проявлениях является предметом исследования уже достаточное длительное время. Однако и на сегодня не существует единой точки зрения относительно основных категорий данного явления, специфики взаимодействия компонентов коммуникативной структуры высказывания, количества уровней коммуникативного деления высказывания и даже вопрос количества компонентов в данном случае остаётся открытым.

Одной из концепций коммуникативной структуры высказывания является теория функциональной перспективы предложения,

которая предусматривает детерминирование в составе высказывания трёх компонентов: топика, коммента и фокуса. В различные времена вопрос функциональной перспективы предложения (хотя мы считаем, что в данном случае целесообразнее говорить о высказывании) исследовали такие учёные, как Х. Дорджлог, И. Шатуновский, Я. Фирбас, Е. Хажичова и др.

Фокус высказывания является центральной, ядерной категорией функциональной перспективы предложения, поскольку несёт в себе максимальную коммуникативную нагрузку. В то же время стоит говорить о различных аспектах исследования коммуникативного фокуса, которые определяют уровень рассмотрения данной категории, особенности её характеристики как таковой и средства её реализации.

Таким образом, задачей нашего исследования является охарактеризовать различные подходы к пониманию и исследованию категории фокуса высказывания, цель – чётко разделить такие понятия, как семантический, эмфатический и коммуникативный фокусы высказывания, а также определить, какой из видов фокуса имеет непосредственное отношение к коммуникативной структуре высказывания.

Фактически, можно выделить четыре аспекта рассмотрения фокуса. Первый – эмфатический. Фокус в таком случае является феноменом не коммуникативного, а произносительного, звукового порядка, поскольку компонент, находящийся в фокусе, характеризуется наличием интервала в звуковой схеме предложения; паузация делает фокусный элемент более выразительным по сравнению с остальной частью высказывания.

Второй аспект – семантический, когда фокализация – выделение семантического центра высказывания. При таком рассмотрении фокус высказывания напрямую зависит от грамматико-категориальных свойств единиц, которые в него входят. К примеру, традиционно считается, что чаще всего в фокусе оказывается глагол, предикат как таковой, который является центрообразующим для всего предложения. Однако в таком случае возникает вопрос: можем ли мы отнести к фокусу слова, являющиеся служебными, ведь они не имеют предложениеобразующего потенциала? Например: – *Ты от нас или к нам?* – *К...* В приведённом примере во втором компоненте-ответе «– *К...*» вербализован только один элемент – предлог, который и является максимально нагруженным коммуникативно, т.е. фактически репрезентирует коммуникативный фокус высказывания. В то же время коммуникативно имплицированной является оставшаяся часть высказывания (*иду к вам*), синтаксически проявляющаяся в эллипсировании, что в данном случае максимально нагружает оставшийся формально реализованный компонент коммуникативно.

Ещё одним возможным аспектом рассмотрения категории фокуса предложения является подход, основанный на теории референции. Согласно такому направлению исследования фокус анализируется на уровне референта и акта референции, причём референция понимается как связь между формой языковой единицы и объективной реальностью. Однако, по нашему мнению, референция скорее соотносится с семантикой предложения-высказывания, нежели с его коммуникативной стороной. Но и отрицать полностью связь референции и коммуникативной задачи высказывания мы не можем, поскольку в основу генерирования любой языковой единицы ложится, в первую очередь, именно объективная действительность.

Коммуникативный аспект исследования фокуса также является одним из возможных вариантов направления исследования фокуса предложения. При такой аспектуальности разработки проблемы фокус предложения (высказывания) связывается с выбором говорящим коммуникативных стратегий и языковых средств, соответствующих коммуникативному заданию сообщаемого. Представители этого подхода (Я. Фирбас, Х. Дорджлох) справедливо считают, что любой тип дискурса в целом, как и отдельные предложения-высказывания, изначально нацелен на исполнение определённых коммуникативных задач (что объясняется, в частности, основной функцией языка – коммуникативной). Именно нацеленность на эффективную коммуникацию с чётко определёнными задачами и объясняет деление сообщаемой информации на «важную» (фокус сообщения) и «второстепенную» (топик). Именно такой подход, по нашему мнению, является наиболее соотносимым с понятием «коммуникативная структура предложения», поскольку напрямую связан с процессом передачи информации, а также механизмом реализации коммуникативной доминанты говорящим.

Фокус предложения рассматривается нами как категория, являющаяся мерой коммуникативной значимости компонентов высказывания. В то же время мы не отрицаем связь коммуникативного аспекта рассмотрения фокуса с другими возможными направлениями исследования (эмфатическим, семантическим и референтным), однако расцениваем их как вспомогательные в разрезе реализации задания каждой коммуникативной единицы. Так, эмфатический аспект актуализации фокуса является одним из средств выражения коммуникативного членения высказывания; распределение семантических значений компонентов нередко напрямую коррелирует с распределением коммуникативной нагрузки каждого из компонентов (как, например в вышеупомянутом случае выполнения предикатами роли фокуса высказывания); а референция является первоосновой создания высказывания.

Стоит отметить неоднородность в понимании категории фокуса даже в пределах коммуникативного подхода к его трактованию. Так, Я. Фирбас считает синонимичными понятия «фокус» и «коммент» как таковые, которые репрезентируют часть предложения с новой информацией. Х. Дорджлох конкретизирует эти понятия: фокус лингвист рассматривает как информационное ядро коммента, коммент же оставляет за собой функцию репрезентации новой информации, служит «оболочкой» для фокуса, тем самым помогая информационному центру высказывания (фокусу) органично войти в состав коммуникативной единицы. Вероятно, такое разделение упомянутых терминов обусловлено выделением двух аспектов предложения: коммуникативной структуры предложения и информационной структуры предложения. Так, коммуникативная структура предложения ориентиром функционирования высказывания определяет говорящего (адресанта), который инициирует процесс коммуникации, обмен информацией, тогда как информационная структура предложения ориентируется на слушателя (адресата), который декодирует полученную информацию и соотносит её с уже имеющимся опытом; в результате категория фокуса является определяющей, наиболее значимой для говорящего, поскольку остальная информация в высказывании выступает фоном для построения коммуникативной единицы. В таком случае коммент предназначен не только для передачи слушателю информации, которая представляется наиболее значимой для говорящего, поскольку фокус функционирует внутри коммента и является его информационным ядром, но и для предоставления фоновых знаний относительно новой информации, которые могут способствовать более полному пониманию полученного сообщения.

Таким образом, функциональная перспектива предложения, одной из категорий которой и является фокус, репрезентирована не дихотомией «известное / неизвестное», а рассматривает высказывание более масштабно, учитывая механизм ввода информационного ядра сообщения (фокуса) с помощью коммента. По нашему мнению, ввод третьего компонента – коммента – в коммуникативную структуру высказывания (в отличие от концепций бинарности тема-рематического членения и членения высказывания на «данное» и «новое» в когнитивистике) является более логичным и последовательным, поскольку и в процессе генерирования сообщения, и в процессе получения информации мы не делим категорически информацию на уже известную и новую, а воспринимаем сообщение в его единстве, градируя однако информацию по новизне при дальнейшем построении коммуникации. Трёхчленная структура функциональной перспективы предложения

(топик – коммент – фокус) как нельзя лучше отображает именно градацию новизны сообщаемой информации.

Вопросы степени сращения коммента и фокуса, уровни и подуровни членения этих компонентов, а также их эксплицитность и имплицитность являются на сегодня не достаточно изученными и представляют собой перспективу наших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова : Значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 400 с.
2. Dorgeloh H. Discourse Analysis [Электронный ресурс] / H. Dorgeloh (режим доступа : http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/fileadmin/Redaktion/Institute/Anglistik/Anglistisches_Institut/Anglistik_III/Reader/Companion%20to%20English%20Linguistics.pdf).
3. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication / J. Firbas. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 239 p.
4. Hajičova E. Topic-Focus Articulation, Tripartite Structure, and Semantic Content / E. Hajičova, B. H. Partee, P. Sgall. – Kluwer Academic Publishers, 1998. – 223 p.

SUMMARY

Svyatobachenko I. The aspects of the communicative utterance focus studying

The article is devoted to the problem of different aspects of communicative focus studying distinction. The main features of the utterance communicative perspective are described. The main categories of utterance communicative structure are highlighted.

Keywords: focus, comment, topic, communicative structure.

Скрипченко Е.
Науч. рук. – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
г. Донецк, ДНР

ПИСЬМА В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Статья посвящена проблеме эпистолярного текста в структуре художественного произведения. Эпистолярный текст рассматривается сквозь призму понятия «речевой жанр». Предпринята попытка осмысления особенностей эпистолярного текста в художественном произведении на материале писем героев романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин».

Ключевые слова: эпистолярный текст, речевой жанр, художественное произведение.

Цель нашего исследования – рассмотреть письма героев романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в контексте теории речевых жанров и определить особенности, характерные для писем, которые являются неотъемлемой частью единого художественного текста.

Задачи исследования – выяснить, в чем заключается отличие художественного эпистолярного текста от бытового письма и проанализировать письма героев романа А. С.Пушкина «Евгений Онегин» в аспекте их соотносительности с субъектами речи.

Актуальность работы обусловлена растущим в последние годы интересом к теории речевых жанров, но недостаточным, на наш взгляд, вниманием к тому, как в свете этой теории выглядят художественные эпистолярные тексты.

Большую популярность среди современных лингвистов получила концепция, согласно которой эпистолярный представляет собой отдельный речевой жанр. Эта мысль была впервые высказана М. М. Бахтиным. В работе «Постановка проблемы и определение речевых жанров» ученый отмечал, что существуют первичные и вторичные речевые жанры.

По утверждению М. М. Бахтина, «первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [1, 239]. Идеи М. М. Бахтина получили широкое распространение. Многие современные исследователи (В. В. Деметьев, Т. В. Шмелева, Н. Ю. Чигридова и др.) существенно развили и дополнили теорию речевых жанров.

В последние годы проблема эпистолярных текстов и их соотносительности с теорией речевых жанров также рассматривалась через призму понятия «дискурс». Такой подход мы наблюдаем в работах О. П. Фесенко, А.В.Курьянович. По мнению исследователей, это «позволяет выявить смысловые пласты текста письма, рассмотрев их в динамике: письмо как язык, письмо как слово, письмо как знак, письмо как символ, письмо как жанр, письмо как раритет, письмо как культурное наследие и в конечном итоге письмо как проявление Божественного через человеческое» [4, 173].

Как отмечает О. П. Фесенко, точки зрения на природу эпистолярия могут быть, по большому счету, сведены к шести концепциям:

1. Переписка трактуется как «стиль» («функциональный стиль»).
 2. Переписка соотносится с понятием жанра (как категорией функциональной стилистики, стилистики языка).
 3. Переписка рассматривается как «соединение» различных жанров и стилей.
 4. Переписка – это особая форма содружества литературы с жизнью, не соотносимая с понятиями жанра и стиля.
 5. Эпистолярный текст представляет собой жанр речи (как категория стилистики речи).
 6. Переписка трактуется через призму понятия «дискурс» [5, 132].
- Сама исследовательница утверждает: ввиду того, что частное письмо вбирает в себя различные речевые жанры (этикетные, информативные, оценочные, императивные), оно представляет собой дискурсивный гипержанр [4, 174].

Но к какой из этих категорий отнести эпистолярные тексты, входящие в структуру художественного произведения? Правомерно ли рассматривать эти тексты в одном ряду с частными дружескими или любовными письмами? Еще М. М. Бахтин отмечал, что «реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [1, 239]. Нам кажется, что художественные эпистолярные тексты – явление многогранное и неоднозначное, требующее к себе отдельного подхода и таких методов исследования, которые сочетали бы в себе компоненты лингвистического и литературоведческого анализа.

Слово героев романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», помимо относительно небольших по объему высказываний, представлено также письмами. Третья и восьмая главы включают в себя тексты посланий, которые пишут друг другу Татьяна Ларина и Евгений Онегин.

Если основное назначение частных писем – это реализация фактического общения между субъектами переписки, то письма, входящие в структуру художественного произведения, выполняют эту функцию лишь условно. «Письму Татьяны предшествует обширное авторское отступление, в котором огромное место отведено проблемам специально литературным. <...> Все это подготавливает наше восприятие письма как факта прежде всего литературного, а уж потом прикладного», – отмечает И. Б. Непомнящий [3, 70].

Пушкин называет послание своей героини *необдуманным*, однако, на наш взгляд, эту характеристику необходимо рассматривать не только в переносном (как указание на непредусмотрительность, опрометчивость поведения Татьяны), но и в прямом смысле слова. *Необдуманность* письма – это, возможно, и указание на то, что в нем отражаются особенности устной речи и разговорного стиля – спонтанность, отсутствие предварительного подбора языкового материала.

Следует отметить, что художественные эпистолярные тексты обнаруживают ряд интересных особенностей, которые отличают их от бытовой частной переписки. В первую очередь, это касается соотносительности этих текстов с фигурами адресата и адресанта.

Автором письма, помещенного в третьей главе, является главная героиня романа – Татьяна Ларина. Однако в тексте есть указание на то, что перед нами не оригинал письма, а лишь его *«неполный, слабый перевод»* с французского. Автором этого перевода является повествователь. При этом весь роман «Евгений Онегин», включая переведенное повествователем письмо, написан на русском языке и принадлежит перу А. С. Пушкина. Это позволяет утверждать, что эпистолярные тексты, присутствующие в структуре «Евгения Онегина», становятся причиной возникновения ситуации тройного авторства.

Такого рода тройственность находит отражение и в плане своей соотносительности с субъектами восприятия – адресатами письма. Письмо Татьяны адресовано Онегину – это первый читатель. Оно переведено героем, добрым приятелем которого является Онегин, то есть вторым его читателем оказывается повествователь. И, наконец, письмо является неотъемлемой составляющей всего произведения, а значит, третьим его читателем становится читатель всего пушкинского романа. Выходит, что наряду с ситуацией тройного авторства в пушкинском романе возникает и другая – ситуация тройного «читательства».

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что в отличие от обычных частных писем, принадлежащих определенному адресанту и подразумевающих наличие конкретного адресата, эпистолярные

тексты в структуре художественного произведения соотносятся сразу с несколькими фигурами, связанных между собой иерархическими отношениями.

Письмо Татьяны можно условно разделить на три части. В первой части Татьяна обращается к Онегину как к реальному человеку, с которым судьба свела ее совсем недавно. Далее (начиная с восклицания *«Другой!..Нет, никому на свете»*) адресат письма словно бы сменяется другим. Героиня обращается к нему *на Ты* и как бы напоминает ему о событиях, происходивших задолго до встречи с Онегиным. В завершающей части письма героиня, будто бы очнувшись ото сна, снова обращается к «реальному» Онегину, и теперь снова *на Вы*.

Отношение Онегина к письму как творческому процессу и к обратной его стороне – чтению – постепенно меняется к концу романа. Так, если в первой главе герой *не может отличить ямб от хорея*, то уже во второй главе (в характеристике Ленского) мы встречаем указание на то, что *«один Евгений / Мог оценить его дары»*. В восьмой же главе говорится о том, что герой сам *«чуть с ума не своротил, / Или не сделался поэтом»*.

Вследствие того, что *«сердечное страданье / Уже пришло ему невмочь»*, Онегин пишет письмо Татьяне. На протяжении всего письма Татьяна для Евгения – *Вы*. Как отмечает С. Г. Бочаров, Онегин – *«не поэт»*, и это важнейшая его характеристика в романе, которая с разных сторон по-всякому акцентируется в ситуациях романа, и прежде всего это главная «разность» между героем и автором» [2, 22].

Переписка героев, включенная в структуру пушкинского романа, представляет особенный интерес для исследования в контексте теории речевых жанров. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в анализе текстов писем в аспекте реализации в них различных речевых жанров (этикетных, информативных, оценочных, императивных) и в свете того, какие экстралингвистические факторы [5, 139 – 140] влияют на набор речевых жанров, характеризующих каждый из этих эпистолярных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Постановка проблемы и определение речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 237 – 245.
2. Бочаров С. Г. О реальном и возможном сюжете: «Евгений Онегин» / С. Г. Бочаров // Сюжеты русской литературы. – М., 1999. – С. 17 – 77.

3. Непомнящий И. Б. К вопросу об иллюзорном документе в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / И. Б. Непомнящий // Болдинские чтения. – Горький, 1988. – С.163 – 174.
4. Фесенко О. П. Дружеское письмо как дискурсивный гипержанр / О. П. Фесенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2008. – № 2 (12). – С. 166 – 173.
5. Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 23 (124). – Вып. 24. – С. 132 – 143.

SUMMARY

Skipchenko E. Letters in A. S. Pushkin's novel «Eugene Onegin»: the epistolary text in the structure of the work of literature

The article is devoted to the problem of the epistolary text in the structure of the work of literature. An epistolary text is viewed through the prism of the speech genre concept. The peculiarities of the epistolary text in the work of literature are analyzed on the material of letters in A. S. Pushkin's «Eugene Onegin».

Keywords: speech genres, epistolary text, work of literature.

Ткачик Т.

*Науч. рук. – преп. Брыкова Н. А.
г. Макеевка, ДНР*

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА СРЕДСТВАМИ ОПОРНЫХ КОНСПЕКТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Статья посвящена вопросам составления, оформления и применения опорных конспектов нового поколения в процессе преподавания учебной дисциплины «Русский язык» в начальной школе.

Ключевые слова: опорный конспект, языковая культура, личность, прием «Фишбоун», исследовательская деятельность.

В современном образовательном процессе актуальной является проблема формирования языковой культуры личности. До недавнего времени считалось, что орфографическая грамотность является приоритетным критерием успешного обучения русскому языку. Но для выпускников школ и колледжей эти навыки и умения оказались наименее важными и необходимыми в сравнении

с говорением, слушанием, потому что уровень владения ими невысок. Сегодня время настоятельно требует других качеств: краткости и точности выражения своих мыслей, умения поддержать разговор, правильности понимания собеседника. Ведь важно организовать общение успешно и эффективно, поэтому нужно не только повышать культуру речи, но и уметь пользоваться речевыми клише, обращая внимание на степень вежливости. Именно поэтому формирование у обучающихся языковой, учебно-познавательной, общекультурной и коммуникативной компетенций занимает лидирующее положение.

В настоящее время стремительно возрастает объём изучаемого материала и его теоретический уровень. Метод заучивания, текстуального запоминания становится неэффективным. Это ведет к снижению успеваемости, порождает отрицательное отношение к учению.

Опорный конспект, опорная схема, рисунок как одна из форм изложения сведений о языке способствует развитию, как познавательных мотивов, так и творческих, облегчает понимание новой информации и закрепляет её в долговременной памяти – всё это обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель статьи – раскрыть понятие, роль и применение опорного конспекта в процессе преподавания учебной дисциплины «Русский язык», показать его влияние на формирование навыков культуры речи во всех её проявлениях, развития критического мышления, умений правильно писать и читать, участвовать в диалоге, составлять несложные устные монологические высказывания.

Объект исследования – формирование языковой личности школьника.

Предмет исследования – опорные конспекты нового поколения как средство формирования языковой личности.

Проблему систематизации и обобщения информации с помощью опорных конспектов рассматривает педагог-новатор В. Ф. Шаталов [4, 58], именно он вводит это понятие в педагогическую практику. А вот А. А. Гин в своей работе «Приёмы педагогической техники» [2, 82] считает возможным использование опорных конспектов непосредственно в процессе изложения учебного материала. Опорный конспект представляет собой наглядную схему, в которой отражены подлежащие усвоению единицы информации, представлены различные связи между ними, а также введены знаки, напоминающие о примерах, опытах, привлекаемых для конкретизации абстрактного материала. Опорная схема, в отличие от конспекта, предполагает выделение более узкого по объёму, содержанию теоретического материала, может служить своеобразным инструментом-помощником в решении теоретических

задач. Изучая проблему использования опорного конспекта в педагогической практике, данные авторы пришли к выводу, что данный методический приём имеет ряд достоинств:

- позитивная динамика степени обученности;
- творческие работы становятся неотъемлемой частью урока;
- повышается интерес к изучаемой теме;
- способствует формированию языковой и коммуникативной компетенции учащихся;
- повышается уровень мотивации к изучению предмета;
- появляется желание отвечать у доски.

В современной учебной деятельности можно выделить несколько видов опорных конспектов нового вида: кластер, фишбоун, денотатный граф, ментальная карта, концептуальные таблицы. Данные приёмы являются хорошим способом вычленения из текста существенных признаков ключевого понятия на основе графических изображений, таблиц, схем, графиков. Остановимся на изучении технологического приёма «Фишбоун», рассмотрим его сущность и применение на уроках русского языка в начальной школе.

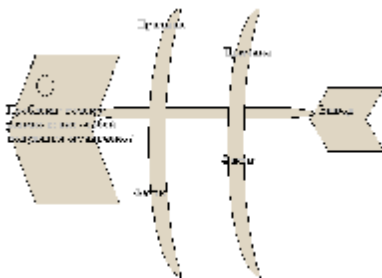
Часто в тексте или при объяснении учителя на уроке возникают учебные проблемы. Их нельзя оставить без внимания и обсуждения, идет совместная работа учителя и учеников по поиску их решений. Некоторые же темы не способствуют возникновению подобных дискуссий. В таком случае школьники могут не обратить на них внимание или будут испытывать затруднения при поиске их решения. В таком случае следует рассмотреть проблему с разных сторон, подобрав факты и учебный материал для ее разрешения, обратив внимание на все ее аспекты.

В этом нам поможет методический приём «Fish bone» – «рыбья кость». Его суть – установление причинно-следственных взаимосвязей между объектом анализа и влияющими на него факторами, совершение обоснованного выбора. Дополнительно метод позволяет развивать навыки работы с информацией и умение ставить и решать проблемы.

В основе «Фишбоуна» – схематическая диаграмма в форме рыбьего скелета. Впервые об этой диаграмме заявил японский профессор Ишикава (Исикава), который и изобрел метод структурного анализа причинно-следственных связей.

Схема «Фишбоун» представляет собой буквально рыбий скелет. В «голове» этого скелета обозначена проблема, которая рассматривается в тексте. На самом скелете есть верхние и нижние косточки. На верхних косточках ученики отмечают причины возникновения изучаемой проблемы. Напротив верхних косточек располагаются нижние, на которые по ходу урока выписываются факты, подтверждающие наличие сформированных ими причин.

Записи должны быть краткими, представлять собой ключевые слова или фразы, отражающие суть.

Данный метод хорошо использовать на обобщающих уроках, когда надо собрать полученную информацию воедино.

Учитель вправе выбирать любые формы работы: индивидуальные, групповые, парные. Метод используют не только для классной работы, но и для самостоятельной или домашней работы.

Важным этапом применения технологии «Фишбоун» является презентация полученных результатов заполнения. Она должна подтвердить комплексный характер проблемы во взаимосвязи всех её причин и следствий.

Пример использования опорного конспекта «Фишбоун» на уроке русского языка при изучении членов предложения.

- *Голова* – как определить члены предложения?
- *Верхние косточки* – главные и второстепенные члены предложения.
- *Нижние косточки*:
 - *Подлежащее* называет, о ком или о чем говорится в предложении и отвечает на вопросы кто? что?
 - *Сказуемое* поясняет, что говорится о подлежащем и отвечают на вопросы каков он есть? что делает?
- *Второстепенные члены предложения* служат для дополнения и пояснения главных или других второстепенных членов предложения.
- *Хвост* – чтобы определить, каким членом предложения является слово, надо поставить к нему вопрос и узнать, что оно обозначает.

Овладев приемом «Фишбоун», учитель может с успехом ее применять на любом уроке. Этап урока с применением опорного конспекта «Фишбоун» будет иметь исследовательский характер.

Таким образом, можно сделать вывод, что при подаче материала с помощью опорных конспектов, у учителя освобождается время для закрепления новых знаний и развития умений на уроке.

Динамика работы по опорным конспектам, схемам показывает, что, со временем, обучающиеся меньше времени тратят на изучение нового материала, активнее работают с опорным конспектом, даже принимают непосредственное участие в его составлении. Тогда больше времени остается на выполнение практических работ, закрепление и систематизацию.

Система такой работы учителя и учащихся позволяет достигать положительных результатов. Введение теоретических знаний в виде опорных схем, алгоритмов, обобщающих таблиц способствует речевому развитию обучающихся, даёт возможность увидеть правило в полном объёме, лучше осмыслить изложенный материал, осознать логические взаимосвязи, систематизировать и упорядочить знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерцев Е. П. Педагогика профессионального образования / Е. П. Белозерцев. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
2. Гин А. А. Приемы педагогической техники : Свобода выбора. Открытость. Деятельность. Обратная связь. Идеальность : Пособие для учителей / А. А. Гин. – Гомель : ИПП «Сож», 1999. – 280 с.
3. Гудзинская Е. Ю. Педагогическая технология «развитие критического мышления через чтение и письмо» в подготовке специалистов [Электронный ресурс] / Е. Ю. Гудзинская (режим доступа : www.unn.ru/pages/vestniki_journals).
4. Шаталов В. Ф. Учить всех, учить каждого / В. Ф. Шаталов. – М., 1987. – 268 с.

SUMMARY

Tkachik T. The lingual personality formation by the new generation helping conspects

The article is devoted to the use of the technique of fishbone when teaching Russian language. The place of the method in the structure of the technology of formation of the language personality is determined. The examples of this form of systematizing information are given on the basis of the topics studied at the primary school. Conclusions are drawn about the didactic potential of the method for developing independent thinking and mental activities of pupils.

Keywords: fish bone method, cause and effect diagram, formation of the language personality, technique of teaching, systematizing information, independent thinking.

Фабрикантова М.
Науч. рук. – д. филол. н., доц. Герасименко И. А.
г. Горловка, ДНР

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ ДНЕВНИКОВОГО ЖАНРА В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

В статье раскрываются жанровые и языковые особенности автобиографических текстов И. А. Бунина, лексические единицы и синтаксические конструкции, свойственные его дневникам.

Ключевые слова: жанр дневника, И. А. Бунин, дневники Бунина, творчество Бунина.

Жанр дневников писателей занимает особое место в литературе XX века и имеет своеобразные черты. Дневник – «поэтика автора», свободного от жанрово-стилевых предписаний, где литература предельно сближается с непосредственным и конкретным бытием человека, проникается его заботами, мыслями, чувствами, создается по его мерке. Бунин не относился к числу людей, ведущих регулярные дневниковые записи, по-видимому, не испытывая насущную потребность запечатлеть свою обыденную жизнь. Автобиографические записи дают богатейшее представление о развитии личности автора, о его мировоззрении, об отношении к событиям [4, 156].

В поэтике дневниковой прозы И. А. Бунина прослеживаются как общие тенденции развития жанра литературного дневника в XX веке, так и индивидуальные особенности, связанные со спецификой творческого мышления писателя, его философско-эстетическими представлениями.

Отличительной особенностью дневниковой прозы И. А. Бунина является ее неисчерпаемый художественный потенциал, заложенный не только в наличии большого количества эстетически организованных фрагментов, но и в использовании такого приема и важной составляющей творческого метода писателя, как непосредственная передача впечатлений от столкновения с действительностью: *«Прочел отрывок из дневника покойного Андреева. «Покойного»! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью, – живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных, сметливых глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать, когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном, как чувствовалось*

тогда, какая это талантливая натура, насколько он от природы умней своих произведений и что не по тому пути пошел он, сбитый с толку Горьким и всей этой лживой и напыщенной атмосферой, что дошла до России из Европы и что так импонировала ему, в некоторых отношениях так и не выросшему из орловского провинциализма и студенчества, из того Толстовского гимназиста, который так гениально определен был Толстым в одной черте: «Махин был гимназист с усами...»» [2, 15].

Дневниковая проза И. А. Бунина включает в себя такие разнообразные жанровые структуры, как письма, воспоминания, вставные рассказы, портретные зарисовки, элементы литературной критики, стихотворения и пр.

Дневники И. Бунина содержат большое количество записей, рассчитанных не только на повествование, но и на выражение, отличающихся концентрированной образностью – характерной чертой фрагментарной прозы. Бунин вел дневники в течение всей своей долгой жизни. Часть их была им уничтожена; другие (одесского периода 1918-1919 гг.) закопаны перед отъездом из России. О некоторых своих ранних записях сам он заметил: «Переписано с истлевших и неполных моих заметок того времени» [3, 27].

О художественной стороне дневников говорит также наличие в них эстетически значимых фрагментов, содержание которых связано с творческими замыслами автора.

При анализе дневников И. А. Бунина в глаза бросается то, что он «экономит» на личных местоимениях, оставляя лишь глагол, к примеру, *думал*, часто встречающийся в записях. Создается ощущение, что автор дневников будто описывает внутреннее состояние своего героя:

« ... Думал – здесь особенно похоже на весну. Если бы ехал весной, тут, в затишье, среди стволов, на спуске с горы, было бы жарко, птицы были бы, сладость, мука радостная, полная надежд на что-то – и на любовь, как всегда! – были бы.» (8 октября. 11 ч. утра) [1, 8].

В Бунинских дневниках наблюдается множество антропоморфных метафор и эпитетов:

« ... Опять наблюдал сад... Фантастичны стволы, их позы (только позы и разберешь)» (21 августа 1917 года) [1, 22].

«Над Колонтаевской золотистая слеза Венеры» (16 октября) [1, 14].

Также следует отметить то, что в своих дневниках И. А. Бунин использует нетрадиционные названия цветов: *«Под месяцем... синева цвета сахарной бумаги»* (15 сентября) [1, 29]. *«Далёкий лесок под Щербачевкой – цвета сухой малины»* (5 октября) [1, 6]. *«Почти всё небо в грифельной мути, облачности»* (17 сентября) [1, 29].

Автор создаёт новые оттенки цветов – сложные прилагательные, в состав которых входят слова, образованные от основного тона –

существительного бронза: «... Дубы все шуришат, все бронзово-коричневые», «... Яблони в золотисно-бронзоватой мелкой мертвой листве», «Сад, да и ближе деревья – главное – рыже-бронзовое, бронзовое» [1, 31].

Богатая цветовая палитра, используемая И. А. Буниным в дневниковых записях, включает в себя множество цветовых эпитетов и сравнений:

«... Дивились на деревья за сараем, с поля из-за риги – на сад: нельзя рассказать! Колонтаевка – и жёлтое, и черно-синее (ельник), и что-то фиолетовое. Зеленее к Семеновкам – бильярдное сукно. Клёны по нашему садовому... необыкновенные. – Сказочный – желтый, прозрачные купы. Если темнеют – выделились. Зелень непожелтевшая посерела, тоже отдаляется...» [1, 30].

Стремясь воспроизвести всевозможные оттенки красок, И. А. Бунин использует развернутые сравнения: «... Вдали за Щербачевой шапка леска буро-лиловата, точно мех какой на звере облезает» [1, 31].

При создании портрета одного из героев своего дневника автор использует отрицательную оценочную лексику, включающую в себя оценочные существительные, прилагательные, предикативные наречия и оценочные словосочетания: «... молодой малый с гармонией, солдат, гнусная тварь, дезертир, ошалевший, уставший от шатанья и пьянства...» [1, 26].

При описании социального мира, анализируя происходящие в нем события, автор дневников дает преимущественно негативные оценки, используя развернутые синтаксические конструкции – оценочные предложения: «Вечером у Алек.Вас. Голитейн. Кто-то военный, в погонах, трогательно бедно одет. Как мало ценятся такие святые редкие люди!» [2, 72].

В дневниках Бунина местами прослеживается ирония: «Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержу троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 фр...», «Дикая моя жизнь, дикие сожители. М., Г. – что-то невообразимое» [2, 374].

На протяжении всей жизни Бунин постоянно включает в дневники отрывки из писем, принадлежащих как ближайшему окружению, совершенно не знакомым людям, так и собственных. Одна из специфических особенностей дневников писателя – использование шуточных стихов. Известно, что Буниным написано множество эпиграмм, экспромтов, шуточных стихов, которые он не публиковал и не сохранял. В дневники же он их включает: «Послал письмо Олечке: ты спрашиваешь, как мы пировали у наших друзей. Вот как:

*У моих друзей пируя,
Ел змеиную икру я,*

*Пил настойку из клопов
И вино из бураков.
Остальное тоже было
Очень вкусно, очень мило:
Суп из наба, фарш из блох
И на жареное – мох [2, 418].*

Литературные дневники И. А. Бунина представляют собой сложное художественное единство со специфической внутренней организацией: пространственно-временной системой, жанрово-стилевыми и структурными особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. – Тула : Приокское книжное издательство, 1992.
2. Бунин И. А. Устами Буниных. Дневники. В 2 т. Т. 2 / И. А. Бунин, В. Н. Бунина; сост. М. Грин, предисл. Ю. Мальцева. – М. : Посев, 2005.
3. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина: 1870-1906 / В. М. Муромцева-Бунина – Париж, 1958.
4. Юрченко Л. Н. «Окаянные дни» И. А. Бунина. О поэтике одесских страниц / Л. Н. Юрченко // Материалы междунар. науч. конференции. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. – С. 156-159.

SUMMARY

Fabrikantova M. Language features of diary texts organization in the Bunin's oeuvre

The article deals with the genre and language specifics of the Bunin's autobiographical texts; besides? the lexical units and syntactical constructions which are inherent in his diaries are researched.

Keywords: diary genre, I.A. Bunin, Bunin's diaries, Bunin's oeuvre.

Чернецкая А.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Блюмина О. В.
г. Горловка, ДНР*

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОНЕЦКОГО АВТОРА Е. ВОРОНОВА

Анализируя Донецкий текст на материале очерка Егора Воронова «Он был ополченцем», мы предприняли попытку описать концепт, содержащий региональный компонент, проследить механизм вхождения его в концептосферу региона.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, региолект, Донецкий текст.*

Исследование региональных текстов, описание концептов, содержащих региональный компонент, формирование концептосферы отдельных регионов является объектом исследовательского интереса отечественных и зарубежных филологов (В. И. Карасика, В. И. Теркулова, О. В. Блюминой, Ю. С. Степанова, и др.). Данные исследования строятся на языковом материале художественных произведений с краеведческим содержанием. Одним из таких текстов выступает очерк горловского писателя Егора Воронова «Он был ополченцем». *Целью* нашей работы является исследование вербальных средств объективации концепта «война» в указанном тексте.

Под концептом мы, вслед за В. И. Карасиком, понимаем сложную мыслительную категорию, которая даёт большой простор для её толкования [3].

Исследователь характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны», «фрагмент жизненного опыта человека», «переживаемая информация», «квант переживаемого знания» [3].

Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниним мы выделяем в структуре концепта: образ, информационное содержание и интерпретационное поле [6].

Образный компонент в структуре концепта состоит из перцептивного образа, являющегося результатом отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств, и когнитивного (метафорического) образа, являющегося результатом метафорического осмысления действительности. Информационное содержание включает когнитивные признаки, «наиболее существенные для самого предмета или его использования, характеризующие его важнейшие дифференциальные черты, обязательные составные части, основную функцию и под.» [6, 11]. Интерпретационное поле образуется когнитивными признаками, интерпретирующими основное информационное содержание концепта. В интерпретационном поле выделяются следующие зоны: энциклопедическая зона; утилитарная зона, представляющая прагматическое отношение людей к денотату; регулятивная зона, объединяющая предписывающие когнитивные признаки; общеоценочная зона, выражающая оценку; социально-

культурная зона, отражающая связь концепта с культурой народа; паремиологическая зона, представляющая совокупность когнитивных признаков, объективируемых в национальных паремиях; мифологическая зона, идентификационная зона и др.

Так, концепт «война» эксплицируется, в первую очередь, лексмой «война». Согласно словарю Ожегова, «война» – *это вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства и перен. борьба, враждебные отношения с кем-чем-нибудь. По данным словаря это слово первоначально восходит к значению «погона за неприятелем»* [5, 93]. Данное определение мы относим к интерпретационному полю анализируемого концепта. В очерке горловского писателя он объективирован лексическими единицами, которые репрезентируют тематическую группу «Воин». Данные лексемы номинируют реалии горловской жизни сочетаниями: «в камуфляже», «с автоматом на плече», «человек с автоматом», «человек в камуфляже», «он был ополченцем», «ополченец», «срочников жалко».

«Нельзя хотеть воевать», «как попал на войну» (выражена особенность сегодняшней войны, где жители Донбасса – жертвы политических обстоятельств), «воевал не за какие-то там тысячи, ..., а за людей», «возьмем оружие и всех победим», «под пули лезу» – данными синтаксическими конструкциями объективировано выражение особого конфликта на нашей территории. Языковыми средствами «не виделя героев», «не нужно воевать» эксплицировано:

1. Война как негативное явление с негативными последствиями;
2. Языковые сочетания «что не пошли на войну», «арта шмалает», «окопы рыть», «этих стрелять нужно», «выворотило половину живота», «подорвался на «ведьме», «второй час шел артобстрел», «стрелять, ребят хоронить, не сдаваться» присущи исключительно нашему региону.

Следовательно концепт «война» объективируется не только как абстрактное понятие, но и как привычная реалья жизни. Подбор лексических и синтаксических средств Е. Вороновым свидетельствует о функционировании анализируемого концепта в нашем, донецком, сознании.

Автор воплощает концепт «война» с помощью абстрактных существительных в языковых средствах «нет тут геройства», «это не мужество – это вот такая жизнь», «нет тут доблести, нет геройства, нет справедливости. Нет.», «война – это не по-людски», «воевал не ради наград, не ради государства, а за людей», «война – это не по-людски», «много и светлого, и ужасного», которые объективируют особенности жизни в условиях войны.

Проанализированные вербальные средства формируют интерпретационное поле анализируемого концепта. Его образный

компонент эксплицируют языковые единицы, представляющие тематическую группу «Образ и атрибутика войны»: *«Вот она, вся перед тобой – босая, в струпьях и с кровоточащими из-под грязных бинтов ранами. Душит, брызжет слюной и трясется от хохота»* (война – отвратительное явление, жестокое и беспощадное), *«в камуфляже»*, *«с автоматом на плече»*, *«человек с автоматом»*, *«человек в камуфляже»*, *«он был ополченцем»*, *«ополченец»*, *«срочников жалко»*, *«позывной «Сыч»*, *«кровь, внутренности и обгоревшее мясо»* (война = отвратительная гибель), *«обстрел»*, *«блокада»*, *«котле»* (лексическое изменение первоначального значения слова), *«мирных»* (те, кто не «воюют»), *«арта»*, *«пленному»*, *«на подвал»*, *«окопы рыть»*, *«срочников»*, *«артобстрел»*, *«ведьма»* (изменение лексического значения, т.е. «мина» = метафорическое сравнение).

Таким образом, анализ очерка Е. Воронова «Быть ополченцем» свидетельствует о вхождении концепта «война» в концептосферу донецкого региона. Отметим, что возможно разделение концептов на этнокультурные и социокультурные. Социокультурные концепты также неоднородны. Среди них выделяются групповые (возрастные, гендерные, профессиональные и под.) и индивидуальные концепты (Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин). Индивидуальные концепты могут быть представлены индивидуально-авторскими концептами, выражаемыми ключевыми словами; концептами, определяющими психотип личности, а иногда и определенных социальных групп (в таком случае они становятся социокультурными или этнокультурными концептами). Реализация концепта «война» в Донецком тексте на примере очерка Егора Воронова позволяет говорить ещё и о существовании особой разновидности социолекта – региональном военном жаргоне, характеризующим особенности нашей социокультурной ситуации и существующий в системе донецкого региолекта.

Перспективой нашего исследования является соотнесение концепта «война» с одним из указанных типов и дальнейшая детализация его содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории к структуре текста. – Антология. – М. : Academia, 1997. С. 276 – 379.
2. Быдина И. А. Способы вербализации концептов в поэтическом тексте / И. А. Быдина // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. Симпозиума: Волгоград, 22-24 мая 2003: В 2 ч. – Ч. 1 – Научные статьи. – Волгоград : Перемена, 2003. – С.49 – 56.

3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 6.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 1997. – С. 93.
6. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. / З. Д. Попова, И. А. Стернин – Воронеж, 1999. – 30 с.

SUMMARY

Chernetskaya A. Language objectives of the concept “war” in works of donetsky author Yegor Voronov

Analyzing Donetsk text on the material of Yegor Voronov's essay “He was a militiaman”, we made an attempt to describe the concept containing the regional component, to trace the mechanism of its entry into the conceptual sphere of the region.

Keywords: concept, conceptosphere, regiolect, Donetsk text.

Черниченко И.

*Науч. рук. – к. филол. н., доц. Царегородцева С. С.
г. Ялта, Крым, РФ*

СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВОВ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО НАРОДНОПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

В работе рассмотрены лексические средства экспликации цвета в языке народнопоэтического творчества. Цель исследования – представить средства экспликации цвета в народнопоэтической речи, проанализировать их семантику.

Ключевые слова: цветообозначение, язык народнопоэтического творчества, фольклор, экспликация цвета.

В языке русского фольклора «язык сохраняет многое от доисторической старины» [2, 76]. Его единицы (в том числе и цветообозначения – ЦО) вербализуют, кроме собственно идеи цвета, смыслы, связанные с историей народа, его бытом, обычаями, традициями, ментальностью – профанной, сакральной, мифопоэтической. Не случайно Н. Д. Арутюнова заключает, что «простота – это истоки, начала, элементы, аксиомы. Их место – в глубине. В них записан генетический код явления, его судьба» [1, XI].

Исследованию в языке фольклора семантики ЦО посвящено достаточно большое количество работ. Учёные (например, А. Т. Хроленко, Л. Раденкович, О. А. Черепанова, О. А. Мещерякова и др.) констатируют, что ЦО, являясь практически неизменными канонизированными образцами пласта народнопоэтической речи, заключают в себе те значения, которые издревле имели. Однако, несмотря на наличие исследований, направленных на выделение в текстах фольклора присущих ЦО значений, эти единицы недостаточно изучены. Цель работы – представить группы ЦО, с помощью которых эксплицируется цвет в народнопоэтической речи. Материалом исследования послужили примеры из сборников русских частушек, загадок, пословиц и поговорок.

Своеобразие народнопоэтических слов (в том числе и ЦО) – это диффузность их семантики, нередко осложнённая «фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями» [2, 6]. Например, ЦО белый в языке устного народного творчества осмысливается не только как средство экспликации белого цвета, но и оценочных лингвокультурных значений ‘чистый’, ‘лучший’, ‘парадный’. Ср.: *А ты не стой, не стой под крутой горой / В белом платьице с голубой каймой; Рубашка бела, чуб налево – / Я в него влюбилась; Я надену кофту белу / И зелёный сарафан*. Одновременная реализация нескольких, кроме цветового, значений у данного ЦО отвечает отмеченной выше семантической диффузности фольклорного слова, специфическим свойствам ЦО отображать в своей семантике номинацию и оценку, реальное и символическое.

В названиях, передающих смешанные цвета, содержится информация об их «цветовой неоднородности» [4, 177]. Так, слово *цветной* закреплено за значением ‘неодноцветный’, *рябой* – ‘с пятнами другого цвета’, *пёстрый* – ‘покрытый разноцветными пятнами’. Например: *Весной в цветном платьице, зимой – в белом сарафане* (лиственный лес); *Рябая курица под плетнём дуется* (арбуз). Как видим, данные адъективы в определённом лексемном окружении получают сему цвета, наделяются значениями, закреплёнными за ЦО. При этом в загадках, отображающих первобытную мифическую символизацию, ЦО указывают на признаковые сходства описываемых реалий. Поэтому их “цветовая” семантика направлена на объяснение этих реалий и их свойств.

Что касается так называемых вторичных цветообозначений, то, например, слово *золотой* справедливо считают одним из самых «распространённых, высоковалентных определений» русского фольклора [3, 119]. Данная лексема регулярно актуализирует в текстах фольклора смыслы ‘хороший’, ‘лучший’, ‘дорогой’. Например: *Я на*

пожинку ходила, / По прокосяю грабила, / Золотую слёзоньку / На пожинке оставила [7, 136]; *Стала Марфа Прекрасная в саду как красное солнышко, золотая грудь как звездочка* [8 (1), 406]. Здесь, как видим, слово *золотой* «несет образные и эмотивно-оценочные коннотации» [6, 35].

Итак, цвет в русской народнопоэтической речи эксплицируется с помощью разных групп ЦО. При этом адъективы с основной и производной цветовой номинацией могут иметь как разветвлённую семантику с широкими сочетаемостными возможностями, так и являться нечастотными и моносемантическими единицами. Особый интерес представляют полисемантические средства вербализации цвета, используемые в народнопоэтических текстах. Именно структуре значения таких лексем и будут посвящены наши дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I – XV, 896 с.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : [в 2 т.] / Ф. И. Буслаев. – Т. 1. – СПб., 1861. – 714 с.
3. Давыдова О. А. О семантической структуре прилагательного “золотой” в языке русских народных волшебных сказок / О. А. Давыдова // Специфика семантической структуры и внутритекстовых связей фольклорного слова: Сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ин-т. – Курск, 1984. – С. 118 – 126.
4. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
5. Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. Е. Никулина. – М., 1989. – 16 с.
6. Пелевина Н. Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) / Н. Ф. Пелевина // Семантика слова в диахронии / Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Редкол. Р. В. Алимпиева и др. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 1987. – С. 35 – 42.
7. Русский фольклор / Сост. и примеч. В. Аникина. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
8. Сказки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. – М. : Сов. Россия. – Кн. 1. – 1988. – 544 с.; Кн. 2. – 1989. – 576 с.

SUMMARY

Chernichko I. Semantics of colour terms in the language of Russian folklore

The article studies lexical means of colour explication in the language of folklore, analyzes structural-semantic groups of colour terms. The aim of the article is to represent the CT groups which help to explicate the colour in folklore.

Keywords: colour term, the language of folklore, colour explication, colour stem.

Шахмаева К.

*Науч. рук. – д. филол. н., проф. Измestьева И. А.
г. Тольятти, РФ*

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Визуальный образ – это первое, с чем сталкивается читатель во время первичного восприятия любого письменного или печатного текста. Во многом этот образ зависит от шрифтового и цветового оформления, использования типографических и иконических знаков, пунктуации. Одним из первостепенных факторов восприятия текста является графика и графические средства.

Ключевые слова: *визуальный образ, графические средства, графика, шрифт, типографический знак, Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорбленные».*

Проблема восприятия и понимания текста считается одной из сложных, так как в художественном тексте «смысловые связи в отличие от грамматических не заданы заранее, их надо найти, открыть и интегрировать в модели» [6, 81]. Писатель решает эту проблему, вводя в текст ключевые слова, которые выступают как «константы идиостиля», «единицы авторского лексикона», ключевые слова являются точками концентрации смыслов [8, 36]. Известны научные работы Л. С. Айзерман [1], И. В. Арнольд [2], А. В. Бондарко [3], А. Вежицкой [4], Н. И. Жинкина [6], В. Н. Захарова [7], Ю. Н. Караулова [8] и др., посвященные роли ключевых слов в художественном произведении.

Ключевое слово, являясь концентрацией смыслов и отражением темы произведения, имеет особенность многократно повторяться. Такой прием позволяет создать семантический

стержень, а графическое выделение конкретизирует смысловое выделение.

А. В. Чичерин (1965), Е. А. Иванчикова (1979), В. П. Владимирцев (1998), анализируя творчество Ф. М. Достоевского, отмечали, что основная функция выделенных курсивом слов и выражений состоит в том, чтобы помочь читателю понять авторский замысел.

Рассмотрим функции выделенных слов в романе «Униженные и оскорбленные» [5]. В романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» основным графическим средством является курсив. Всего в произведении нам встретилось 147 текстовых единиц в данном шрифтовом оформлении. На первую часть романа приходится 32 выделения курсивом, на вторую – 9, на третью – 46, на четвертую – 20. Количество текстовых единиц в эпилоге в данном шрифтовом оформлении – 40.

Одна из самых ярких функций графического выделения в тексте определена как экспрессивное воздействие на читателя. В романе мы можем выделить ряд ситуаций, в которых курсив наиболее полно отображает замысел автора.

Наиболее часто Достоевский, выделяя ту или иную текстовую единицу, ставит на нее логическое ударение, акцентируя внимание читателя на ее значимость: «Неужели ж ты не видишь, Ваня, я вышла *совсем*, ушла от них и никогда не возвращусь назад?». Выделяя слово «*совсем*», автор придает ему значение непоколебимости решения героини, ее непреклонность в данном вопросе.

Курсивом выделяется и особо значимое слово в тексте романа: «Ты к *нему*, Наташа?». Этот прием демонстрирует однозначность интерпретации использованной текстовой единицы, нагружая ее конкретным смыслом.

Также курсивное слово, используемое одним героем, может быть заимствовано им у другого, или же и вовсе выражать всеобщее мнение: «Ведь она несчастная беглянка, отверженная отцом, беззащитная, *замаравшая себя, безнравственная!*». В данном предложении происходит градация чувств героя, жалость и сочувствие сменяются выражением презрения и осуждения.

Использование автором курсива способствует передаче психологического состояния героев: «...с самого наступления сумерек, стал впадать в то состояние души, которое так часто приходит ко мне теперь, в моей болезни, по ночам, и которое я называю *мистическим ужасом*».

Кроме того, курсивная текстовая единица создает образ героя, подчеркивает его типичные черты поведения, привычки: «... точно она сама наслаждалась своей болью, этим *эгоизмом страдания*, если так можно выразиться».

Выделение курсивом целых предложений позволяет акцентировать внимание на ситуацию, выявить причинно-следственные связи: «*Так и меня забудет, если я не буду постоянно при нем*». Эта текстовая единица также выражает взгляды героини на происходящее.

Еще одна возможность курсива – выделение логической последовательности: «Я уж решила: *если я не буду при нем всегда, постоянно, каждое мгновение, он разлюбит меня, забудет и бросит*». Героиня, строя логические цепочки, приводя аргументы, приходит к обоснованным выводам о ситуации.

Также курсив может указывать на определенный предмет, место или событие: «Мамаша, еще, когда мы были *там...*». Сам Достоевский позднее дает пояснение, что «там» значило теперь за границей».

Словами, выделенными курсивом в романе «Униженные и оскорбленные», выступают местоимения в количестве 59, из них указательными являются 12. Эта часть речи является преобладающей, поскольку в тексте слова, выраженные местоимением, являются значимыми и акцентируют внимание читателя на конкретном персонаже, событии или месте. Также курсивом выделяются глаголы – 21 употребление; краткие и полные формы прилагательных – 18 употреблений; существительные – 17 употреблений. В меньшей степени представлены причастия и наречия – 5 употреблений. Также стоит отметить единичные случаи выделения числительного, утвердительной частицы и союза.

Нами определены следующие функции курсивного выделения: экспрессивная – 10 случаев; характеризующая внешность, речь, психологическое состояние героев – 30 случаев; связующая, определяющая подтекст произведения – 9 случаев. Преобладающей является указательная функция – 47 случаев. В меньшей степени представлены ретроспективная и иллюстративная функции – по 2 случая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзерман Л. С. Ключевые слова / Л. С. Айзерман // Русский язык в школе. – 1973. – № 4. – С. 39 – 43.
2. Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста / И. В. Арнольд // Ин. язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 6 – 12.
3. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л., 1978. – 197 с.
4. Вежицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

5. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные : [роман] / Ф. М. Достоевский. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 512 с.
6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М., 1982. – 159 с.
7. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» / В. Н. Захаров // Русская речь. – 1979. – № 4. – С. 21 – 27.
8. Караулов Ю. Н. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении / Ю. Н. Караулов // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. / РАН Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 35 – 38.

SUMMARY

Shakhmaeva K. Graphic means in the novel by F. M. Dostoevsky «The Insulted And The Injured»

The visual image is the first, with what the reader encounters during the initial perception of any written or printed text. In many ways, this image depends on the font and color design, the use of typographic and iconic signs, punctuation. Graphics is one of the primary factors in the perception of text.

Keywords: visual image, graphics tools, graphic arts, font, typographic sign, F. M. Dostoevsky «The Insulted And The Injured».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аносова Е.</i> ПРИРОДА РІДНОГО КРАЮ У ПЕЙЗАЖНІЙ ЛІРИЦІ ПИСЬМЕННИКІВ ДОНБАСУ. ТВОРЧІСТЬ ВОЛОДИМИРА БАЛЮКА.....	3
<i>Белоконь Е.</i> РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	7
<i>Белоусова З.</i> ИСКОННО РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ В НАШЕЙ РЕЧИ.....	11
<i>Герасименко А.</i> ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НАРОДА	15
<i>Головань Е.</i> ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА Ю. АНДРУХОВИЧА «ТАЙНА».....	19
<i>Гончарова Т.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ О БОГАТЫРЯХ	22
<i>Губанова М.</i> ТЕОРЕТИЧНІ І ПРАКТИЧНІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ ГРАМАТИЧНОЇ ВАРІАНТНОСТІ	26
<i>Дмитрієва Е.</i> СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ВЫСОЦКОГО.....	31
<i>Дмитрієва Ю.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ АНГЛИЦИЗМА ART В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	37
<i>Добреля В.</i> ВИКОРИСТАННЯ ІНТЕРАКТИВНИХ ТЕХНОЛОГІЙ НА УРОКАХ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ЯК ЗАСІБ ДОСЯГНЕННЯ НОВИХ ОСВІТНІХ РЕЗУЛЬТАТІВ	41
<i>Емельянова К.</i> ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ РАЗВЁРТЫВАНИЯ АББРОАФИКСОИДОВ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕКСТАХ	46
<i>Задарновская Я.</i> ПОНЯТИЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	50
<i>Когтева А.</i> ОБРАЗ МІСТА В ОДНОЙМЕННОМУ РОМАНІ В. ПІДМОГИЛЬНОГО	54

<i>Кононенко С.</i> СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДЕИ ДВОЙНИЧЕСТВА: ДВОЙНИКИ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО».....	57
<i>Кочетова К.</i> ОБРАЗ ДОМА КАК КОНСТАНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ МАРИАМ ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»	61
<i>Крестьянинова Е.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ АББРЕВИАТУРЫ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АЛЬП»).....	67
<i>Михайлова Е.</i> РЕЛЯТИВНЫЕ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИСТОЧНИК ТЕКСТОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ	72
<i>Никитюк Н.</i> АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	78
<i>Осадчая В.</i> ДОСЛІДЖЕННЯ МОДАЛЬНОСТІ З ПОЗИЦІЇ ЛІНГВОКРЕАТИВНОСТІ.....	83
<i>Проценко И.</i> ВИЯВИ СЕМАНТИКО-ГРАМАТИЧНОЇ АСИМЕТРІЇ НА РІВНІ КАТЕГОРІЇ РОДУ ЗМІНЮВАНИХ ІМЕННИКІВ – НАЗВ ІСТОТ	88
<i>Ровная В.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГНЕЗДАХ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ, МОТИВИРОВАННЫХ СИМУЛЬТАННЫМИ АББРОКОНСТРУКТАМИ	92
<i>Рожкова А.</i> ГОЛУБЬ КАК САМЫЙ ДРЕВНИЙ СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ	95
<i>Святобаченко И.</i> АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ФОКУСА ВЫСКАЗЫВАНИЯ	100
<i>Скрипченко Е.</i> ПИСЬМА В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	105
<i>Ткачик Т.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА СРЕДСТВАМИ ОПОРНЫХ КОНСПЕКТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ	109

<i>Фабрикантова М.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ ДНЕВНИКОВОГО ЖАНРА В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА	114
<i>Чернецкая А.</i> ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОНЕЦКОГО АВТОРА Е. ВОРОНОВА	117
<i>Черничко И.</i> СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВОВ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО НАРОДНОПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА.....	121
<i>Шахмаева К.</i> ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»	124

Научное издание

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА
В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников I Республиканской
научно-практической интернет-конференции
студентов и молодых учёных

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *А. М. Калашиников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Е. С. Шалыгиной*
Корректоры *И. С. Святобаченко, Н. В. Лешикова, Ю. Л. Дмитриева,*
О. В. Сырова, Л. А. Штакина, О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 01.02.2018.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 7,48. Уч.-изд. л. – 8,25.
Усл.-изд. л. – 7,67.
Тираж 100 экз. Зак. № 17.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25